

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

XVII международная научно-практическая
конференция молодых ученых

«ПСИХОЛОГИЯ XXI ВЕКА:
ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОЕ
НАУЧНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Сборник тезисов

Санкт-Петербург
2014

П86 **Психология XXI века: пути интеграции в международное научное и образовательное пространство:** Материалы XVII международной научно-практической конференции молодых ученых, 17–19 апреля 2013 г. — СПб.: Скифия-принт. — 240 с.
ISBN 978-5-98620-115-3

ББК 88.3

Издание материалов конференции «Психология XXI века: пути интеграции в международное научное и образовательное пространство» проводится при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 14-36-01503г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

<i>Казыханова Л.И.</i> Взаимосвязь уровня рефлексивности и академической успешности студента в вузе	12
<i>Кириенко А.О.</i> Исследование образа различных знаков рубля в обыденном сознании (методом СД)	14
<i>Кулиева А.К., Кувалдина М.Б.</i> Особенности классификации в задаче слежения за несколькими движущимися объектами	16
<i>Лаврова А.И.</i> Проблема выбора профессии в юношеском возрасте	17
<i>Лаптев А.О.</i> Использование методов анализа и синтеза в современной психологии	19
<i>Линкевич К.В.</i> Перспективы развития психологии понимания	21
<i>Мартынова М.А., Богомаз С.А.</i> Личностно-обусловленная оценка среды города молодежью из двух сибирских городов	23
<i>Михальченко К.С., Ледовая Я.А.</i> Понимание мегафор разных типов: рассуждение о плане репликационного исследования	24
<i>Морозов М.И.</i> Эффект генерации при достройке контурных изображений, требующей минимальных усилий	26
<i>Свередюк Е.В.</i> Методологические и теоретические подходы к изучению жизненного благополучия	28
<i>Сопов М.С.</i> Использование психофизиологических методов для изучения прайминг-эффекта	30
<i>Целяева С.И.</i> Использование информационных знаков для изучения процессов понимания рисованных ситуаций	32

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

<i>Абросимов И.Н., Ялтонский В.М.</i> Эмоциональный уровень ВКБ взрослых пациентов с муковисцидозом.	34
<i>Абросимов И.Н.</i> Эмоциональные особенности взрослых больных муковисцидозом	36
<i>Анохина К.А.</i> Социально-психологическая адаптация подростков с ЗПР	37
<i>Антонюк К.А., Скорлыгина Е.А.</i> Формирование основ безопасности жизнедеятельности детей дошкольного возраста	39
<i>Белова О.О.</i> Особенности когнитивных функций больных в предоперационном периоде	41
<i>Белоколодов В.В.</i> Комплаенс в реабилитации наркозависимых.	42
<i>Будников М.Ю.</i> Динамика самооотношения наркозависимых в реабилитации	44
<i>Вартамян Г.А., Горбатов С.В.</i> Особенности личности подростков, осужденных за преступления на сексуальной почве	45
<i>Волкова О.В.</i> Эмоциональное благополучие в связи с опытом отношений с родителями в детстве	47
<i>Гвоздецкий А.Н., Даева Н.А.</i> Оценка различий когнитивного профиля у больных шизофренией и аффективными круга.	49
<i>Гречина Д.С.</i> Особенности военнослужащих в клинике с диагнозом «расстройства адаптации» (F43)	51
<i>Данелия И.В.</i> Образ матери у девушек с особенностями пищевого поведения в контексте телесности	52
<i>Дворцова М.Н.</i> Зависимость от сети «ВКонтакте» и адаптация студентов к вузу.	54
<i>Дмитриева А.А.</i> Факторы предоперационной тревоги у пациентов с сердечно-сосудистой патологией	56
<i>Еремина Д.А., Николаева О.Б.</i> Особенности когнитивных функций пациентов с ИБС после коронарного шунтирования.	58
<i>Желонкина Т.А., Сыркина Е.А.</i> Изучение типов репрезентации болезни у пациентов с ишемической болезнью сердца	60

<i>Жирова Л.О.</i> Копинг-поведение больных с ИБС	61
<i>Жукова М.А.</i> Взаимосвязь восприятия детского опыта и представлений об отцовстве у мужчин.	63
<i>Журавлева Е.Н.</i> Намерение как предиктор ограничительного пищевого поведения у женщин	64
<i>Журич Е.А.</i> Сравнение коммуникативной эффективности мимического и вербального канала	66
<i>Зартор А.С.</i> Влияние механической стимуляции шейных мышц на восприятие схемы тела	68
<i>Ишуткина А.А.</i> Изучение внутренней картины здоровья у лиц экстремальных профессий	69
<i>Кибец Е.В.</i> Проблема психологического сопровождения ВИЧ-инфицированных детей и их семей.	71
<i>Колоколова А.Д.</i> Особенности ценностно-смысловой сферы личности при сахарном диабете 1-го типа.	73
<i>Комбаров А.В.</i> Социально-психологическая адаптация лиц пожилого возраста.	75
<i>Котенко Р.О.</i> На пути от описания к лечению диссоциального расстройства личности.	76
<i>Крайнюков С.В.</i> Модель реконструкции картины мира подростков с соматическими заболеваниями	78
<i>Краснова Л.В., Торохина Л.А.</i> Влияние психической депривации на личность в условиях Крайнего Севера	80
<i>Кузнецова Е.В., Потявина В.В., Тайц А.Н.</i> Особенности семейных взаимоотношений у женщин с диагнозом «эндометриоз».	82
<i>Кузнецова Е.А.</i> Некоторые когнитивные особенности подростков с соматоформной дисфункцией	83
<i>Купреева К.С.</i> Семантико-ассоциативный профиль реакций на объект при алкогольной зависимости.	85
<i>Куракина Е.Ю., Ефимочкина О.С.</i> Психологические особенности женщин в период подготовки к процедуре ЭКО	87
<i>Леденева Ю.Ю.</i> Индивидуально-психологические особенности лиц с нарушениями пищевого поведения	88

Леус Э.В., Ивкова А.А. Особенности аутодеструктивного поведения несовершеннолетних	90
Ложечкина А.Д. К вопросу о психологических константах развития психики человека	92
Локоткова М.А., Петров М.В. Возможности диагностики нарушений исполнительских функций при шизофрении	93
Лысенко С.В. Субъективное благополучие молодежи как индикатор здоровой личности	95
Мальцева М.Н., Мельникова Е.В., Шмонин А.А. Канис-терапия в реабилитации пациентов, страдающих постинсультной депрессией	96
Маслова Т.М., Правдина Л.Р. Личностный адаптационный потенциал и успеваемость студентов-психологов	98
Миняхина К.А. Особенности репрезентации интрацептивных ощущений при фантомно-болевым синдроме	100
Моисеева А.С., Шитилова К.В. Вопросы историко-психологического изучения умственной отсталости	101
Морозова К.А. Психологические факторы дезадаптации студентов-первокурсников	103
Неменчинская С.М., Мамайчук И.И. Стили воспитания и родительские отношения в семьях детей с РДА	104
Обласова У.В. Психология телесности: психоаналитические истоки	105
Осташева Е.И. Личность подростка в новых реалиях культуры	107
Павлова А.А., Березанцева М.С., Кувалдина М.Б. Зрительный поиск и слепота по невниманию у больных шизофренией	109
Панкова Е.Г. Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и мотивационной структуры личности	111
Петров М.В. Сравнительный анализ познавательных процессов при шизофрении и тревожных расстройствах	112
Пульцина К.И. Рефлексия как предиктор осознания болезни при шизофрении	114
Сачук В.С. Психологическая коррекция психического состояния больных геморроем	116
Сибилёва Т.В. Актуализация проблемы обеспечения безопасности жизнедеятельности детей	118

Соколова А.В. Уровень тревожности у детей с нарушениями интеллекта до и после коррекции	119
Стрельникова Ю.Ю. Специфика оказания экстренной психологической помощи в Финляндии и Австралии	121
Ульд Семета М.Б. Роль тьютера в системе психологической помощи детям с аутизмом в Кувейте	123
Устинова М.В. Особенности когнитивных нарушений у детей ДЦП, страдающих эпилепсией	125
Фадеева Е.В., Геронимус А., Цветкова Ю.В. Особенности употребления ПАВ среди молодых людей с нарушениями слуха	126
Худякова А.А., Плешкова Н.Л. Особенности психологической адаптации у женщин	128
Чечкова А.В. Канис-терапия в работе с тревожностью и агрессивностью младших подростков	130
Шабанова Е.В. Детско-родительские отношения отцов детей с расстройством аутистического спектра	131
Шарыгина К.С. Патогенетические и саногенетические факторы в реабилитации аддиктов	133
Шелонина Т.В., Горбатов С.В. Аддиктивная личность с позиции системы отношений	134
Шелуханова А.В. Особенности саморегуляции сотрудников полиции, участвующих в боевых действиях	136
Шиленко О.А., Бурина Е.А. Психологические особенности женщин с различным уровнем употребления алкоголя	138
Шкодина И.М. Исследование копинг-стратегий у людей с созависимыми моделями поведения	139
Шумова А.И. Динамика психологических характеристик больных наркоманией в ходе реабилитации	140
Шурыгина Г.С. Исследование интеллекта у дошкольников с последствиями гидроцефалии	142
Юрьева Т.В., Овсиенко П.С. Особенности психологической адаптации иностранных студентов	144

Яковлева М.В., Николаева О.Б. Отношение к болезни как фактор приверженности лечению больных ИБС	145
---	-----

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Антонова Е.А., Данилова М.В. Роль детско-родительских взаимодействий в становлении идентичности подростков	148
Асмус И.Н. Формирование навыков эффективной саморегуляции у студентов и аспирантов вуза	150
Ахмедханов М.А., Губин В.А. Прогнозирование успешности обучения в учебном центре внутренних войск МВД РФ	151
Барышева Т.Д. Профессиональное мышление психологов и рефлексивная практика	153
Бурченкова Л.Ш. Гендерные особенности ценностных ориентаций старших школьников	155
Ван С.М. Изучение адаптированности китайских студентов, обучающихся в вузах Санкт-Петербурга	157
Василенко Ю.А. Проблема процесса переживания «потока» у подростков интернет-аддиктов	158
Данилова Ю.Ю. Особенности проявления доверия к себе у воспитанников детского дома	160
Демина Д.С. Психолого-педагогическое сопровождение в спортивной деятельности	162
Денисова Ю.В. Социально-психологические факторы подросткового эскапизма	164
Закирова Д.А. Образ Я и самооценка младших подростков в связи со структурой семьи	165
Ивутина Е.П., Виноградова Е.М. Взаимосвязь ответственности и саморегуляции поведения в юношеском возрасте	166
Кагермазова Л.Ц. Межкультурная коммуникация — формирование этнической толерантности студентов	168
Коминч О.В. Динамика защитных механизмов и потребности личности в самопознании	170
Кострова М.А. Эффективность психологического консультирования школьников-подростков	172

Кравчик К.Б. Проблемные сферы старших подростков в связи с их личностными характеристиками	174
Кудлаенко О.А. Суверенность психологического пространства у женатых и холостых мужчин	175
Летягина Е.Л., Галимзянова М.В. Отношение к смерти в связи с субъективными переживаниями детства	177
Лобанова Л.О. Психологические теории как пространство самоактуализации у студентов-психологов	179
Лю Ц.Ф. Показатели психологической адаптированности у первокурсников СПбГУ	180
Ляшенко И.Н. Детско-родительские отношения и самоотношение подростков — участников буллинга	182
Мелёхин А.И. Модель психического в позднем онтогенезе: актуальность, проблемы и перспективы	184
Мудрова Д.С., Кисова В.В. Нейросетевое моделирование связей дескрипторов познавательной деятельности	186
Нежданова А.В. Мотивация профессиональной деятельности в разные периоды взрослости	187
Опякина О.В., Корнеева Я.А., Симонова Н.Н. Взаимосвязь факторов выбора профессии и особенностей личности старшеклассников	189
Орлов А.О. Возможности экспериментального изучения представлений у детей трех-четырёх лет	191
Павлова О.В. Выбор самых значимых людей в подростковом, юношеском и студенческом возрастах	192
Певец О.В. Детско-родительские отношения подростков в условиях алкоголизации родителей	194
Петрова О.В. Психологическое благополучие и осмысленность жизни у мужчин и женщин	196
Полякова М.К. Локус контроля и детско-родительские отношения в подростковом возрасте	198
Рожина С.В. Феномен кибербуллинга в современной психологии	199

<i>Сорокоумова С.Н., Егорова П.А.</i>	
Психологическое сопровождение детей в условиях интегрированного образования	201
<i>Третьякова Т.М.</i>	
Проблемы готовности к началу школьного обучения	203
<i>Тушенкова Н.Н.</i>	
Взаимосвязь социальной адаптации и эмоционального развития у дошкольников	204
<i>Шлат Н.Ю., Орлов А.О.</i>	
Психолого-педагогические условия развития этнической идентичности у дошкольников	206
<i>Янбердина Р.Ф., Данилова М.В.</i>	
Гендерная идентичность у женщин с нетрадиционной сексуальной ориентацией	207

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

<i>Кердоль А.О.</i>	
Психологическое благополучие руководителей.	210
<i>Корнеева Я.А., Симонова Н.Н.</i>	
Личностный ресурс и адаптационные стратегии вахтовых работников в контексте индивидуального стиля	212
<i>Медведева Д.С.</i>	
Мотивы профессиональной деятельности в условиях неопределенности рынка труда	213
<i>Никифорова Т.С.</i>	
Склонность к прокрастинации в зависимости от особенностей учителей	215
<i>Преснякова С.А.</i>	
Факторы, обуславливающие приверженность сотрудников к организации	217
<i>Чугаева А.В.</i>	
Актуальные потребности и мотивы специалистов в сфере информационных технологий	219

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Беззян А.А.</i>	
Влияние уровня этноцентризма на принятие дискриминации в различных ситуациях	221
<i>Воробьева В.А.</i>	
Взаимосвязь мотивации к учебе и статусного положения учащегося в начальной школе	223
<i>Гайдай А.С.</i>	
Профессиональная ориентация испытуемых как детерминанта эффекта Барнума.	224

<i>Глусская Н.М., Чайковская М.В.</i>	
Враждебность и копинг-поведение у хоккейных болельщиков.	226
<i>Игумнова Н.Ю.</i>	
Социально-психологические факторы психологического насилия в семье	227
<i>Корзун С.А.</i>	
Социальная поддержка как копинг-ресурс в ситуации внутриличностного конфликта	229
<i>Мельникова Ю.В.</i>	
Образ России в представлениях современной молодежи	231
<i>Синельникова Е.С.</i>	
Социальные представления голландских студентов о взаимодействии в конфликтах	233
<i>Суворова О.В., Карякина С.О.</i>	
Гендерные аспекты этнической толерантности и этнической идентичности подростков	235
<i>Тимошина И.Н.</i>	
Гендерная специфика статусных отношений в подростковом возрасте	236
<i>Тихомирова Т.С.</i>	
Взаимосвязь социометрического статуса с самооценкой у учащихся младших классов	238
<i>Тихонов Р.В., Андреев И.А.</i>	
Модерация и игрофикация групповой работы	240
<i>Шарок В.В.</i>	
Особенности межличностных отношений личности, склонной к рискованному поведению	242

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

Казыханова Л.И.

Взаимосвязь уровня рефлексивности и академической успешности студента в вузе

Результативность деятельности является одним из критериев самореализации человека в обществе. И этап образования студента в вузе представляет собой первую ступень к достижению успеха, т. к. именно в данный период помимо усвоения навыков, умений и знаний происходит развитие и становление субъекта, как специалиста в определенной выбранной им профессиональной области. Оттого важной задачей психологической науки является определение факторов, влияющих на процесс обучения, а также на характер учебной деятельности. Это позволит создать учебно-социальную среду, способствующую эффективной адаптации студента в вузе и успешному процессу обучения, что окажет последующее воздействие на качество образования. В ранних работах по данной проблематике рассматриваются как когнитивные, так и некогнитивные факторы, влияющие на академическую успешность студента в вузе. В частности, рассмотрение роли влияния социальной среды (Duncan G.J., 2007); изучение взаимосвязи уровня интеллекта и академических достижений учащихся (Rosander P., 2011); рассмотрение рефлексии как качественного показателя академической успешности (Шабалина М.Р., 2009); определение личностных черт как предикторов академической успеваемости (Кочергина Е.В., 2013); исследование взаимосвязи личностных черт и стратегий обучения (Duff A., 2002). Однако большинство исследователей в своих работах касаются рассмотрения внешнего влияния факторов на деятельность как целостное явление.

Цель данной работы состоит в рассмотрении рефлексии, в частности рефлексивности в структуре и результатах учебной деятельности. Под рефлексивностью мы будем понимать уровень развития рефлексии, или качества личности, характеризующего направленность познания на себя (Шадриков В.Д., 2013). В ходе достижения поставленной цели была проведена эмпирическая апробация разработанной нами методики диагностики рефлексии, основанной на модели психологической функциональной системы деятельности В.Д. Шадрикова.

В эмпирическом исследовании приняло участие 180 студентов из различных вузов регионов России в возрасте 17–24 лет. Однако по той причине, что не во всех вузах действует рейтинговая система (средний балл), число респондентов было сокращено до 45. Для оценки уровня успешности были собраны данные значения среднего балла и оценка (субъективная) успеваемости в процентном значении по 100-балльной шкале. Измерение уровня рефлексивности проводилось с помощью методики диагностики рефлексии, которая позволяет оценить уровень рефлексивности в каждом из компонентов действия и деятельности: осознанность потребности, определение цели, динамика реализации действия и оценка результатов. Структура методики позволяет рассмотреть 3 уровня рефлексивности отдельных компонентов деятельности: 1) низкий, характеризующий отсутствие у субъекта склонности к непрерывному анализу собственной деятельности; 2) средний — наличие компонента анализа при сохранении умеренной склонности; 3) высокий — характеризует повышенную склонность к непрерывному анализу деятельности и компонентов структуры деятельности. Согласно выдвинутой нами гипотезе, повышенная склонность субъекта, выраженная в высоком уровне рефлексивности, может препятствовать непосредственной деятельностной активности и достижению запланированных результатов. Для рассмотрения значимых связей между уровнями рефлексивности и показателями успешности был проведен корреляционный анализ данных при помощи коэффициента Пирсона.

На основе полученных данных, включающих в себя значения по каждому уровню рефлексии в отдельном показателе действия и деятельности, были сделаны следующие выводы: 1) наличие положительной связи показателей субъективной и объективной оценок успешности со значениями средней рефлексивности. При рассмотрении значений коэффициента корреляции субъективных показателей успешности и уровня рефлексивности отмечается связь на уровне тенденции; 2) отрицательная статистически значимая связь наблюдается при высоких показателях рефлексии; связь на уровне тенденции (отрицательная) при низком уровне рефлексии. Таким образом, было выявлено наличие прямой связи среднего значения уровня рефлексив-

ности с высокими показателями успешности как субъективной, так и объективной. Однако полученные в ходе данного исследования выводы требуют проведения дополнительных исследований с учетом увеличения выборки и выявления характера связи выделенных нами показателей успешности и уровня рефлексивности.

Кириенко А.О.

Исследование образа различных знаков рубля в обыденном сознании (методом СД)

Актуальность настоящей работы обусловлена возрастающим интересом к сфере экономической психологии, осознанием необходимости создания благоприятного образа рубля не только как экономического феномена, но и с точки зрения психологической науки. Центральный банк России в 2013 г. на официальном сайте проводил голосование за один из пяти возможных символов рубля, отобранных ранее.

В данной статье предпринята попытка реконструировать образы каждого из представленных знаков отечественной валюты в обыденном сознании. Инструментом настоящего исследования был выбран семантический дифференциал, применяемый Ю.С. Николенко. Автор в своем исследовании модифицировала классический 25-шкальный СД Ч. Осгуда, включив в него шкалы личностного СД, разработанного и адаптированного сотрудниками психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, а также шкалы частного СД, примененного в исследованиях О.С. Дейнеки [6]. В результате модификации был получен бланк СД, состоящий из 24 биполярных шкал.

В качестве стимульного материала были использованы изображения символа рубля, взятые с официального сайта Центробанка России. Испытуемыми выступили студенты Дальневосточного федерального университета специальностей «Биология» (Группа 1) и «Психология» (Группа 2) в общем количестве 57 человек. При этом испытуемым не сообщалось, что представленные символы являются графическими отображениями рубля. После обработки собранных данных была выделена групповая семантическая универсалия для каждого из заявленных графических изображений (при 10%-ом интервале отступа). Стоит отметить, что в целом данные графические знаки испытуемыми оценены благоприятно, есть повторения среди дескрипторов для разных знаков. Однако наиболее согласованно (что напрямую связано с большим количеством полученных характеристик) и наиболее благоприятно, учитывая специфику стимула, был оценен рисунок 1 (русская буква «Р» с вертикальной линией): «прибыльный», «само-

стоятельный». Для рисунка 2 (русская буква «Р» с горизонтальной линией) ключевой характеристикой является дескриптор «сильный», для рисунка 3 (английская буква «R» с двумя диагональными линиями) — «настойчивый», для рисунка 4 (английская буква «R» с одной диагональной линией) — «меняющийся», а для рисунка 5 (русская буква «Р» в сочетании с русской буквой «У») — «активный» и «динамичный». Данные прилагательные являются характеристиками, выделенными обеими группами испытуемых. Рисунок 4 был оценен наименее благоприятно и является «лидером» по числу дескрипторов с негативной окраской: «неуверенный», «меняющийся», «тревожный», «осторожный». Остальные графические знаки не получили подобных характеристик.

Исходя из полученных данных, можно заключить, что наиболее выгодной «кандидатурой» с точки зрения представленности образа в групповом сознании для обозначения знака рубля можно считать рисунок 1. Однако эта предпочтительность весьма условна и не ярко выражена. Данное исследование показало, что рисунки 1, 2, 3, 5 не имеют контрастных различий. Возможно, это произошло из-за сокрытия информации о принадлежности данных знаков к рублю. Графические абстрактные изображения, не имеющие за собой четкого смыслового содержания, не имеют в сознании респондентов индивидуализированного образа, которые значимо отличались бы друг от друга. Исключением, пожалуй, можно считать рисунок 4, особенности образа которого были указаны выше. Для более разностороннего исследования указанной проблемы исследователь привлек в качестве эксперта гражданина США, проживающего в штате Техас и посетившего ДВФУ в рамках учебного процесса. Ему были предъявлены графические знаки, объяснено их значение и суть проводимого Центробанком конкурса. Эксперт, в отличие от российских респондентов, выделил именно рисунок 4. По его мнению, первые два символа никак не связаны с Россией (т. к. русская буква «Р» имеет то же написание, что и английская буква «R» (пи)), последние три знака могут рассматриваться как содержащие английскую букву «R», букву, с которой начинаются слова «Russia» и «rouble», что будет предпочтительнее в англоговорящем мире. Данный факт следует принять во внимание, т. к. обозначение рубля в первую очередь предназначено для использования международным сообществом. Настоящее исследование было начато, когда конкурс Банка России продолжался, однако выводы сформулированы уже после объявления результатов. Большинство граждан проголосовало за рисунок 2 (буква «Р» с горизонтальной чертой), он и был утвержден в качестве официального знака рубля.

Кулиева А.К.
Кувалдина М.Б.

Особенности классификации в задаче слежения за несколькими движущимися объектами

В задачах слежения за несколькими движущимися объектами происходит разделение предъявляемых стимулов на цели и нецелевые объекты (дистракторы). Классификации также подвергается дополнительный объект в задачах, индуцирующих слепоту по невниманию. Слепота по невниманию — перцептивная ошибка, заключающаяся в невозможности обнаружения яркого, но irrelevantного задачи стимула, при условии загрузки внимания основной задачей; далее — СН (Mack, Rock, 1998). Дополнительный объект включает в себя признаки как целевых объектов, так и дистракторов. Таким образом, он не может быть отнесен ни к тем, ни к другим, поэтому воспринимается как отдельный класс объектов (Кувалдина, Кулиева, Семенихина, 2013, в печати).

Нас интересовало, насколько первичная классификация объектов повлияет на обнаружение дополнительного стимула при условии повышения релевантности этого стимула. Мы предположили, что, во-первых, наличие сформированного образа цели к моменту появления дополнительного стимула повысит уровень СН. Во-вторых, образ цели сохранится и на время выполнения последующего (второго) задания, таким образом повышая уровень СН относительно группы испытуемых, у которых не было возможности сформировать образ цели предварительно.

Всего в исследовании приняли участие 30 человек (из них 11 мужчин), средний возраст — 22 года. Большинство испытуемых — студенты СПбГУ. В качестве метода исследования использовалась модифицированная задача слежения за несколькими движущимися объектами, с включением дополнительного объекта (задача в рамках парадигмы слепоты по невниманию, поддерживаемой динамически (Most et al., 2001, 2005, Кувалдина, 2010)). Эксперимент был проведен по межгрупповому плану. Испытуемые были разделены на две группы; каждой группе предъявлялось два ролика, при этом первый ролик различался, а второй был одинаковым: на сером фоне с периодичностью в 1 секунду появлялись буквы L и T. Объекты появлялись по очереди: одна белая, одна черная. После предъявления четвертой буквы появлялся дополнительный объект: крест светло-серого цвета (яркость 75%), и двигался по экрану в течение 7 секунд. Первый ролик был призван сформировать образ цели у испытуемых и различался порядком предъявления стимулов. Первой группе предъявлялись сначала все целевые объекты (белые буквы), потом все дистракторы; второй группе — наоборот. Дополни-

тельный объект также предъявлялся после четвертой буквы. Релевантность дополнительного объекта повышалась посредством инструкции «считать удары светлых объектов о края экрана». Однако испытуемым сообщалось, что целевых объектов будет 4. Основываясь на полученных ранее данных, мы предположили, что в первой группе (где первыми на экране появляются 4 белых объекта) образ цели будет сформирован путем переформулировки инструкции (Кувалдина, Басова, 2012). Так, испытуемые выделяют в качестве целевых не светлые объекты, а белые, что исключает попадание в этот класс светло-серого креста.

Были получены следующие результаты. В первой группе уровень СН в первом ролике (процент испытуемых, не заметивших дополнительный объект — крест) был равен 73%, во второй группе — 20%. Полученные различия статистически достоверны (хи-квадрат (1, N = 30) = 8,571; $p < 0.01$). Это позволяет говорить о том, что в качестве цели в первой группе действительно были выбраны белые объекты. Таким образом, подтверждена первая гипотеза о том, что появление дополнительного объекта после формирования образа цели снизит шансы его обнаружить. Уровень слепоты по невниманию во втором ролике в первой группе был равен 47%, а во второй — 27%. Хотя статистически достоверных различий не обнаружено (хи-квадрат (1, N = 30) = 1,292; $p > 0.1$). Хотя процентное соотношение уровня СН различается в ожидаемую сторону, полученные результаты не позволяют сделать однозначный вывод о влиянии предварительного формирования цели на обнаружение дополнительного стимула в последующем задании. Таким образом, вторая гипотеза не подтверждена. Мы предполагаем, что это может объясняться малым объемом выборки. Результаты данного эксперимента говорят о том, что, во-первых, формирование образа цели зависит от порядка появления стимулов. И, во-вторых, СН зависит от первичной классификации целевых объектов и дистракторов. Если образ цели сформировался до появления дополнительного объекта, шансы его заметить снижаются.

Исследование поддержано грантом Президента РФ для молодых кандидатов наук и их руководителей № 14.124.13.6068-МК.

Лаврова А.И.

Проблема выбора профессии в юношеском возрасте

Выбор профессии — это очень важный шаг в жизни человека, сложный и ответственный. Очень часто люди выбирают себе профессию под влиянием внешних обстоятельств, учитываются мнение близких, внешняя атрибутика профессии, престижность и ее экономическая выгодность. Но, в основном,

эти обстоятельства никак не связаны с индивидуальными особенностями и склонностями человека. Молодые люди после окончания 11-го класса, а иногда и раньше, принимают решение о выборе профессии. Это решение, в дальнейшем, повлияет на всю их жизнь. От него зависит успешность этого молодого человека как профессионала и как человека в целом. Сделать социально и глубоко личностный выбор в профессиональном самоопределении — задача не из простых. Ведь от того, насколько правильно выбран жизненный путь, зависит общественная ценность человека, его место среди других людей, удовлетворенность работой, физическое и нервно-психическое здоровье, радость и счастье. Успешность профессионального самоопределения определяется психологической готовностью учащегося к выбору профессии. Эта готовность может быть связана с формированием профессиональной направленности личности, ее адекватной самооценкой, достаточной информированностью и устойчивыми профессиональными намерениями, т. е. человек должен знать достаточно хорошо о своих интересах, о своих когнитивных способностях и личностных особенностях, кроме того, должен быть знаком с профессиями и требованиями, которые они предъявляют, а также должен уметь соотнести эти требования со своими личностными особенностями. Важным механизмом профессиональной ориентации является профессиональный интерес, который выражается через положительное отношение человека к профессии. Развитие профессиональных интересов — это процесс приобретения устойчивых свойств и качеств, который включает в себя возникновение такого интереса, его становление и закрепление и переход профессионального интереса в профессиональные намерения, а впоследствии и в профессиональный выбор. Профессиональный интерес строится на познавательном интересе, поэтому необходимо в программу обучения в общеобразовательных школах, в целях профориентации школьников, включать дисциплины, способствующие расширению знаний учащихся о мире профессий. На основе развития профессионального интереса формируется готовность к профессиональному самоопределению. Помимо поиска профессии, в которой возможна профессиональная самореализация личности, одним из необходимых условий в принятии решения становятся психологические возрастные особенности старшего школьника.

Экспериментальное исследование по изучению профессиональной направленности проводилось на базе МБОУ СОШ № 31 ст. Успенской. Испытуемыми стали 10 учащихся в возрасте от 15 до 17 лет. Тестирование испытуемых проводилось при помощи методик диагностики уровня тревоги и профессиональной направленности личности. Используя методику «Личностная шкала проявления тревоги», мы наблюдаем у большинства старшеклассников средний, с тенденцией к высокому, уровень тревожности. С

помощью методики «Карта интересов» мы выявили, что такие отрасли деятельности, как педагогика, встречаются у 20%, медицина — у 20%, право — у 10%, журналистика — у 10%, геология — у 10%, физика — у 10% и рабочие специальности, транспорт — у 20%. В результате проведения методики ДДО «Я предпочту» было выявлено, что сфера «Человек — Техника» преобладает у 30%, сфера «Человек — Человек» — у 50%, сфера «Человек — Знаковая система» — у 10% и сфера «Человек — Художественный образ» — у 10%.

На основании проведенного исследования, где мы применяли математические методы обработки данных, мы можем сказать, что у большинства старшеклассников (60%) наблюдается средний (с тенденцией к высокому) уровень тревожности. Также большинство детей уже определились с выбором профессиональной направленности. Наиболее востребованными среди данного количества детей являются такие отрасли, как педагогика, медицина, рабочие специальности и транспорт. А также преобладает сфера «Человек — Человек». Полученные нами результаты показывают, что эффективное профессиональное самоопределение старшеклассника возможно лишь при достаточно высоком уровне развития его личности, который предполагает сформированность позитивного образа «Я», целостное восприятие себя субъектом своей жизни, способность выбирать и стремление руководствоваться при совершении выбора собственными целями и ценностями.

Лантнев А.О.

Использование методов анализа и синтеза в современной психологии

Современная психология находится на таком этапе развития, когда все накопленные ранее знания о психике человека интегрируются для образования единой системы описания психической жизни личности. Уже создано множество моделей психики в целом, ее отдельных элементов, динамики и развития. Данные разработки активно используются в практической деятельности психологов. Метод анализа и синтеза различных теорий в настоящее время является одним из ведущих в науке. Нахождение компромиссов между тонкостями теорий, их грамотное и верное сочетание — это трудоемкая и сложная работа. В европейских странах, наряду с классической научной работой, в которой психолог проводит некие исследования, ценится именно выявление проблем в уже созданных теориях с их последующей разработкой. Такой уровень критичности позволяет стимулировать науку и не давать ей застыть на месте. В данной работе будет продемонстрирован пример исследования в подобном направлении. В качестве тематики была выбрана спорная тема — экзистенциальная психология В. Франкла как

частный случай психологической защиты в учениях классического психоанализа. Современным влиятельным направлением психологии на западе является логотерапия, автор которой — Виктор Франкл. Суть его теории заключается в том, что жизнь человека строится на нахождении смыслов. Каждому действию, событию можно найти конкретный смысл, лежащий вне психики, т. е. в окружающем мире. Поиск смыслов напрямую связан с возможностями субъекта, что напоминает теорию самоактуализации А. Маслоу. Чтобы отыскать смысл своей жизни, можно выбрать один из трех путей: самоактуализация, переживание общечеловеческих ценностей, страдание. Если человек по каким-либо причинам смысл найти не может, то наступает состояние экзистенциального вакуума — потеря содержания всего существующего. Напомним основные положения классического психоанализа относительно психологической защиты. Под этим термином понимаются способы борьбы Эго с состояниями болезненных или невыносимых мыслей и аффектов, возникающих вследствие внутренних конфликтов, например, после получения травмирующей информации. В привычной жизни защитные механизмы являются психической нормой. Но когда ресурсов организма на полноценную защиту недостаточно, то именно они могут стать причинами различных расстройств: неврозов, истерий, фобий и т. д. Чтобы проверить, действительно ли «врачевание души», как называл логотерапию В. Франкл, можно отнести к разновидности психологической защиты, разберем пример из практики автора. Штефан В., 58 лет, приехал из-за границы только из уважения к своим друзьям. Его жена умерла недавно от рака. После этого он пытался свести счеты с жизнью. На вопрос, почему не повторил попытку самоубийства, выяснилось, что он беспокоится о могиле жены. Последовал вопрос: «А после этого у Вас больше не останется никаких дел?». Клиент ответил: «Мне все кажется бессмысленным». Франкл: «Вопрос в том, как Вы себе это представляете, ничтожным или нет? Вы имеете полное право думать, что ничто и никто не сможет Вам заменить супругу, но Вы обязаны предоставить себе шанс однажды подумать иначе». Клиент: «Я не чувствую больше вкуса к жизни. Долг? Это всё слова». Франкл: «Даже дружба и слово чести? Если Вы чувствуете себя обязанным ради умершей поставить надгробный камень, то разве Вы не чувствуете себя обязанным жить ради любви к ней?». Позже клиент осознает скрытый в подсознании смысл своего существования, называя его долгом. Но возможно ли такое, что сам страх смерти, пусть даже неосознанный, заставляет пациента находить эти «причины» для своей жизни? После неудачного самоубийства, которое было осуществлено в состоянии шока после потери, мужчина не предпринимал попыток свести счеты с жизнью, объясняя это обещанием перед друзьями. Получается, причиной жизни пациента может быть само желание жить,

замаскированное механически привнесенным смыслом. Единственное, что теперь может мешать освободиться — это вина перед покойной супругой в ее смерти. В данном примере явно показана рационализация — механизм защиты, при котором поведение (или даже целая ситуация) видоизменяется таким образом, что становится ясным, понятным, социально приемлемым и менее пугающим. На конкретном примере мы показали, что метод анализа и синтеза различных психологических теорий остается актуальным и полезным в наши дни. Нахождение новых аспектов в уже известных теориях — обширное поле деятельности, на котором существует еще множество белых пятен.

Линкевич К.В.

Перспективы развития психологии понимания

В современной психологической науке все большее внимание уделяется вопросам смыслового взаимодействия человека с миром и другими людьми. Начало этого процесса связано с возникновением экзистенциальной психологии и, в частности, логотерапии В. Франкла (Франкл, 1990), которая в отечественной психологии приобрела собственное развитие, что привело к возникновению психологии человеческого бытия (Знаков, Рябикина, 2005) как целостного подхода к изучению человека. Одной из сфер современных исследований в области смыслового взаимодействия человека с миром является психология понимания, поскольку именно процесс понимания определяется как «процедура осмысления — выявления и реконструкции смысла, а также смыслообразования» (Гусев, 1985, с. 22). На данном этапе развития науки наибольшее внимание в этой области уделяется психолингвистическим исследованиям (например, Ришар, 1998), тесно связанным с областью когнитивной психологии. И хотя исследователи отмечают, что проблема понимания не исчерпывается вербальным взаимодействием людей (Галликер, Ваймер, 2013), в сравнении с исследованиями психолингвистов, количество работ по теме понимания людьми невербального материала крайне невелико. В этой связи необходимо упомянуть проблему изучения социального интеллекта, пожалуй, наиболее ярко проявляющую необходимость учета надления людьми смыслом невербального материала (Люсин, Ушаков, 2009). Однако наиболее перспективным, с нашей точки зрения, является рассмотрение процесса понимания как самостоятельного психического феномена, имеющего универсальные законы и закономерности своего протекания вне зависимости от особенностей материала, подлежащего осмыслению.

С опорой на эту гипотезу нами было проведено фокус-групповое пилотажное исследование по теме «Понимание», в котором приняло участие 10 человек в возрасте от 18 до 35 лет (4 мужчины, 6 женщин). Группирующим признаком был выбран сходный уровень образования: полученное или получаемое высшее образование. Предмет исследования: содержание понятия «понимание» в бытовом языке. Объект исследования: феноменологическое содержание опыта участников исследования. Исследовательский материал был собран посредством диктофонной записи с согласия участников исследования. В результате качественного анализа материалов группового интервью были составлены списки (1) выделенных респондентами субъективных внутренних критериев понимания, (2) критериев, позволяющих оценить качество результата собственного понимания, а также (3) способов проверки качества понимания другим человеком сообщения. Однако наиболее интересным, с точки зрения перспектив развития психологии понимания, является выделенный испытуемыми такой критерий произошедшего события собственного понимания, как «прибавка энергии», которая может проявляться в желании немедленно поделиться с кем-либо результатом своего понимания или совершить на его основании целенаправленное действие. В научных текстах данный критерий упускается из внимания. Однако, несмотря на сложности оценки возникновения такой «прибавки энергии» объективными методами, мы считаем ее необходимым элементом и перспективным направлением в сфере научных исследований проблем понимания. Поскольку процесс понимания целиком проходит на субъективном плане, сложности с его объективацией оказываются совершенно неизбежными. И, тем не менее, необходимы критерии, позволяющие отграничить в процессе исследования, например, такие явления, как понимание и усвоение информации друг от друга. «Энергетическая» составляющая смыслового процесса отмечалась еще В. Франклом, писавшим, что при наличии смысла собственной жизни человек оказывается способен выносить даже самые невозможные условия жизни (Франкл, 1990).

Согласно результатам группового интервью, описанный нами выше критерий действительно является специфичным для процесса понимания. Также для нас имеет большое значение то, что при описании данного критерия возникновения понимания респонденты единогласно отмечали появление в таких случаях желания поделиться с другим человеком результатами своего понимания. Это дает возможность строить гипотезы относительно диалогической природы понимания, а также о необходимости коммуникативного аспекта данного процесса. Проверка данных предположений с учетом особенностей «энергетической» составляющей процесса понимания является перспективным направлением развития психологии понимания.

Мартынова М.А.

Богомаз С.А.

Личностно-обусловленная оценка среды города молодежью из двух сибирских городов

Оценка городской среды влияет на поведение человека в условиях города (Смолова, 2008; Штейнбах, 2004). Чем лучше субъективная оценка условий города, тем выше вероятность того, что человек в этих условиях раскроет свой потенциал. В свою очередь, на характер оценивания городских условий влияют личностные особенности человека, его способность оставаться устойчивым, противостоять трудностям в разных ситуациях, т. е. его личностный потенциал. Личностный потенциал представляет собой совокупность черт характера, выступающих как ресурсы, которыми располагает человек и к которым он обращается на протяжении всей жизни (Леонтьев, 2011). Чем большим количеством ресурсов наделен человек, тем шире его взгляд на окружающие условия, тем больше возможностей он способен увидеть в условиях города и воплотить их в жизнь. Ведь, как отмечает В.Е. Ключко: «Чем большие возможности приобретает система, тем вариативнее ее будущее, разнообразнее направления ее развития» (Ключко, 2005).

В исследовании участвовали обучающиеся по гуманитарному профилю студенты, магистранты и аспиранты, проживающие в г. Лесосибирске (Красноярский край, $n = 154$) и г. Томске ($n = 82$). В качестве основных методов были выбраны опросник самоорганизации деятельности (авт. Е.Ю. Мандрикова), шкала «Самодетерминация личности» (авт. Б. Шелдон, адапт. и модиф. Е.Н. Осин), методика «Дифференциальная диагностика рефлексивности» (авт. Д.А. Леонтьев), опросник «Якоря карьеры» (авт. Э. Шейн, модиф. С.А. Богомаз). Для изучения личностно-обусловленной оценки городской среды применялась методика «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» (далее методика СОРБЦ, авт. С.А. Богомаз). Городские условия рассматриваются как благоприятные, подходящие для профессионального и личностного развития молодыми людьми из обоих сибирских городов (индекс по методике СОРБЦ: Л.: $4,98 \pm 1,02$; Т.: $5,67 \pm 0,87$). Сравнение профилей по методике СОРБЦ показало, что к числу максимально реализуемых в условиях каждого из городов ценностей относятся «любить и быть любимым» ($6,24 \pm 1,32$ и $6,39 \pm 1,22$) и «иметь благополучную семью» ($5,87 \pm 1,44$ и $6,34 \pm 1,09$). В меньшей мере в этих же условиях может быть удовлетворена потребность «стать известным и знаменитым» ($3,97 \pm 1,73$ и $4,80 \pm 1,57$). В выборке из г. Лесосибирска к ней добавляется еще и ценность «быть материально обеспеченным» ($3,67 \pm 1,97$). Лесосибирск является центром лесной и лесохимической промышленности в Красноярском крае, ско-

рее всего, в этих отраслях гуманитарно-ориентированные молодые люди не видят возможностей для построения карьеры и достижения материальной обеспеченности. Анализ корреляционных взаимосвязей показал, что чем выше склонность к самоорганизации томской молодежи, тем больше возможностей они различают в городской среде для создания семьи ($r = 0,30$), достижения успеха в профессии ($r = 0,34$) и построения карьеры ($r = 0,35$). Молодежь из г. Лесосибирска с высоким уровнем самоорганизации лучше оценивает город в плане карьерного роста ($r = 0,24$), реализации принципа справедливости ($r = 0,27$) и получения признания в обществе ($r = 0,24$). Склонность томской вузовской молодежи к системной рефлексии, к переосмыслению сделанного позволяет им находить и претворять в жизнь большее количество возможностей для самореализации в условиях города ($r = 0,33$). Молодым жителям г. Лесосибирска с низкой склонностью к самокопанию свойственны такие же черты ($r = -0,24$). Молодые лесосибирцы с выраженной карьерной «ориентацией на вызов» способны найти больше возможностей в городской среде для достижения финансового благополучия ($r = 0,22$) и мировой известности ($r = 0,28$). В свою очередь, молодые люди из г. Томска, которые ориентированы на предпринимательство, склонны к более высокой оценке городских условий ($r = 0,33$). В обеих выборках выделены значимые взаимосвязи между индексом самодетерминации и почти всеми базисными ценностями, в том числе с индексом по методике СОРБЦ (Л.: $r = 0,37$; Т.: $r = 0,59$). Чем выше склонность молодых людей к самодетерминации, тем выше вероятность, что они найдут возможности для самореализации в ключевых сферах в условиях города.

Таким образом, оценка городских условий с точки зрения реализуемости базисных ценностей зависит от степени выраженности у молодых людей параметров личностного потенциала, а именно склонности к самодетерминации и самоорганизации, системной рефлексии, карьерных ориентаций на предпринимательство и вызов. Эти личностные черты выступают как линзы, сквозь которые молодые люди оценивают условия города, а итоговая оценка определяет их поведение.

Михальченко К.С., Ледовая Я.А.

Понимание метафор разных типов: рассуждение о плане репликационного исследования

С начала 1980-х гг. метафора из языкового понятия становится понятием, которое используют тогда, когда изучают мышление и понимание. Многие философы, лингвисты, психологи описывают концептуальную

метафору как механизм, за счет которого происходит понимание абстрактных явлений. Например, из нескольких известных работ (*Lakoff & Núñez, 2000; Boroditsky & Ramscar, 2002; Lakoff, 2012*) следует, что рассуждения об абстрактных математических категориях строятся через метафоризацию непосредственного сенсорно-перцептивного опыта. В 2013 г. в исследовании, посвященном изучению процесса создания метафор к научным понятиям в связи с особенностями интеллектуального устройства личности, мы получили ряд поведенческих коррелятов, связанных с созданием продуктивных метафор (*Михальченко, 2013*). Так, более точные по смыслу рисунки-метафоры создают респонденты с более высокими показателями вербальных способностей, а такой параметр метафоры, как «метафоричность», оказался мало связан с вербальными или невербальными способностями.

В качестве следующего этапа работы мы запланировали изучить особенности работы мозга в показателях ЭЭГ в связи с пониманием метафор. И, следуя нарастающему в международном научном сообществе тренду к репликации психологических исследований, выбрали для повторения исследование, проведенное в Норвегии («Conceptual metaphors and embodied cognition: EEG coherence reveals brain activity differences between primary and complex conceptual metaphors during comprehension» (*Lachaud, 2013*)).

Ниже опишем идеи и план будущего исследования. Мы понимаем метафору как осмысление и переживание явлений одного рода в терминах явлений другого рода: эти различные области названы, соответственно, «областью-мишенью» (target domain) и «областью-источником» (source domain) (*Лакофф и Джонсон, 2003*).

В основании выдвижения гипотез исследования лежит разделение метафор на простые (или «универсальные») и сложные (*Лакофф, 1999*). Согласно гипотезе, выдвинутой норвежскими исследователями, сложные метафоры состоят из двух и более, объединенных в единую концептуальную структуру, простых метафор («как молекула состоит из атомов») (*Lachaud, 2013*). В связи с этим на обработку мозгом сложных метафор должно затрачиваться больше ресурсов, чем на обработку простых. Следовательно, ЭЭГ-активность на начальных этапах понимания простых и сложных метафор будет сходна, а на более поздних этапах будет различаться. Это обусловлено тем, что в обоих случаях в начальные процессы обработки включены одни и те же области головного мозга и нервные пути, а при обработке сложных метафор необходимы дополнительные этапы и дополнительная мозговая активность.

Если гипотеза неверна и сложные концептуальные метафоры являются целостными структурами (просто «абстрактными» метафорами), то ЭЭГ-

активность в процессе их обработки будет сходной с ЭЭГ-активностью в процессе обработки простых метафор.

В экспериментальном дизайне варьируются 2 показателя: метафоричность (есть\нет) и концептуальная сложность (простая\сложная метафора). Таким образом, используется факторная модель дизайна с четырьмя экспериментальными условиями: а) буквальное простое значение, б) буквальное сложное значение, в) простая метафора, г) сложная метафора.

Предполагается участие не менее 40 испытуемых — носителей русского языка.

Каждое предложение предъявляется на 4 секунды в незаконченном виде. Пример: «этот свет очень...». Затем на 2 секунды предъявляется слово, дополняющее значение. Пример: «тяжелый» (в данном случае — метафора). Сразу после предъявления ключевого слова испытуемый должен сообщить, понял ли он предложение. Через секунду предъявляется следующее предложение.

Если полученные для разных стимулов данные не будут различаться, то можно будет сделать вывод о целостности структур как простых, так и сложных метафор. Однако если данные ЭЭГ будут различными на протяжении всего исследования, можно предположить, что простые и сложные метафоры — это разные и не зависящие (с точки зрения работы мозга) друг от друга ментальные образования. Наконец, если полученные нами данные на ранних этапах будут сходными, а на поздних будут различаться, можно будет сделать вывод в пользу подтверждения гипотезы о комплексной структуре сложной метафоры (как состоящей из двух и более простых метафор).

Исследование поддержано НИР СПбГУ № 8.38.303.2014 «Психофизиологические маркеры ментальных пространств, актуализующихся в ходе разных видов интеллектуальной деятельности».

Морозов М.И.

Эффект генерации при достройке контурных изображений, требующей минимальных усилий

В исследованиях памяти широко известен эффект генерации, представляющий собой улучшение памяти на те объекты, которые испытуемый сконструировал сам, по сравнению с теми, которые были ему просто предъявлены (Mulligan, 2004). В одной из объяснительных концепций эффекта генерации, в гипотезе когнитивного усилия (McFarland et al., 1980), утверждается, что при генерации стимул подвергается большей обработке, чем при чтении, т. к. генерация сложнее, чем просто восприятие объекта, и требует

больше усилий. Т. е. чем сложнее обработка информации, тем лучше запоминается объект.

В данном исследовании нас интересовал вопрос о том, будет ли проявляться эффект генерации при предъявлении фрагментированных изображений. В повседневной жизни мы часто сталкиваемся с объектами, которые видны не полностью (условия окклюзии). Тем не менее, благодаря предметности восприятия, мы легко можем определить, что это за объект, т. к. происходит мысленное достраивание неполного объекта до целостного образа. Эта достройка, в условиях окклюзии, происходит уже на ранних стадиях восприятия информации (Rensink, Enns, 1998). Также, достаточно около 15% видимого контура для правильной идентификации объекта (Chikhman V., Shelepin Y., Foreman N., Merkuljev A., Pronin S., 2006). Ведется изучение механизмов работы зрительной системы, обуславливающих опознание объектов (Shelepin, Chikhman, Foreman, 2009).

Для создания стимульного материала мы использовали предоставленную Ю.Е. Шелепиным компьютерную версию Голлин-теста, предложенную Н. Фореманом (Foreman, 1991) и модифицированную Прониным (Шелепин Ю.Е., Чихман В.Н., Вахрамеева О.А., Пронин С.В., Фореман Н., Песмор П., 2008). С помощью этой программы мы сконструировали стимулы с 50% контура и целые стимулы. Они представляли собой контурные изображения повседневных предметов, выполненные белым контуром на черном фоне (всего — 60 штук). Именно в таком виде они и предъявлялись испытуемым, без динамической составляющей Голлин-теста. Нами была выдвинута следующая гипотеза: изображение с 50% контура будут запоминаться испытуемыми лучше по сравнению с целыми изображениями, т. к. опознание фрагментированных изображений требует предварительной генерации.

В нашем исследовании приняли участие 32 человека от 17 до 22 лет. Исследование проходило в два этапа с интервалом в неделю. На первом этапе испытуемым предъявлялись фрагментарные и целые изображения, всего 40 штук. Испытуемым было необходимо понять, что изображено на каждой картинке, и записать это в поле для ответа. Время предъявления было фиксированным и составляло 4 секунды. На втором этапе, для проверки успешности запоминания испытуемых, была выбрана процедура узнавания. Испытуемых просили узнать, предъявлялось ли им это изображение на первом этапе именно в таком виде, или нет. Для задачи узнавания часть стимулов была оставлена без изменений, часть целых стимулов была заменена на фрагментарные, часть фрагментарных — на целые. Также были добавлены новые целые и фрагментарные изображения. Фиксировались правильность, время и степень уверенности в ответе.

Анализ данных показал, что при узнавании новых стимулов испытуемые совершают значительно меньше ошибок, чем при узнавании старых, $p < 0,001$. При узнавании стимулов, достроенных до целого, испытуемые совершают значительно меньше ошибок, чем при узнавании измененных наполовину, $p < 0,01$. Также, для стимулов без изменений, половины узнаются лучше, $p < 0,01$. По времени и степени уверенности в ответе статистически значимых различий не обнаружено. Таким образом, получается, что испытуемые совершают меньше ошибок при узнавании сгенерированных стимулов, а значит, они их помнят лучше. Как видно, эффект генерации проявляется даже при очень легкой, почти автоматической, достройке симультанно воспринимаемого образного материала.

Исследование поддержано грантом РГНФ № 12-36-01342.

Свердюк Е.В.

Методологические и теоретические подходы к изучению жизненного благополучия

Проблема счастья и благополучия человека имеет давнюю историю, многоаспектный и междисциплинарный характер. Именно в силу своей сложной природы благополучие стало предметом исследования и теоретических обобщений ряда гуманитарных наук: философии, психологии, социологии, экономики. В современной психологической литературе интерес к благополучию, удовлетворенности жизнью, оптимизму, качеству жизни возрос благодаря появлению позитивной психологии. Существование разнообразных определений, синонимичных и близких по значению понятий, феноменологических «ошибок» приводит к затруднению изучения жизненного благополучия как научного феномена. Разрешение существующих проблем видится нам в создании единой методологической и теоретической основы для изучения благополучия, что позволит определить категориальный аппарат и предметное поле исследования в рамках различных подходов. В настоящий момент существует несколько основных подходов, раскрывающих природу жизненного благополучия. С одной стороны, они являются теоретическим обобщением всего накопленного материала по проблеме, начиная со времен античности, с другой — они базируются на современных психологических исследованиях. В позитивной психологии принято выделять субъективный (гедонистический), объективный (эвдемонистический) и субъективно-объективный подходы к изучению жизненного благополучия. Методологической основой субъективного подхода к благополучию является концепция гедонизма. Наиболее полно идеи гедонизма выражены

в учении Эпикура, согласно которому счастье достигается посредством максимизации удовольствия и отсутствия боли. Гедонизм в широком смысле — удовлетворение потребностей как тела, так и сознания. Причем не обязательно потребность должна быть одобрена обществом, главное — ее реализация. Идеи гедонизма получили развитие в бихевиоризме, психоанализе и дали название отдельного направления психологии — гедонистической. Теоретическую основу субъективной модели благополучия составили классическая теория благополучия Ф. Эндрюса, теория субъективного благополучия Р. Эммонса, модель психологического благополучия Н.М. Брэдберна, модель субъективного благополучия Э. Динера. Основным понятием подхода является «субъективное благополучие». Методологическая основа объективного подхода была заложена в концепции эвдемонизма. Понятие эвдемонистического счастья ввел Аристотель, согласно которому состояние счастья предполагает стремление человека соответствовать своему предназначению («даймону») или «подлинному Я», которое обретается путем развития всех тех потенциалов, которые заложены не только в видотипических особенностях человека, но уникальным образом представлены в каждом человеческом индивиду. Таким образом, благополучие человека определяется через реализацию потенциала в обществе посредством достижения объективных потребностей, субъективные же значимой роли не играют. Идеи эвдемонизма нашли отражение во многих современных теориях личности в рамках гуманистической, экзистенциальной и позитивной психологии. Теоретическую основу и основное понятие объективной модели определила концепция психологического благополучия, предложенная К. Рифф. В современной науке характерно противопоставление двух подходов к пониманию счастья, благополучия — объективного и субъективного, в настоящее время эта дихотомия находит свое разрешение в их синтезе (Е.А. Алоец, Ф.И. Барский, Р. Бисвас-Динер, Т. Кашдан, Л. Кинг). Ряд авторов считает, что эти два подхода могут существовать, одновременно дополняя друг друга, а могут развиваться самостоятельно (Л.Н. Рожина, А. Уотермен). В основе методологии субъективно-объективного подхода лежит положение об отрицании принятого в психологии разделения на гедонистические и эвдемонистические тенденции. Теоретическую основу субъективно-объективной модели благополучия составляют концепция счастья М. Аргайла, структура субъективного благополучия У. Джеймса, концепция субъективного благополучия Л.В. Куликова, структурные компоненты удовлетворенности, выделенные Р.М. Шамионовым, взгляд на природу счастья, предложенный С. Любомирски, и модель аутентичного (подлинного) счастья М. Селигмана. Основными понятиями эклектического подхода являются «жизненное благополучие» и «счастье». Предложенный взгляд на проблему жизненного бла-

гополучия не претендует на исчерпывающий и окончательный вариант, хотя позволяет разрешить проблемы, существующие в современной позитивной психологии, и наметить основные ориентиры и возможности для дальнейшего изучения феномена.

Сонов М.С.

Использование психофизиологических методов для изучения прайминг-эффекта

В настоящее время психофизиологические методы приобретают все большее значение для исследования мнемических процессов. Особое место они занимают в изучении имплицитной памяти, в частности прайминг-эффекта. Данный эффект представляет собой изменение параметров переработки целевого стимула St2 после предъявления некоторого стимула St1, называемого праймом. В классических когнитивных исследованиях прайминг-эффекта под параметрами переработки стимулов подразумевается повышение или снижение скорости и точности выполнения различных задач (Фаликман, Кофман, 2006). В психофизиологических исследованиях в качестве параметров переработки стимулов выступают энергозатраты мозга, регистрируемые различными методами (микроэлектродные отведения, фМРТ, ЭЭГ, МЭГ). В многочисленных исследованиях с применением метода фМРТ показано, что положительный прайминг-эффект (возникающий при перцептивном, семантическом или ассоциативном сходстве прайма и целевого стимула) связан со снижением нейрональной активности при восприятии целевого стимула (Schacter, Buckner, 1998; Simons et al., 2002; Henson, 2009). Особенно ярко прайминг-эффект наблюдается в процедуре repetition priming, где в качестве праймов используются стимулы, аналогичные целевым (Raposo et al., 2006). Изменение нейрональной активности происходит и в случае совпадения эмоционального содержания праймов и целевых стимулов (Comesana et al., 2013). В электроэнцефалографических исследованиях для изучения прайминг-эффекта обычно используется метод вызванных потенциалов головного мозга (ВП). Этот метод позволяет регистрировать более быстротечные процессы, чем фМРТ. ВП-коррелятом положительного прайминг-эффекта является позитивация компонента N400 (Henson, 2009). Было показано, что реакция мозга на предъявление целевого стимула меняется в зависимости от степени ассоциативной связи между праймом и целевым стимулом. Чем сильнее ассоциативная связь, тем более электроположительным становится компонент N400 (Ortu et al., 2013). Описанные данные можно обобщить единой закономерностью: энергозатраты

мозга на переработку целевых стимулов уменьшаются прямо пропорционально уменьшению количества информации, содержащейся в этих стимулах. Согласно статистической теории связи, сообщение о событии, исход которого заранее известен, не несет в себе информации (Shannon, 1948). С помощью прайма можно передать часть информации о целевом стимуле, тем самым делая его появление более предсказуемым; причем чем сильнее связаны прайм и целевой стимул, тем больше информации будет передано. Подобный подход к рассмотрению прайминг-эффекта является весьма продуктивным для изучения закономерностей взаимодействия элементов индивидуального опыта, однако он ставит несколько новых вопросов, без ответа на которые преждевременно говорить о понимании мозгового механизма прайминг-эффекта. Один из этих вопросов звучит так: возможно ли получить прайминг-эффект при условии, что прайм никак не связан с целевым стимулом? Нами было выдвинуто предположение, что такой «неассоциативный» прайминг возможен; и что основан он на варьировании энергетических характеристик восприятия праймов. Для проверки этой гипотезы нами было проведено следующее исследование. Испытуемым на дисплее компьютера предъявлялись различные контурные изображения (время предъявления — 400 мс). Перед ними на 300–350 мс предъявлялись праймы — также контурные изображения. Использовались два вида праймов: половину изображений испытуемые заучивали перед экспериментом, половину видели в экспериментальной серии впервые. Инструкция была связана с классификацией целевых стимулов. Во время эксперимента велась запись ЭЭГ с 19 каналов. Было показано, что реакция мозга на предъявление целевых стимулов различается в зависимости от того, знакомые или незнакомые праймы предшествовали им. В первом случае наблюдается негативация компонента N400 ВП, во втором — позитивация. Таким образом, праймы могут влиять на восприятие целевых стимулов в соответствии со своими энергетическими, а не информационными характеристиками. Этот результат нельзя объяснить закономерностью, сформулированной нами ниже. Однако полученные данные не дают представления о специфике влияния знакомых/незнакомых праймов на переработку целевых стимулов. Без понимания этой специфики свести все описанные данные в единую систему представляется невозможным. Исследования в этом русле являются приоритетом нашей дальнейшей работы.

Работа выполнена при поддержке гранта НИР из средств СПбГУ № 8.38.303.2014.

Целяева С.И.

Использование информационных знаков для изучения процессов понимания рисованных ситуаций

Информационные знаки широко распространены в современной культуре. Обычно они используются для регуляции социального взаимодействия людей в общественных местах. Информационные знаки представляют собой краткие сообщения (тексты), которые выражены в виде схематичных изображений. Содержание этих сообщений связано с выделением ключевых моментов ситуации, в которую помещен знак. Всякий текст можно рассматривать как когнитивную задачу на понимание смысла, для решения которой необходимо совершить определенную умственную работу (Знаков В.В., 2005). В случае с пониманием информационных знаков эту работу можно разделить на три интеллектуальных действия: понять сообщение, которое содержит информационный знак, учесть ситуативный контекст, в котором этот знак находится, соотнести и увязать по смыслу знак и контекст. Успешность понимания информационных знаков может свидетельствовать о социальной и интеллектуальной компетентности участника ситуации (реципиента). Поэтому информационные знаки можно использовать как продуктивную модель для изучения когнитивных особенностей и навыков, обеспечивающих работу социального интеллекта в ситуациях межличностного взаимодействия. Наша задача состояла в том, чтобы разработать стимульный материал на основе информационных знаков и опробовать его для изучения особенностей интеллектуальной работы, которую совершают реципиенты в процессе понимания рисованных ситуаций. Для реализации этой задачи нами был проанализирован массив информационных знаков, существующих в современной культуре, и отобраны некоторые из них. На основе каждого знака была разработана стимульная серия изображений, где знак был использован тремя различными способами:

- 1) знак как таковой, представленный вне контекста;
- 2) тот же знак в контексте привычной ситуации;
- 3) тот же знак в контексте необычной ситуации.

Трехфазная организация серий соответствует интеллектуальным действиям, которые необходимо совершить участнику ситуации для ее успешного понимания. Первый способ позволяет выявить степень понимания реципиентом того сообщения, которое транслирует знак. Назовем его смысловым ядром информационного знака. Второй способ позволяет отследить работу реципиента с привычным для него ситуативным контекстом и процесс объединения этого контекста со смысловым ядром знака в общую согласованную культурно закрепленную информационную схему. Третий

способ позволяет отследить творческий компонент процесса понимания. Реципиент должен соединить смысловое ядро знака с непривычным ситуативным контекстом. Для соединения двух изначально далеких по смыслу элементов необходимо их переосмысление и повышение уровня обобщенности, на котором реципиент осуществляет умственную работу. Это сложная интеллектуальная задача, для решения которой необходимо совершить креативный мыслительный ход.

В результате нами были созданы пять трехфазных стимульных серий изображений на основе пяти информационных знаков. Серии выстроены по принципу «от простого к сложному» в соответствии с тем, как принято организовывать задания в интеллектуальных тестах (Равен, Векслер).

Стимульные серии изображений были опробованы в пилотажном исследовании, в котором приняли участие 68 человек: дети и взрослые в возрасте от 7 до 43 лет, из них 31 мужчина и 37 женщин. С каждым участником проводилось глубинное полуструктурированное интервью, продолжительностью от 20 до 100 мин. Цель интервью состояла в том, чтобы выявить интеллектуальный путь реципиента, направленный на понимание предложенной ему рисованной ситуации.

В результате выяснилось, что в первом случае понимание знака как такового вызывало минимальное количество затруднений у реципиентов. Во втором случае наличие дополнительной информации в виде ситуативного контекста создавало информационный шум, который провоцировал реципиентов на поиск дополнительного смысла и повышал вариативность их ответов. Однако большая часть реципиентов игнорировала присутствие контекста, что существенно снижало успешность их понимания. Наибольшие трудности вызвали изображения, где знак был использован в непривычной ситуации. Нестандартный подход к использованию знака и отсутствие социального эталона понимания подобных ситуаций затрудняли работу реципиентов.

Основываясь на результатах пилотажного исследования, мы считаем, что разработанный нами стимульный материал обладает потенциалом для исследования когнитивных особенностей людей и может быть использован в дальнейшей работе.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Абросимов И.Н.
Ялтонский В.М.

Эмоциональный уровень ВКБ взрослых пациентов с муковисцидозом

Муковисцидоз — хроническое наследственное заболевание, заключающееся в нарушении функционирования экзокринных желез, приводящем к множественным обструктивным и воспалительным процессам во всех системах организма. Вероятность летального исхода при этом остается высокой на протяжении всей жизни (Амелина Е.Л., 2006; Капранов Н.И., 2008). На тяжелое заболевание пациенты реагируют преимущественно эмоционально. В структуре эмоционального уровня внутренней картины болезни чаще встречаются отрицательные переживания, связанные с различными аспектами заболевания: имеющимися симптомами, тяжелым лечением, прогнозами на будущее (Николаева В.В., 1984). Ряд авторов указывают на различия в эмоциональном реагировании пациентов с тяжелыми заболеваниями в зависимости от особенностей субъективного восприятия болезни (например, Levental H., 1980; Moss-Morris J., 1996).

Цель исследования: изучение соотношения эмоционального уровня ВКБ с субъективным восприятием болезни у взрослых пациентов с муковисцидозом.

Выборку составили 86 пациентов с муковисцидозом в возрасте от 18 до 35 лет (средний возраст — $23,7 \pm 4,8$ года), мужского ($n = 38$) и женского ($n = 48$) пола, проходивших плановое лечение в ГКБ № 57 г. Москвы. В пакет психодиагностических методик входили: 1) «Краткий опросник восприятия болезни» (Broadbent E. et al. (2006) в адаптации Ялтонского В.М. (2010)

для пациентов с муковисцидозом); 2) «Интегративный тест тревожности» (Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., 1997); 3) «Опросник эмоционального реагирования на болезнь» (Ялтонский В.М., 2007). Вся выборка на основе показателей шкалы «Общая оценка угрозы» в Кратком опроснике восприятия болезни была разделена на две подгруппы. В подгруппу пациентов, воспринимающих муковисцидоз как выраженную угрозу жизни и здоровью и пациентов, вошли 40 больных (46,51%); в подгруппу пациентов, воспринимающих муковисцидоз как умеренную угрозу жизни и здоровью, — 46 больных (53,49%). У пациентов с муковисцидозом, воспринимающих свое заболевание как выраженную угрозу жизни и благополучию, статистически достоверно выше показатели по шкалам: Эмоциональный дискомфорт ($7,43 \pm ,97$ станайнов), Общий уровень тревожности ($7,63 \pm 1,41$ станайнов) и Фобический компонент ($6,43 \pm 2,24$ станайнов). У пациентов с муковисцидозом, воспринимающих болезнь как умеренную угрозу, ведущими компонентами личностной тревожности являются Тревожная оценка перспективы ($6,09 \pm 2,12$ станайнов) и Астенический компонент ($5,73 \pm 2,69$ станайнов). Таким образом, в структуре личностной тревожности и ситуативной тревоги пациентов с муковисцидозом, воспринимающих свое заболевание как выраженную угрозу жизни и здоровью, на первый план выступают: эмоциональные расстройства, сниженный эмоциональный фон, неудовлетворенность жизненной ситуацией. Детерминирующим фактором в данном случае могут выступать: ощущения неопределенной угрозы и неуверенность в себе, связанные с ранней инвалидизацией пациентов и со спецификой изучаемого заболевания, его лечением и адаптацией к нему. При этом личностная тревожность больных муковисцидозом с восприятием болезни как умеренной угрозы характеризуется превалированием астенического компонента и опасений за свое будущее, которые в совокупности выступают в качестве протективных факторов недооценки своего физического состояния, пренебрежения его лечением, и одновременно в качестве факторов, повышающих контроль над ним.

Выводы.

1. В структуре субъективного восприятия болезни у взрослых пациентов с муковисцидозом можно выделить две полярные тенденции, обуславливающие эту структуру, — это субъективное восприятие болезни как выраженной угрозы и субъективное восприятие болезни как умеренной угрозы жизни и здоровью.
2. Эмоциональный уровень ВКБ взрослых пациентов с муковисцидозом характеризуется выраженной личностной тревожностью и наличием амбивалентных форм эмоционального реагирования на

болезнь. Особенности его структуры также соотносятся с различным восприятием болезни.

3. Эмоциональный уровень ВКБ пациентов, воспринимающих муковисцидоз как умеренную угрозу жизни и здоровью, характеризуется соответствующими нормативным показателям личностной тревожностью и ситуативной тревогой, а также меньшей интенсивностью негативных форм эмоционального реагирования на болезнь.
4. Эмоциональный уровень ВКБ пациентов, воспринимающих муковисцидоз как выраженную угрозу жизни и здоровью, характеризуется превышающей нормативные показатели личностной тревожностью, а также более выраженными негативными формами эмоционального реагирования на болезнь.

Абросимов И.Н.

Эмоциональные особенности взрослых больных муковисцидозом

Цель исследования: изучить особенности личностной тревожности и субъективного восприятия угрозы у пациентов с муковисцидозом.

Материалы и методы: обследовано 86 пациентов с муковисцидозом в возрасте от 18 до 35 лет (средний возраст — $23,7 \pm 4,8$ года), мужского и женского пола (38 и 48 человек, соответственно), проходивших плановое лечение в ГКБ № 57 г. Москвы. Все пациенты были обследованы следующими психодиагностическими методиками: 1) «Краткий опросник восприятия болезни» (*Broadbent E. et al.* (2006) в адаптации *Ялтонского В.М.* (2010) для пациентов с муковисцидозом), который позволил разделить всю выборку на две подгруппы: пациентов, воспринимающих муковисцидоз как выраженную угрозу жизни и здоровью, и пациентов, воспринимающих муковисцидоз как умеренную угрозу жизни и здоровью; 2) «Интегративный тест тревожности» (*Бизюк А.П. и соавт.*, 1997); 3) «Опросник эмоционального реагирования на болезнь» (*Ялтонский В.М.*, 2007).

Результаты: в ходе исследования установлено, что в структуре личностной тревожности пациентов с муковисцидозом, выраженной на высоком уровне ($6,57 \pm 1,93$ станайнов), преобладают тревожная оценка перспективы ($6,67 \pm 1,98$ станайнов) и астенический компонент ($6,38 \pm 2,18$ станайнов). При этом у пациентов с муковисцидозом, воспринимающих свое заболевание как выраженную угрозу жизни и благополучию, достоверно выше показатели по шкалам: эмоциональный дискомфорт ($7,43 \pm ,97$ станайнов), общий уровень тревожности ($7,63 \pm 1,41$ станайнов) и фобический компонент ($6,43 \pm 2,24$ станайнов). У пациентов с муковисцидозом с субъектив-

ным восприятием болезни как умеренной угрозы ведущими компонентами личностной тревожности являются тревожная оценка перспективы ($6,09 \pm 2,12$ станайнов) и астенический компонент ($5,73 \pm 2,69$ станайнов). В структуре эмоционального реагирования на болезнь по всей выборке пациентов с муковисцидозом доминируют позитивные формы реагирования: благодарность за оказываемую помощь и поддержку ($1,94 \pm 0,93$ балла), уверенность в себе и своих силах ($1,69 \pm 1,01$ балла), чувство готовности к борьбе ($1,38 \pm 1,02$ балла), надежда на лучшее ($1,38 \pm 1,02$ балла). Менее всего в структуре эмоционального реагирования на болезнь выражены негативные формы (средний показатель — $0,56 \pm 0,50$ балла): печаль ($0,90 \pm 0,76$ балла), тревога ($0,80 \pm 0,60$ балла), депрессия ($0,67 \pm 0,64$ балла), беспомощность ($0,59 \pm 0,57$ балла). Также было установлено, что в группе пациентов, воспринимающих муковисцидоз как выраженную угрозу жизни и здоровью, наиболее выражено преобладание негативных форм эмоционального реагирования, чем в группе больных муковисцидозом с восприятием болезни как умеренной угрозы (средние общие показатели $0,75 \pm 0,45$ балла и $0,31 \pm 0,42$ балла, соответственно; $p = 0,43$). При этом статистически значимые различия были обнаружены по шкалам: гнев ($0,75 \pm 0,45$ балла и $1,16 \pm 0,75$ балла, соответственно; $p = 0,33$), разочарование ($0,66 \pm 0,54$ балла и $0,27 \pm 0,25$ балла, соответственно; $p = 0,49$), презрение к себе ($0,80 \pm 0,70$ балла и $0,44 \pm 0,22$ балла, соответственно; $p = 0,43$). Выводы: личностная тревожность пациентов с муковисцидозом выражена на высоком уровне, в структуре эмоционального реагирования на болезнь доминируют позитивные формы реагирования, однако существуют различия в данных показателях в зависимости от субъективного восприятия угрозы собственного заболевания.

Анохина К.А.

Социально-психологическая адаптация подростков с ЗПР

Задержка психического развития (ЗПР) встречается в детском возрасте достаточно часто. По данным отечественных и зарубежных авторов, она наблюдается у 12–20% детей. Наиболее наглядно она проявляется у детей в снижении общего запаса знаний, в ограниченности представлений об окружающем, в выраженных нарушениях внимания и памяти. Дети плохо успевают в школе, педагоги жалуются на их поведение и слабую интеллектуальную продуктивность (*И.И. Мамайчук, М.Н. Ильина*, 2004). Данная категория детей нуждается в глубоком всестороннем изучении и в организации специальной психолого-педагогической помощи. Термин «задержка» подчеркивает временный характер самого отставания, которое преодолевается

с возрастом, и тем успешнее, чем раньше создаются специальные условия для обучения и воспитания этих детей. Каждый ребенок, имеющий проблемы в развитии, может достигнуть значительных успехов, если ему будут обеспечены комплексная диагностика, социальная и коррекционно-педагогическая помощь в обучении, социально-трудовой адаптации и интеграции в обществе. Комплексная помощь детям с ЗПР в основном нацелена на дошкольный и младший школьный возраст в соответствии с представлениями классиков отечественной дефектологии и психологии о задержке психического развития. Однако категория подростков с их специфическими проблемами зачастую игнорируется. Если к подростковому возрасту задержка психического развития не устранена, она находит отражение в личностной незрелости, в повышенной аффективности и, нередко, в девиантном поведении. Несмотря на адекватные условия обучения, многие исследователи отмечают трудности в поведении и социальную дезадаптацию части подростков с ЗПР. Увеличение криминальной активности среди старших подростков с ЗПР, отмеченное в исследованиях Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, делает актуальным изучение проблемы социальной дезадаптации старших подростков с ЗПР (Н.В. Костылева, 2005).

Проведенное эмпирическое исследование показало, что подростки с ЗПР испытывают сложности с адаптацией. Личность подростков с ЗПР внутренне и внешне дисгармонизирована и нуждается в коррекционной работе. Причем наиболее пристальное внимание в процессе психолого-педагогической коррекции ЗПР должно уделяться именно всестороннему развитию личности подростка с ЗПР, поскольку известен так называемый «дизонтогенетический парадокс», когда интеллектуальные нарушения, менее существенные с клинической точки зрения, провоцируют более значительные трудности в процессе социально-психологической адаптации (Е.Л. Инденбаум, 2007). Также подростки с ЗПР отличаются от своих нормально развивающихся сверстников по использованию копинг-механизмов, по направленности и типу реакции на ситуацию фрустрации. Подростки с ЗПР отличаются меньшей активностью при возникновении проблемы, они не признают своей роли в проблеме, не ощущают ответственности за ее решение, у них отмечается отсутствие критики. Однако они больше нуждаются в поддержке, внимании, сочувствии и конкретной действенной помощи. В ситуации фрустрации для подростков с ЗПР характерен неконструктивный стиль реагирования в конфликтных ситуациях. Они ригидны, застреваемы, чрезмерно фиксированы на препятствии. Для них наиболее характерны экстрапунитивные реакции на ситуацию фрустрации, то есть подростки с ЗПР отличаются неадекватной повышенной требовательностью к окружению

и недостаточной самокритичностью. В заключение хотелось бы отметить, что на сегодняшний день проблема детей с ЗПР очень актуальна. Ни одна из категорий детей с ограниченными возможностями здоровья не является столь неоднородной, как дети с ЗПР. Основная масса исследований на эту тему посвящена проблемам младшего школьного возраста, специфические проблемы подросткового возраста игнорируются. Проблема ЗПР имеет еще много зон развития, и одной из главнейших задач для специалистов данной области является правильный подбор образовательного маршрута и психологическое сопровождение учеников специальных (коррекционных) школ и специальных классов выравнивания при массовых общеобразовательных школах.

Антонюк К.А.
Скорлыгина Е.А.

Формирование основ безопасности жизнедеятельности детей дошкольного возраста

Проблема безопасности жизнедеятельности человека признается во всем мире. ООН справедливо называет эту проблему одной из приоритетных в научных исследованиях. В Российской Федерации от социальных, техногенных, природных катастроф, ДТП, насилия и в результате неосторожности погибает более 300 тыс. человек в год. Тысячи становятся инвалидами. Особое внимание привлекают к себе случаи трагизма и гибели детей. В городе Челябинске летом гибнет большое число детей на дорогах, в воде, во время совершения насилия. Средства массовой информации пестрят фотографиями ушедших из дома и не вернувшихся дошкольников, младших школьников и подростков. В результате падения метеорита в феврале 2013 г. получили травмы дети дошкольного и школьного возраста. Эти и другие события подтверждают, что взрослые и дети не готовы к быстрому принятию решений в экстремальных ситуациях, часто не знают, как реагировать, как вести себя, чему учить детей и как это делать. Отсюда ясно, что защита человека от негативных воздействий антропогенного и естественного происхождения, достижение оптимальных условий жизнедеятельности — первостепенные задачи общества. Несмотря на ряд законодательных актов, предписаний, приказов в области обеспечения нормальных условий охраны труда, обновления нормативной базы, в реальной жизни недостаточно уделяется внимания устранению первопричин тяжелых несчастных случаев с детьми, низкого уровня организации их отдыха и досуга. Беседы с детьми показывают

низкий уровень представления их о здоровом образе жизни и возможности выхода из проблемных ситуаций. Изучая проблему формирования представлений детей старшего дошкольного возраста о здоровом образе жизни, обнаружили, что только 12% из них дают адекватные ответы на вопросы по теме или владеют мотивацией к здоровому образу жизни, имеют некоторые знания о реальной жизни.

В соответствии с актуальностью проблемы нами разработаны рекомендации для воспитателей и родителей. Реализация их осуществлялась в повседневной игровой деятельности с детьми с учетом возрастных особенностей и ведущего вида деятельности и имела систематический характер. Работа предполагает систематические занятия с использованием дидактических игр, позволяющих познакомиться с опасными предметами, выявить и проанализировать тяжелые ситуации, найти правильные решения в разных ситуациях. Формами работы по формированию основ здоровой и безопасной жизни явились занятия, игры, экскурсии, массовые мероприятия. Средствами нашей работы стали разнонаправленные дидактические и сюжетные игры, чтение и анализ художественной литературы, разбор педагогических ситуаций. Воспитатели в своей работе с детьми использовали наблюдения, демонстрацию ситуаций, рассказы, беседы, упражнения, видеоролики. Вместе с этим необходимо учесть, что родители также нуждаются в конкретизации необходимых знаний, умений и помощи специалистов (медицинских работников, воспитателей, психологов и др.). Для этого проводятся дни открытых дверей, собрания, консультации, индивидуальные беседы со взрослыми, соревнования, включающие решение трудных ситуаций, физкультурные и оздоровительные мероприятия.

В результате комплексной работы с детьми, воспитателями и родителями во время педагогических и психологических практик нами получены определенные результаты, из которых видно, что родители поняли, какое направление необходимо выбрать в воспитании осторожности, в понимании безопасности жизни ребенка, в необходимости принятия нужного решения в трудной ситуации. Дети стали более внимательны на дорогах, научились обсуждать и анализировать проблемные ситуации, принимать решения, призывать к осторожности своих близких и родных. У 65% детей выявлен средний уровень представлений о здоровом образе жизни и возможности безопасности жизнедеятельности. Однако считать работу завершенной на настоящем этапе еще нельзя. Перед нами стоят и другие задачи, которые мы предлагаем решать в сотрудничестве с общественными организациями и волонтерами города для сохранения физического и психического здоровья детей.

Белова О.О.

Особенности когнитивных функций больных в предоперационном периоде

Выявление особенностей когнитивных функций больных хирургического профиля позволяет дифференцированно подходить к разработке реабилитационных программ и проведению психопрофилактической работы.

Целью исследования являлось изучение особенностей когнитивных функций больных в предоперационном периоде на примере памяти, внимания, мышления. Была выдвинута гипотеза, что у больных хирургического профиля, госпитализированных в отделение стационара для плановой операции, имеются особенности познавательной деятельности.

В исследовании приняли участие 30 человек, которые составили две группы. В первую группу вошли больные, находящиеся в отделении сосудистой хирургии РОККД — 15 человек. Возраст этих испытуемых от 42 до 66 лет, средний возраст 52,7 лет. Среди них 7 мужчин и 8 женщин. Вторая группа — контрольная, условно здоровые, — 15 человек. Возраст испытуемых от 44 до 66 лет, средний возраст 54,5 лет, 6 мужчин и 9 женщин. В эмпирическом исследовании были использованы патопсихологические методики: «Пиктограмма», «Заучивание десяти слов», «Исключение предметов», «Простые аналогии», «Отыскивание чисел», «Корректирующая проба». Все полученные данные подверглись интерпретации. Для статистической обработки были использованы критерий χ^2 — угловое преобразование Фишера (критерий Фишера). Выдвинутая гипотеза о наличии изменения когнитивных функций у больных хирургического профиля, госпитализированных в отделение стационара для планового оперативного вмешательства, получила подтверждение по ряду параметров. У больных в предоперационном периоде наблюдаются такие изменения, как: снижение концентрации, переключения, распределения внимания; колебание темпа психических процессов; колебание умственной работоспособности; снижение долговременной памяти; нарушение опосредованного запоминания; нарушение саморегуляции мышления; снижение уровня обобщения, элементы конкретности мышления; нарушение аналитико-синтетической функции мышления; нарушение логического мышления. При сопоставлении результатов исследования двух групп статистически значимые, достоверные отличия ($p \leq 0,01$) обнаружены при анализе функции мышления, где группа больных, госпитализированных в отделение стационара, отличается нарушением саморегуляции мыслительной деятельности, что проявляется в нарушении анализа, синтеза, обобщения, опосредования, установления логических связей и отношений между понятиями. Значительную роль в формировании

структуры нарушения играет личностный компонент. Значимых различий механической памяти обнаружено не было. Достоверными при $p \leq 0,05$ оказались отличия в нарушениях внимания, темпа психической деятельности, умственной работоспособности, что в большей мере было представлено неустойчивостью, колебаниями функций.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить особенности познавательных функций у лиц с хирургической патологией, госпитализированных в отделение стационара для проведения плановой операции, при этом обнаружены статистически значимые различия по сравнению с характеристиками познавательных функций лиц без явной патологии (условно здоровые). Полученные результаты могут быть связаны с тем, что сам факт госпитализации для проведения оперативного вмешательства является стрессовым жизненным событием. Изменение эмоционального состояния в данный период отражается также на протекании высших психических функций. Затронутая тема требует дальнейшего изучения, необходимо выяснить, в результате каких именно процессов в организме и психике нарушаются психические функции при различных заболеваниях, требующих госпитализации, от чего зависит выраженность этих нарушений, какие особенности способствуют адаптации.

Белоколов В.В.

Комплаенс в реабилитации наркозависимых

Стремительный рост наркомании, увеличение наркологических заболеваний, в особенности у детей и подростков, свидетельствует о недостаточности превентивных мероприятий, а существующие современные лечебно-реабилитационные программы наркоманов, используемые в России, имеют низкую эффективность (Пятницкая И.Н., 1994; Семке В.Я., 2001). Сложность лечения пациентов, страдающих наркологическими заболеваниями, многократно обсуждалась в литературе (Анохина И.П., 2002; Валентик Ю.В., 1984; Винникова М.А., 2002; Иванец Н.Н., 1983; Савченко Л.М., 1996). Личность человека с зависимостью имеет свои особенности: внушаемость, ригидность, упрямство, максимализм, эгоцентризм, нетерпеливость, страх быть покинутым, что во многом определяет мотивацию пациента на изменение поведения, сотрудничество и выполнение назначений врача (Менделевич В.Д., 2007). Игнорирование участия пациента в принятии медицинского решения приводит к непониманию смысла лечения и объясняет отстраненность пациента в выполнении врачебных назначений (Britten N., 1994). Только часть пациентов активно принимает участие в принятии медицин-

ского решения (Lewis D. et al., 2003). Многие больные не хотят брать на себя ответственность за выбор вмешательства, директивно предложенный врачом (Manocchia M. et al., 2003). Особое внимание отводится общению врача и пациента (Вид В.Д., 2008; Gascon J. et al., 2004; Hansen D. et al., 2004; Manocchia M. et al., 2003). По мнению пациентов, важным является возможность высказать врачу свои мысли, чувства, страхи и почувствовать его понимание (Gascon J. et al., 2004). При этом отмечается, что доктора не всегда знают даже серьезные проблемы пациента, особенно если они на первый взгляд не связаны с развитием заболевания (Gulbrandsen P. et al., 1997). Доверительные взаимоотношения врача и пациента, уровень взаимопонимания, заинтересованность в процессе лечения способствуют созданию и поддержанию «терапевтического альянса», что является показателем профессиональности врача, является залогом успешного лечения и увеличивает ремиссию (Незнанов Н.Г., 2004). Предиктором успешного комплаенса является изначально положительная установка больных на сотрудничество с врачом. У таких больных также достоверно более высокий уровень ожидания положительных результатов терапии (Linden M. et al., 2001). Интересно, что имеется существенная разница в оценке врачами и самими пациентами приоритетов больного (Haynes R. et al., 2003; Pitmman P., 1999). Непонимание врачом приоритетов пациента или недооценка потребностей, расхождение в целях не может не сказаться на снижении уровня комплаенса, и в итоге — снижении сроков ремиссии.

В последние годы в отечественной психиатрии получили распространение психообразовательные группы, которые повышают информированность пациента и его ближайшего окружения о самом заболевании, трудностях его лечения, а также ресурсах, привлекаемых для лечения, что в итоге, существенно повышает уровень комплаентности при психотерапии (Гурович И.Я., 2004). Об эффективности комплаенса в реабилитации наркозависимых пациентов можно говорить не только при удлинении ремиссий, но и при улучшении их качества, т. е. изменениях в структуре личности пациента, его социального функционирования и адаптации (Барабанова Л.В., 2013). Что считать лучшим подходом в реабилитации — комплаенс (уступчивость пациента и простое выполнение им врачебных рекомендаций) или конкорданс (осознанное согласие с проводимой терапией и активное участие больного в лечебном процессе)? Или это два самостоятельных этапа при лечении? В случае, если рассматривать их как два самостоятельных этапа приверженности лечению, то следствием перехода от комплаенса к конкордансу служит появление у пациентов осознанной приверженности к лечению. Чем больше пациент вовлечен в процесс лечения и реабилитации, тем выше вероятность стойкой ремиссии и ниже вероятность рецидива. Таким обра-

зом, проблема приверженности наркозависимых пациентов к реабилитации сложна и неоднозначна. Определенные успехи в понимании того, что такое приверженность к лечению, уже достигнуты, и возникает необходимость новых методов воздействия на комплаенс, необходимы новые подходы к изучению этой многогранной проблемы (Шварц Ю.Г., 2005). Кроме того, в связи с высокой вероятностью рецидива у лиц с зависимостью, возникает потребность в эффективных краткосрочных методах психотерапии, которые могут быть осуществлены не только индивидуально, но и в групповой форме, в том числе с родственниками пациентов.

Будников М.Ю.

Динамика самоотношения наркозависимых в реабилитации

При неуклонно возрастающем значении проблемы аддикций методы лечения в большинстве случаев носят односторонний «симптоматический» характер и не затрагивают этиопатогенез этих расстройств (Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., 2012). В основе зависимости от психоактивных веществ лежит желание человека сбежать от реальности и самого себя. Поэтому эффективная реабилитация при наркотической зависимости предполагает достижение глубоких личностных изменений. Согласно В.Н. Мясищеву, личность понимается как система отношений человека к окружающему миру и к самому себе (Мясищев В.Н., 1960). На фоне дисфункциональных отношений в семьях наркозависимых нарушается формирование адекватного самоотношения как фактора образования и стабилизации единства личности.

Нами было обследовано 83 пациента с химическими зависимостями от 18 до 25 лет, находящихся в центре «Бехтерев» на различных этапах реабилитации: 1) 1–14 дней, 2) 14–45 дней, 3) 45 дней — 2–3 месяца. Цель исследования — изучение и формирование самоотношения наркозависимых в динамике реабилитационного процесса. С учетом поставленных задач применялись клинико-психологические и экспериментально-психологические методы: методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн (Dembo T., 1962; Рубинштейн С.Я., 1968), «Кто Я» (Кун М., Макпартленд Т., Румянцева Т.В., 2006), «Линия жизни» (Василенко Т.Д., 2011), опросник самоотношения (Столин В.В., Пантिलеев С.Р., 1985). Результаты исследования показали, что у 73% наркозависимых на начальном этапе реабилитации (от 1 до 14 дней) самоотношение практически отсутствует или является фрагментарным. Пациенты отличаются низким уровнем рефлексии, низкой или неустойчивой самооценкой, подверженной резким колебаниям от идеализации

до полного обесценивания Я. Одновременно существующие противоположные самоописания обнаруживаются у 82% аддиктов на первом этапе реабилитации и отражают расщепленность Я. У большинства пациентов слабо сформированы физический, половой, социальный и деятельный аспекты идентичности. Негативные описания Я-прошлого, отягощенные потерями и конфликтами, сочетаются с представлением о себе в настоящем как о «выздоровливающем» и нереалистичным, расплывчатым образом Я-будущего, отражая дезинтеграцию образа Я во времени. Нарушение временной непрерывности Я ведет к стереотипному, подчиненному сиюминутным импульсам поведению. С целью формирования гармоничного самоотношения мы использовали систему аналитических заданий, «дневник чувств», «фокусы дня», «итоги недели», а также тренинги, направленные на повышение рефлексии, интеграцию Я и самопринятие. Сочетание структурированной индивидуальной и групповой терапии, ориентированной на формирование целостного, позитивного самоотношения, позволило значительно повысить эффективность терапевтического процесса.

Результаты исследования показали значимые различия в уровне рефлексии, самооценки, степени самоинтереса и самопринятия в трех группах испытуемых, находящихся на разных этапах реабилитации. Таким образом, в реабилитационном процессе происходит формирование самоотношения, которое становится регулятором всей системы отношений и снижает риск срыва, позволяя вырабатывать гибкие, адаптивные стратегии совладания со стрессом.

Вартамян Г.А.
Горбатов С.В.

Особенности личности подростков, осужденных за преступления на сексуальной почве

Проблемы криминальной сексуальной агрессии подростков в последнее время все активнее привлекают внимание психологов, юристов и других специалистов в области поведения. Вызван научный интерес к данной проблеме все увеличивающимся числом преступлений на сексуальной почве, совершаемых подростками. Подтверждением служат данные криминологической статистики, по которой в США зарегистрировано 98 преступлений сексуального характера на 100 тыс. человек, в Японии — 13,2; Индонезии — 4,3. В России общий уровень преступности (по данным за 1-й квартал 2013 г.) составил 13036 преступлений, из которых 2595 преступлений носят сексуальный характер. При этом каждое 21-е преступление совершено под-

ростками или при их участии. Особую озабоченность научной общественности вызывает тот факт, что преступления сексуального характера в подростковой среде чаще всего в последнее время совершаются в отношении детей мужского пола. Так, по данным экспертов Каролинского института, осуществивших обзор исследований о молодежи, совершающей сексуальные преступления, было выявлено, что значительная часть всех сексуальных преступлений совершается подростками, чаще всего помышляющими на близких им детей, младших по возрасту. Причем основная часть этих преступлений остается латентной как для окружающих, так и для полиции. Подобная тенденция в России также заметна, особенно в последние три года. В настоящее время наука располагает достаточным количеством исследований, посвященных формированию и проявлению сексуальной агрессии, изучению механизмов и факторов совершения преступлений сексуального характера, изучению личностных особенностей преступников. Однако объектом данных исследований, как правило, являются взрослые преступники, а характерологические и поведенческие особенности несовершеннолетних насильников практически в них не рассматриваются. В работах, посвященных подростковой преступности, чаще всего изучаются особенности и факторы групповых сексуальных преступлений, методы профилактики данных преступлений, разрабатываются программы коррекции личности преступников. На наш взгляд, акценты при изучении подростков, совершающих сексуальные преступления, должны быть несколько иные. На протяжении последних трех лет нами осуществлялась попытка изучения личностных особенностей несовершеннолетних, осужденных за сексуальные преступления. В исследовании принимали участие подростки, отбывающие в колонии наказание за преступления сексуального характера, а также их родители. Контрольной группой при осуществлении сравнительно-сопоставительного анализа личностных особенностей подростков выступали школьники, не привлекавшиеся ранее к уголовной ответственности, и их родители. Общая выборка составила 260 человек.

Наше исследование позволило выявить некоторые отличительные черты преступников, среди которых личностные, детско-родительские и социальные особенности. Проводимое нами исследование подтвердило факт значительного роста преступлений, совершаемых против детей своего пола, а также обозначило ряд вопросов, требующих изучения, а именно: 1. Правомерно ли относить подростков, совершающих сексуальные преступления против детей своего пола, к педофилам и приписывать им их особенности, если они сами еще являются несовершеннолетними? 2. Правомерно ли считать таких подростков гомосексуалистами, если они совершают сексуальные преступления в отношении лиц своего пола? 3. Каковы причины и факторы

формирования преступного поведения такого характера? 4. Сходна ли данная категория преступников с какой-либо другой категорией преступников по своему психотипу или имеет существенные отличия? Данный ряд вопросов и лежит в основе проводимого нами исследования, ответив на которые мы сможем составить типологию несовершеннолетних насильников и на ее основе разработать психокоррекционные и превентивные мероприятия по борьбе с совершением и рецидивом сексуальных преступлений в подростковой среде. Особую практическую значимость наше исследование приобретает с точки зрения возрастной психологии. Мы предполагаем, что подростковая преступность такого рода является предиктом педофилии во взрослости. Помимо выше перечисленных, существует еще много вопросов, на которые современная наука и практика должны найти ответы в борьбе с совершением и рецидивом преступлений на сексуальной почве, а также по обеспечению сексуальной безопасности детей и их половой неприкосновенности.

Волкова О.В.

Эмоциональное благополучие в связи с опытом отношений с родителями в детстве

Проблема эмоционального благополучия всегда представляла интерес для психологов. Эмоциональное благополучие определяется синонимичными понятиями: «счастье», «положительный нервно-психический тон», «удовольствие-радость» и связано с понятиями: «эмоциональное здоровье», «психическое благополучие», «удовлетворенность жизнью», «субъективная оценка качества жизни». Содержание понятия «эмоциональное благополучие» различается у авторов. В гуманистических теориях — это достижение человеком своего высшего предназначения: теория самоактуализации, самосовершенствования и самовыражения личности (А. Маслоу, Е. Деси, А. Ватермана и др.); концепции целеполагания и идентичности (Дж. Аткинсона, Дж. Рейнора, В. Вроона, Р.А. Эммонса, М. Аптера и др.); логотерапевтическая теория Франкла. М. Аргайл связывает эмоциональное благополучие с социально-психологическими факторами. В концепциях Ф.Е. Василюка, Л.М. Веккера эмоциональное благополучие определяется объективными условиями и субъективными, внутренними переживаниями человека. Психоаналитическая теория в лице М. Кляйн, Э. Джекобсон, М. Малер, Д. Пайнз вскрывает причинно-следственную связь между эмоциональным благополучием и особенностями протекания раннего периода развития личности. В экологическом подходе (У. Бромфенбреннер, А. Самеров, Б. Фис, А. Менегетти) эмоци-

ональное благополучие определяется ценностями, установками, жизнестойкостью, а также способностью устанавливать близкие отношения, доверять, сотрудничать. Существует мало работ, посвященных изучению связи эмоционального благополучия и первых отношений человека с родителями. Отношения, которые складывались между членами семьи, определяют, насколько комфортным станет для человека мир. Первые отношения ребенка с семьей изучали М. Эйнсворт, Дж. Боулби и другие. Способы взаимодействия между родителями и детьми были описаны такими учеными, как Дж. Болдуин, Д. Баумринд, А.А. Реан, Э.Г. Эйдемиллер и другими. Проблема воспитания освещена достаточно широко. Однако изучение ранних детских привязанностей, их роли в становлении базисных убеждений, влияние на построение отношений во взрослом возрасте, на формирование личностной идентичности и на достижение эмоционального благополучия остается мало разработанным.

Проведено исследование, в котором изучалась связь компонентов эмоционального благополучия (тип эмоциональной привязанности, уровень сформированности идентичности) и опыта детско-родительских отношений. В исследовании приняли участие 78 девушек в возрасте от 18 до 25 лет. Средний возраст испытуемых 22,5 года. Использовались методики: модифицированная методика «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р.К. Фрейли; Опросник отраженного родительского отношения А.Я. Варга и В.В. Столина, модифицированный Е.В. Романовой и М.В. Галимзяновой; Методика изучения личностной идентификации (МИЛИ) Л.Б. Шнейдер. Показано, что способность к установлению близких отношений во взрослом возрасте связана с особенностями отраженного родительского отношения в детстве. Осознание, что родители любят и принимают ребенка таким, каков он есть, проявляют заинтересованность в его делах, поддерживают его инициативу, способствует формированию у ребенка надежного типа привязанности. Ощущение неприязни себя родителями, их незаинтересованности в делах ребенка способствует формированию ненадежного типа привязанности, что характеризуется недоверием в партнерских отношениях и избеганием близости. Установлено, что испытуемые с надежным типом привязанности достигли большего уровня сформированности личностной идентичности. Для испытуемых с надежным типом привязанности характерен тип идентичности — мораторий: они находятся в состоянии кризиса идентичности и активно пытаются его разрешить. Они любопытны, любознательны, ищут информацию, которая помогла бы им выйти из кризиса. Испытуемые с ненадежным, зависимым, избегающим типами привязанности имеют диффузную личностную идентичность: у них нет сформированных целей, ценностей, убеждений, отсутствует стремле-

ние их сформировать. Люди, у которых не сформировано чувство идентичности, склонны к проявлению пессимизма, апатии, чувства беспомощности, озлобленности, тревоги. Таким образом, показано, что человек лучше осознает самого себя, свои цели, ценности, убеждения и способен к установлению близких отношений, если его развитие проходило в дружественной, искренней атмосфере. В дальнейшем предполагается изучение связи остальных компонентов эмоционального благополучия и опыта отношений с родителями в детстве.

Гвоздецкий А.Н.

Даева Н.А.

Оценка различий когнитивного профиля у больных шизофренией и аффективными кризами

Правильная дифференциальная диагностика является ключом к правильному лечению. Однако в работе неизбежны ошибки по разным причинам. В нашей стране сохраняются условия для гипо- и гипердиагностики шизофрении, которые существуют не менее 25 лет (Осколкова С.Н., 2012). Выявлены несовпадения клинического и исследовательских диагнозов шизофрении, шизоаффективного расстройства и биполярного аффективного расстройства (БАР) (Wilson J.E., 2013). Ошибки могут приводить к неправильному лечению и к неверным юридическим последствиям для больных. Сам факт ошибок и негативная роль раскрыта в эксперименте (Rosenhan, 1973), повлекшем за собой реорганизацию всей психиатрической помощи в Северной Америке, Западной Европе и России (Гурович И.Я., 2012). Исследовав профили, можно сказать, что их форма схожа, и очевидно, что мнение о количественном, а не качественном различии, на что указывают (Evgenia Stefanopoulou, 2009), (Eva Maria Sanchez-Morla, 2009), (Abraham Reichenberg, 2009) имеет под собой основание и относится к значительному количеству исследований. Эти данные поддерживают точку зрения непрерывного континуума болезней в силу качественного схожего нейрокогнитивного профиля (David J. Schretlen, 2007) и возможности создания когнитивной классификации заболеваний, а не поведенческой, как это принято сейчас (Evgenia Stefanopoulou, 2009). Есть противоположная точка зрения: (Shi K. Liu, 2002) выявили специфичность теста СРТ для больных с шизофренией. Отсутствие взаимосвязи между клиническими шкалами и РСРТ, как в работе (Vasilis P. Bozikas, 2005), возможно, указывает на специфичность показателя для больных. На наш взгляд, схожая форма профилей не дает достаточной информации для определения схожести или различ-

ности данных групп, т. к. это не графическое отображение функции, форма которой отражает процесс. При использовании количественных методик могут быть получены следующие результаты: $SZ < BD$, $SZ = BD$, $SZ > BD$, которые отражают только количественную сторону вопроса. У некоторых исследователей все же выявляются качественные различия в нейрокогнитивном профиле. Также очевидно, что при исследовании одинаковых доменов не получаются воспроизводимые результаты. Причины невоспроизводимости могут быть связаны с ограничением исследований, которые требуют описания. Так, (Evgenia Stefanopoulou, 2009) в метаанализе используют разделение БАП с больными большого депрессивного расстройства, при этом не производя разделение больных шизофренией. Аналогичная ситуация (S. Kristian Hill, 2009), в которой есть выделение психотической депрессии и непсихотического состояния БАП без разделения больных с шизофренией. В работе (Woo-Young Ahn, 2011) отмечают использование разных схем и препаратов для лечения, (Eva Maria Sanchez-Morla, 2009) справедливо указывают, что невозможно контролировать эффекты лечения больных. Обращают внимание на малые выборки (Lori L. Altshuler, 2004), (Monica Varga, 2007), (S. Kristian Hill, 2009), усложняющие интерпретацию данных. Исследования, проводящиеся в ремиссии, при которой различия между группами могут быть минимальны и могут не отражать характерные особенности структуры и выраженности нарушений (Vasilis P. Bozikas, 2005). (Andrei Szoke, 2008) указывают на необходимость использования батарей тестов для выявления различных особенностей. Учитывая, что для измерения функций одного домена могут использоваться различные тесты, на наш взгляд, нецелесообразно сравнивать группы по доменам: необходимо сравнение по конкретным функциям. Также необходимы методики, определяющие качественное состояние когнитивных функций или требующих преобразования известных методик.

Резюмируя вышесказанное, можно выделить следующие проблемы:

1. В одной диагностической группе могут содержаться больные, которые клинически, возможно и диагностически, различны между собой.
2. Сложность выявления влияния на нейрокогнитивный профиль больных фармакотерапии, т. к. исследования проводятся на фоне оказания медицинской помощи или таковая была в анамнезе.
3. Для максимально полной оценки нужно большое количество тестов на большом количестве испытуемых.
4. Необходимо использование качественных методов для оценки нейрокогнитивного дефицита.

Гречина Д.С.

Особенности военнослужащих в клинике с диагнозом «расстройства адаптации» (F.43)

В настоящее время, в связи с реформированием Вооруженных Сил РФ и переходом на новые сроки службы, проблема успешности военно-профессиональной адаптации военнослужащих, проходящих службу по призыву, становится весьма актуальной. Под военно-профессиональной адаптацией (ВПА) понимается приспособление человека к новой социальной среде, военной технике и специфическим условиям военного труда и быта. Известно, что не все молодые военнослужащие способны успешно приспособиться к новым и необычным для них условиям жизнедеятельности, поэтому у многих из них уже на начальных этапах могут формироваться дезадаптационные нарушения, которые в ряде случаев трансформируются в нозологическую единицу «расстройства адаптации» (F.43) Изначально на личность влияет множество разных факторов: состав семьи, стиль воспитания, генетическая предрасположенность к тому или иному заболеванию. Следовательно, не у всех молодых людей в период, предшествующий призыву на военную службу, достаточно сформировались необходимые адаптационные способности личности, что затем приводило к «слому» механизма адаптации.

Целью исследования стало изучение психологических особенностей военнослужащих с диагнозом «расстройства адаптации», находящихся на лечении в психиатрической клинике. Гипотеза: военнослужащие с диагнозом «расстройства адаптации» обладают личностными характеристиками, которые могут способствовать слому адаптационного барьера.

Объект исследования: 20 военнослужащих, проходящих службу по призыву в возрасте 18–26 лет и находящихся на стационарном лечении в психиатрическом отделении военно-лечебного учреждения с диагнозом «расстройства адаптации» (F.43). Причиной направления военнослужащих на лечение являлось освидетельствование ВВК о дальнейшем прохождении воинской службы: затяжной процесс ВПА. У всех военнослужащих наблюдались трудности и конфликты в общении с сослуживцами, подавленное настроение, тревога, беспокойство, также наблюдались суицидальное поведение. В качестве контрольной выборки выступили 25 военнослужащих, проходящих службу по призыву и успешно адаптирующихся к условиям военной службы. В ходе обследования были применены такие психодиагностические методы, как тестирование, наблюдение, а также метод беседы. Для получения дополнительной информации о пациентах был проведен анализ медицинской документации. Все методики для данного исследования подбирались с учетом адекватности и научной обоснованности, комплексно-

сти, практичности, надежности и валидности. Использовались следующие методики: многофакторный личностный опросник (МЛО) «Адаптивность», «Индекс жизненного стиля» (ИЖС), «Пятифакторный опросник личности», а также был использован «Блок методик диагностики наличия социально-стрессовых расстройств и эмоционального дискомфорта обследуемого». Для обработки и анализа данных, полученных в ходе исследования, были применены следующие методы математико-статистической обработки: сравнительный анализ по t-критерию Стьюдента, частотный анализ и корреляционный анализ с применением критерия Пирсона.

На основе проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Установлено, что в 100% случаев у лиц, находящихся на лечении, в анамнезе присутствовала склонность к девиантным формам поведения, которые предшествовали службе в армии: употребление психотропных веществ, воспитание в социально неблагополучных семьях, учет в детской комнате милиции и др., что негативно сказалось на формировании адаптационных способностей.
2. Выявлено, что для них в большинстве случаев был свойственен низкий уровень показателей в коммуникативной и эмоционально-волевой сферах. Это явилось причиной слома адаптационного барьера, что проявилось в затяжной военно-профессиональной адаптации.
3. До момента обследования в условиях стационара больные демонстрировали невротическую и психотическую симптоматику, что являлось симптоматикой диагноза «расстройства адаптации смешанного типа» по МКБ-10.
4. Оценка дифференциально-диагностических возможностей используемых в стационаре психодиагностических методик показала, что наиболее прогностичной оказалась методика МЛО «Адаптивность»; методика «ИЖС» и «Пятифакторный личностный опросник» также прогностичны, но в них отсутствуют некоторые шкалы для полного психологического заключения. Методики из Блока диагностики ССР и ЭДЛ оказались неинформативными для данного контингента больных.

Данелия И.В.

Образ матери у девушек с особенностями пищевого поведения в контексте телесности

В последнее время все больше возрастает интерес к нарушениям пищевого поведения, что обусловлено высокой распространенностью отклоняю-

щегося пищевого поведения, а также тяжестью и необратимостью последствий — проблемы бесплодия и акушерские осложнения, полиорганная недостаточность и др. (до 20% по данным ВОЗ за 2012 г.). Проблема причин НПП рассматривается учеными с различных сторон. В. Бройтигам, З. Фрейд, М. Шур, А. Мичерлих, П. Шильдер, Я.Г. Аммон, Ф.М. Александер и др. предлагают различные модели развития НПП. Так, З. Фрейд указывал на значимость установки матери к своему ребенку. Неправильное поведение матери может привести к развитию у ребенка агрессивности по отношению к ней. Эти агрессивные побуждения вытесняются, что ведет к амбивалентной установке к матери. Интрацептивные ощущения и телесные функции могут стать средствами выражения различных потребностей. Уже первейшая человеческая потребность в еде может выполнять коммуникативную функцию общения с матерью. Интрацептивные ощущения, в совокупности образуя специфический телесный опыт, являются основой восприятия тела (Келина М.Ю., Маренова Е.В., Мешкова Т.А., 2011). С самого детства ребенок, взаимодействуя с матерью, формирует тот или иной ее образ. В зависимости от характера образа матери можно наблюдать особенности пищевого поведения и телесного опыта. Для подтверждения данного предположения нами было проведено эмпирическое исследование, направленное на изучение телесного опыта во взаимосвязи с особенностями образа матери у лиц с нарушенным пищевым поведением ограничительного типа. Нами были использованы следующие методы: тест незаконченных предложений, ЦТО (цветовой тест отношений Эткинда), сочинение на тему «Я и моя мама», «Шкала оценки пищевого поведения» (в адаптации О.А. Ильчик, С.В. Сивуха, О.А. Скугаревский, С. Суихи), выбор дескрипторов интрацептивных ощущений (А.Ш. Тхостов), «Методика определения телесного образа Я» (М. Фельденкрайз), анкета. В исследовании принимали участие девушки юношеского возраста (16–20 лет) из полных семей. Общее количество испытуемых составило 26 человек. Все расчеты проводились с использованием статистического пакета STATISTICA 6.0. Для анализа нами были выбраны метод ранговой корреляции Спирмена и критерий для двух несвязанных (независимых) выборок U Манна–Уитни. Изучая различия между лицами с нарушенным и гармоничным пищевым поведением, мы выяснили, что у лиц с НПП значительно выше уровень болезненного телесного опыта (p-level 0,000193), несоответствия внутренней и реальной схем тела (p-level 0,000026), а также уровень негативного восприятия матери (p-level 0,000593). Все различия обнаружены на высоком уровне статистической значимости. В результате использования метода ранговой корреляции Спирмена мы получили два вида связи: высокосвязанная сильная положительная связь между негативным образом матери и ограничительным пищевым поведением

($r=0,726716$, $p\text{-level}=0,000026$); негативным образом матери и болезненным телесным опытом ($r=0,716923$, $p\text{-level}=0,000038$); ограничительным пищевым поведением и болезненным телесным опытом ($r=0,720675$, $p\text{-level}=0,000033$). Высокозначимая средняя положительная связь между: негативным образом матери и степенью несоответствия бессознательной и реальной схем тела ($r=0,514716$, $p\text{-level}=0,007135$); негативным образом матери и стремлением к похудению ($r=0,699772$, $p\text{-level}=0,000069$); негативным образом матери и недовольством собственным телом ($r=0,545592$, $p\text{-level}=0,003941$); ограничительным пищевым поведением и степенью несоответствия бессознательной и реальной схем ($r=0,684747$, $p\text{-level}=0,000114$). Полученные результаты можно объяснить следующим образом. Формирование у ребенка негативного образа матери через неудовлетворенность внешностью матери («Моя мама красивая, но я не хочу быть на нее похожа»), преобладание у матери авторитарных черт («сильная», «властная»), отсутствие близких отношений с матерью («она», отсутствие местоимения «мы» в сочинении и беседе о матери) ведет к появлению недовольства собой и своим телом и, как следствие, стремлению к похудению, которое может привести к ограничительному пищевому поведению. В итоге — болезненное переживание телесного опыта и неадекватное восприятие своего тела. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о взаимосвязи негативного образа матери и особенностей пищевого поведения ограничительного типа, а также особенностей переживания телесного опыта, что указывает на непосредственное влияние негативного образа матери на ПП.

Дворцова М.Н.

Зависимость от сети «ВКонтакте» и адаптация студентов к вузу

При решении проблемы адаптации студентов к вузу необходимо учитывать, что наиболее популярным средством времяпрепровождения у студентов является использование социальной сети «ВКонтакте». Безусловно, интернет предоставляет широкие возможности для общения и развлечения, однако вместе с тем может привести к пагубным последствиям. В настоящее время психологами зафиксирован феномен интернет-зависимости — психического расстройства, связанного с навязчивым желанием подключиться к интернету и болезненной неспособностью вовремя отключиться от него. Зависимость от социальной сети проявляется в следующем: увеличение времени, проводимого в сети; ухудшение настроения при отсутствии возможности выхода в социальную сеть и его улучшение при появлении таковой; сокращение реального общения и интересов, не связанных с социальной

сеть; перевод общения в интернет-пространство. М.А. Дмитриева, отталкиваясь от идей Б.Г. Ананьева, предлагает комплексный подход в изучении адаптации. Адаптация студента к вузу характеризуется следующими аспектами: 1) психофизиологический — адаптация индивида к физическим условиям учебной среды; 2) социально-психологический — адаптация личности к социальным компонентам учебной среды; 3) собственно учебный — адаптация субъекта деятельности к учебным задачам, учебной информации.

Гипотеза: активное использование студентами сети «ВКонтакте» способствует улучшению отношений между одноклассниками (социально-психологический аспект адаптации), препятствует достижению высокой успеваемости (собственно учебный) и способствует ухудшению самочувствия (психофизиологический).

Выборка: студенты первого курса НГУ (г. Новосибирск) и НФИ КемГУ (г. Новокузнецк) в количестве 61 человека. Из них 54 девушки и 7 юношей в возрасте от 17 до 21 года.

Методики: авторская анкета «Использование социальной сети «ВКонтакте», опросник С.А. Рогова «Выявление склонности к аддитивному поведению», методика диагностики интернет-зависимости А.Е. Жичкиной, методика диагностики интернет-зависимости Кимберли Янг, модифицированная В.А. Буровой, адаптированные нами для социальной сети «ВКонтакте», методика диагностики социально-психологической адаптации Р.У. Исмагилова, адаптированная для студентов Е.В. Дворцовой, методика диагностики дезадаптации О.Н. Родиной.

В исследовании получены следующие результаты. Диагностика зависимости от сети «ВКонтакте» по методике Рогова показала, что 69% студентов имеют низкий уровень склонности к аддитивному поведению, 29% имеют средний и у 2% респондентов выявлен высокий уровень. По методике Жичкиной выявлено, что 77% студентов имеют низкий уровень склонности к аддитивному поведению, 23% имеют средний, высокого уровня не выявлено. По методике Кимберли Янг выявлено, что 97% студентов имеют низкий уровень склонности к аддитивному поведению, 3% имеют средний, высокого уровня не выявлено. Диагностика зависимости от «ВКонтакте» на основании трех методик показала, что в данной выборке есть аддикты (2% по Рогову), большинство не склонны к зависимости, однако часть студентов имеют склонность к зависимости (29% по Рогову и 23% по Жичкиной). «ВКонтакте» снижает показатели психофизиологической адаптации студентов и приводит к появлению следующих явлений: ощущение усталости, снижение общей активности, эмоциональные сдвиги, ухудшение самочувствия, соматовегетативные нарушения, нарушение цикла сон-бодрствование ($p < 0,05$). «ВКонтакте» ухудшает показатели социально-психологической адап-

тации. Чем больше склонность к зависимости от сети «ВКонтакте», тем хуже отношение студента к преподавателям, к одногруппникам, к вузу, к учебе, к будущей работе, к выбранной специальности, удовлетворенность условиями обучения ($p < 0,001$). Чем больше склонность к контакт-зависимости у студента, тем ниже его собственно-учебная адаптация. Учебные показатели статистически значимо ниже у более активных пользователей «ВКонтакте» ($p < 0,05$). Поставленная гипотеза подтвердилась частично. Зависимость от сети «ВКонтакте» ухудшает отношения между одногруппниками (социально-психологический аспект), препятствует достижению высокой успеваемости (собственно учебный аспект), способствует ухудшению самочувствия (психофизиологический аспект).

Дмитриева А.А.

Факторы предоперационной тревоги у пациентов с сердечно-сосудистой патологией

Актуальность исследования. В связи с высоким психотравмирующим потенциалом ситуации хирургического вмешательства, а также влиянием высокого эмоционального напряжения на риск периоперационных осложнений актуально изучение факторов, обуславливающих вероятность выраженной предоперационной тревоги пациентов.

Цель исследования. Определить факторы предоперационной тревоги у пациентов с сердечно-сосудистой патологией. Материалы и методы. Обследовано 20 пациентов с атеросклерозом артерий нижних конечностей (ААНК), среди которых 13 мужчин и 7 женщин в возрасте от 47 до 76 лет. Для уточнения специфики реагирования на сосудистое и эндоваскулярное вмешательство была сформирована группа сравнения, которую составили 20 пациентов с нарушениями ритма сердца (НРС), имеющих показания к малоинвазивному хирургическому лечению (13 мужчин и 7 женщин, возраст — от 47 до 75 лет). Для определения факторов предоперационной тревоги были использованы следующие методы: беседа; «Интегративный тест тревожности» (Бизюк А.П. и др., 2003), методика «Тип отношения к болезни» (Вассерман Л.И. и др., 2005), «Уровень субъективного контроля» (адаптация Е.Ф. Бажина и др., 1993); методы математико-статистического анализа.

Результаты. 1) Предоперационное эмоциональное состояние. Достоверных различий в распределении показателей ситуативной тревоги в обеих группах не выявлено, хотя на уровне тенденции отмечалась большая склонность к отрицанию тревоги у пациентов с НРС, что, возможно, связано со

спецификой переживания ситуации ожидания вмешательства на сердце. Умеренная ситуативная тревога характерна для 35% пациентов, как с ААНК, так и с НРС. Отрицание тревоги свойственно 30% пациентам с ААНК и 50% — с НРС; 35% и 15% пациентов, соответственно, имеют признаки выраженной предоперационной тревоги, в структуре которой преобладают озабоченность своим будущим (40%), сомато-вегетативная неустойчивость и слабость (35%), а также сниженный фон настроения и переживание неясной угрозы (30%). 2) Отношение к болезни и предоперационная тревога. Достоверных различий в распределении типов отношения к болезни в рассматриваемых группах также не выявлено: и у пациентов с ААНК, и у пациентов с НРС в 35% случаев отмечается эргопатический тип отношения к болезни, отражающий прагматическое отношение к вмешательству. Для пациентов с НРС оказалось в несколько большей мере (45% против 20%, $\chi^2 = 11,723$; $p < 0,01$) характерно сенситивное отношение к болезни, что свидетельствует о склонности к сокрытию своих переживаний пациентов, ожидающих вмешательства на сердце. С другой стороны, тревожно-ипохондрические варианты реагирования на заболевания более характерны (25% против 0%) для пациентов с ААНК. 3) Уровень субъективного контроля и предоперационная тревога. Выраженность предоперационной тревоги связана с уровнем экстернатальности ($r = -0,383$; $p < 0,05$). Пациенты, считающие события своей жизни зависящими преимущественно от случайности, поведения других людей, испытывают больший страх перед операцией. 4) Клинические и социально-демографические факторы предоперационной тревоги. Достоверных различий в уровне предоперационной тревоги между представителями разных клинических и социально-демографических групп выявлено не было. Было установлено, что степень предоперационной тревоги относительно не зависит от наследственной отягощенности, давности заболевания (постановки диагноза), информированности о заболевании и лечении, вида оперативного вмешательства, опыта хирургического лечения, инвалидности. Также полученные данные указывают на отсутствие влияния возраста, пола, образования, семейного положения, уровня трудовой занятости, конструктивных жизненных планов, социальной поддержки на выраженность предоперационной тревоги. Хотя высокий уровень выраженности личностной тревожности сглаживается при субъективно адекватной социальной поддержке ($r = -0,412$; $p < 0,01$) и широкой сфере жизненных интересов ($r = -0,412$; $p < 0,01$).

Выводы. Вне зависимости от формы сердечно-сосудистой патологии отмечаются общие тенденции реагирования на оперативное вмешательство. Однако при вмешательстве на сердце чаще отмечается отрицание тревоги. При вмешательстве же на периферических артериях — более открытое про-

явление эмоционального напряжения. По сравнению с клиническими и социально-демографическими характеристиками значение личности является общим и ведущим фактором в формировании предоперационного эмоционального состояния.

Еремина Д.А.
Николаева О.Б.

Особенности когнитивных функций пациентов с ИБС после коронарного шунтирования

В психологической литературе к настоящему моменту накоплено довольно большое количество данных, свидетельствующих о наличии когнитивных нарушений при сердечно-сосудистых заболеваниях. Многие авторы отмечают, что эффективность лечения когнитивной дисфункции сосудистого генеза выше в преддементный период на стадии легких и умеренных когнитивных нарушений (Шпрах В.В. *с соавт.*, 2008). Когнитивные нарушения в свою очередь оказывают негативное влияние на развитие и течение кардиальной патологии (Singh-Manoux A., 2008), в связи с чем именно больные с додементными когнитивными нарушениями являются объектом перспективного как терапевтического, так и психологического вмешательства.

Целью настоящего исследования явилось изучение когнитивных функций пациентов с ИБС, получающих высокотехнологичное хирургическое лечение: их структуры, динамики, взаимосвязи с клиническими характеристиками больных. Исследование проводилось на базе Федерального центра сердца, крови и эндокринологии им. В.А. Алмазова. Было проведено клинико- и экспериментально-психологическое исследование 68 больных ИБС (58 мужчин и 10 женщин, что составило 85,2% и 14,8%, соответственно) трудоспособного возраста (средний возраст составил 56,46 ± 0,81 лет). Клинико-психологическое исследование проводилось однократно в форме структурированного интервью и изучения медицинской документации; результаты исследования были отражены в специально разработанной карте обследования больных. Экспериментально-психологическое исследование проводилось в три этапа (до операции, в период нахождения больного в стационаре и через 3 месяца после операции) с помощью специально подобранного комплекса психодиагностических методик и техник, включающего в себя ТМТ-тест, направленный на изучение концентрации и переключаемости внимания; патопсихологическую методику «10 слов»; патопсихологическую методику «Запоминание рассказов»; тест зрительной ретенции А. Бентона; субтесты «Сходство» и «Кубики Коса» из «Методики Векслера для

исследования интеллекта взрослых» (WAIS); методику «Простые аналогии». Полученные результаты были обработаны с использованием стандартных методов математической статистики, включенных в статистические пакеты SPSS 19 и Excel 97/2000/XP/7.

Проведенное клинико-психологическое интервью показало, что жалобы на состояние здоровья в основном касаются чувства усталости, нарушений в работе памяти, головных болей, плохого сна. Изучение динамики сенсомоторных функций, активного внимания больных выявило среднюю степень выраженности замедления темпа психической деятельности, затруднения концентрации и удержания внимания. За время реабилитации темп психической деятельности, концентрация внимания значительно улучшаются, в то время как переключаемость активного внимания остается на прежнем уровне. Изучение динамики основных характеристик мнестической деятельности показало, что кратковременная механическая речеслуховая память больных находится на довольно высоком уровне на всех трех этапах исследования, что отражает общую сохранность процессов памяти. Показатель долговременной памяти заметно ниже, что подтверждает актуальность жалоб больных на невозможность припоминания ранее воспринятой информации. Также пациенты испытывают значительные трудности при выполнении заданий на запоминание зрительных образов: в среднем они получили достаточно низкие оценки на первом и втором этапах исследования пространственного восприятия и зрительной памяти, соответствующие низкой норме интеллекта по методике Векслера (WAIS). Через 3 месяца после операции состояние зрительной памяти улучшилось (показатель соответствовал уже средней норме по методике Векслера), тем не менее это различие оказалось статистически недостоверным. Изучение основных характеристик мышления позволило сделать вывод о том, что у изучаемого контингента больных преобладает, в большей степени, конкретный и, в меньшей, функциональный типы мышления. Мышление инертно, характерно возвращение к предыдущим заданиям. В целом для обследованных больных характерен довольно высокий уровень понятийного, вербально-логического мышления у обследованных лиц. Важно подчеркнуть, что после операции было выявлено статистически достоверное снижение данного показателя.

Представленные результаты позволяют сделать вывод о существенном значении и необходимости дальнейшего изучения когнитивных функций в контексте реабилитации больных ИБС, перенесших коронарное шунтирование.

Исследование проводится при поддержке РГНФ (Рег. № 14-06-00-163а).

Желонкина Т.А.

Сыркина Е.А.

Изучение типов репрезентации болезни у пациентов с ишемической болезнью сердца

Ишемическая болезнь сердца (ИБС) является заболеванием, приводящим к снижению работоспособности и инвалидизации. Одним из факторов, определяющих формирование как деструктивных, так и адаптивных изменений психики в ситуации соматической патологии, является репрезентация болезни (Leventhal H., 1998; Hagger M., 2003).

Цель исследования заключалась в выявлении типов репрезентации болезни и ее связи с личностными особенностями у пациентов с ИБС. Основной гипотезой исследования стало предположение о наличии нескольких основных типов репрезентации болезни у пациентов ИБС. Выборку составили 50 пациентов с диагнозом гемодинамически значимого стеноза коронарных артерий и длительностью течения ИБС не менее двух лет (Сыркин А.Л., Сыркина Е.А., 2011), находящиеся на лечении в клинике кардиологии (директор — профессор, д.м.н. А.Л. Сыркин) Первого МГМУ им. И.М. Сеченова. Среди пациентов — 28 мужчин и 22 женщины, средний возраст — 63 ± 11 . Больные осмотрены академиком РАМН А.Б. Смулевичем на расширенной консультации на базе психосоматического отделения Первого МГМУ. Контрольная группа была аналогична экспериментальной по количественному, межполовому и возрастному составу. Логика исследования предполагает сочетание методик: 1) Краткий опросник тревоги о здоровье SHA1 (Salkovskis P., 2002), адаптированный нами и коллегами (Желонкина Т.А., Ениколопов С.Н., Ермушева А.А., 2014); 2) Опросник тревоги о здоровье HAQ (Luscock M.P. et al., 1996); 3) Опросник когнитивных установок о теле и здоровье САВАh (Rief W., 1998); 4) Шкала оценки поведения в болезни SAIB (Rief W., 2003)*; 5) Методика изучения телесного образа Я «Сегменты» (Саламова Д.К. и др., 2003); 6) Пятифакторный опросник (McCrae R.R., 1987); 7) Методика оценки личностной и ситуативной тревожности (Spielberger C.D., 1970); 8) Методика «Индекс жизненного стиля» (Plutchik R., 1979). Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью SPSS 19.0.

Репрезентация заболевания среди пациентов ИБС оказалась неоднородной: кластерный анализ позволил выделить 4 основные группы больных. Первую группу составили 25 пациентов (50%). Репрезентация заболевания в этой группе характеризуется принятием болезни и ее последствий, средним уровнем выраженности тревоги о здоровье, отсутствием ригидных паттернов поведения в болезни. Телесный образ сформирован целостно. Отмеча-

ется общее снижение активности всех защитных механизмов. Возможно, ситуация заболевания требует гибкости защитного сценария, что, вероятно, обуславливает временное снижение активности ряда защитных механизмов для поиска более подходящих. Кластер обозначен как «Принятие болезни». Вторую группу составили 7 пациентов (14%). Особенности репрезентации болезни стали повышение тревоги о здоровье, чрезмерно активное использование разнообразных паттернов поведения в болезни. Для телесной сферы характерны преувеличение серьезности телесных ощущений, ощущение своего тела как истощенного. Пациенты обнаруживают особенности преморбидной личности — высокий уровень нейротизма и личностной тревожности. Ведущим защитным механизмом является компенсация, т. е. пациенты справляются со своим тревожным аффектом посредством следующих паттернов поведения в болезни: активное выражение жалоб, приверженность лечению, следование врачебным рекомендациям (иногда — создание щадящего режима). Кластер обозначен как «Ипохондрическое развитие». Третий кластер включает 11 человек (22%). Для пациентов более характерен страх смерти, который, вероятно, становится триггерным механизмом тревоги о здоровье и объясняет фиксацию на ощущениях в грудной клетке. Ввиду ситуации болезни и страха за свое состояние повышается ситуативная тревожность. Такие особенности больных данной группы позволяют обозначить кластер как «Тревожные реакции». В четвертую группу вошли 7 человек (14%). Отличительной чертой репрезентации заболевания является активное непринятие и отрицание болезни. Тревога о здоровье и страх смерти снижены. Тело для пациентов этого кластера не воспринимается как больное, телесным ощущениям уделяется недостаточное внимание, эмоциональное отношение к телу характеризуется отвержением. В структуре психологических защит наиболее активно используется отрицание. Кластер обозначен как «Отрицание болезни». Таким образом, понимание типа репрезентации болезни необходимо для осуществления компетентного и эффективного пути помощи пациентам ИБС.

Жирова Л.О.

Копинг-поведение больных с ИБС

Актуальность. Несмотря на современные достижения в области лечения сердечно-сосудистых заболеваний, коронарные болезни (особенно ишемическая болезнь сердца — ИБС) являются наиболее частой причиной смертности населения во всех экономически развитых странах. Одним из современных и эффективных видов лечения ИБС является метод стентиро-

вания. Однако далеко не все больные прибегают к данному методу лечения. Во многом это связано с недостатком комплексного подхода к лечению ИБС и ее осложнений, который обусловлен дефицитом психологической информации.

Цель исследования: изучить стратегии совладающего поведения и механизмы психологической защиты личности у пациентов с ИБС, прошедших лечение методом стентирования. Объект исследования: мужчины с ИБС, прошедшие лечение методом стентирования и фармакологическое лечение. Предмет исследования: защитно-совладающее поведение мужчин с ИБС, прошедших лечение методом стентирования. Характеристика выборки: 30 мужчин с ИБС (средний возраст — $51,2 \pm 4,3$ года): из них 15 — прошедших лечение методом стентирования (основная группа) и 15 — прошедших фармакологическое лечение (группа сравнения). Пациенты проходили обследование в ходе лечения в ГКБ № 40 ДЗ г. Москвы. Методики исследования: «Клинико-психологическое интервью» (Ялтонский В.М., Колтаков Я.В., 2010), «Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями» (WCQ, Folkman S., Lazarus R.S., 1988, в адаптации Вассермана Л.И. и др., 2009), «Психологическая диагностика индекса жизненного стиля» (LSI, Plutchik R., Kellerman H., Conte H., 1978, в адаптации Вассермана Л.И. и др., 1998).

Результаты. Выявлены статистически достоверные различия в структуре защитно-совладающего поведения в изучаемых группах. В основной группе степень напряжения системы механизмов психологической защиты личности была статистически достоверно ниже ($p < 0,05$), чем в группе сравнения; достоверно выше ($p < 0,05$) показатели по таким механизмам психологической защиты личности, как рационализация-интеллектуализация, замещение и реактивное образование. В группе сравнения статистически достоверно выше ($p < 0,05$) показатели по таким механизмам психологической защиты личности, как вытеснение и регрессия. Также в изучаемых группах статистически достоверно различались показатели по используемым стратегиям совладающего с болезнью поведения. В основной группе статистически достоверно выше ($p < 0,05$) показатели по таким стратегиям совладающего с болезнью поведения, как принятие ответственности и положительная самооценка. В группе сравнения статистически достоверно выше ($p < 0,05$) показатели по такой стратегии совладающего с болезнью поведения, как бегство-избегание.

Выводы: защитно-совладающее поведение пациентов с ИБС, прошедших лечение методом стентирования, отличается большей адаптивностью по сравнению с пациентами с ИБС, прошедших фармакологическое лечение.

Жукова М.А.

Взаимосвязь восприятия детского опыта и представлений об отцовстве у мужчин

Общая картина воспитания и всей семейной системы во многом детерминируется тем, как люди представляют себе родительство. На данный момент имеется большое количество данных о специфике материнской роли и женских представлений о материнстве. При этом отцовская доминанта остается невыделенной, и специфика формирования представления мужчин об отцовской роли рассмотрена лишь у небольшого количества авторов (Овчарова, 2003; Борисенко, 2007). Ряд исследований указывает на то, что родительская семья оказывает влияние на формирование представлений мужчин об отцовстве, однако акцент делается на структуре семьи, например, наличие или отсутствие отца.

В данном исследовании рассматривается специфика представлений мужчин о собственной отцовской роли в связи с их субъективным восприятием детского опыта. Целью данного исследования является выявление особенностей представлений мужчин об отцовской роли в связи с их восприятием собственного детского опыта. Мы предположили, что представления мужчин об отцовстве взаимосвязаны с их восприятием родительской семьи, возрастом мужчины и стажем родительства. В исследовании приняли участие 20 мужчин, средний возраст которых составляет $30 \text{ лет} \pm 5,4$ года. Все испытуемые имеют средний доход, и 70% опрошенных имеют высшее образование. 100% испытуемых состоят в зарегистрированном браке и имеют одного ребенка, средний возраст детей по выборке составил $18,6 \pm 12,3$ месяца. В связи с поставленной задачей использовались следующие методы исследования: опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (Эйдемиллер, Юстицкий, 2010), модифицированный вариант методики «Подростки о родителях» (Вассерман, et al. 1995), методика «Представления об идеальном родителе» (Овчарова, 2003) а также данные социально-демографической анкеты. В данном исследовании восприятие детского опыта изучалось при помощи модифицированной методики «Подростки о родителях» (суть модификации в том, что испытуемым предлагалось отметить утверждения, наиболее характерные для их родителей, когда испытуемые были подростками. Все положения были сформулированы в прошедшем времени). В данных тезисах, в связи с целью исследования, будут представлены результаты анализа взаимосвязей между показателями выбранных методик.

Результаты корреляционного анализа между шкалами методик «Представления об идеальном родителе» и «Подростки о родителях» выявили взаимосвязь между поведенческим блоком методики «Представления об

идеальном родителе» и шкалой «Непоследовательность матери» методики «Подростки о родителях» (0,456*). Данная связь означает, что позитивные представления о характеристиках поведения «идеального» родителя соответствуют высоким показателям, характеризующим представления респондента о непоследовательности «реальной» матери. Т. е. если представления респондента о реальной матери включают в себя представления о ее непоследовательности, то «идеальный» родитель характеризуется стабильным и позитивным поведением. Результаты корреляционного анализа между шкалами методик «Подростки о родителях» и «Анализ семейных взаимоотношений» показали следующие взаимосвязи: «Представления о директивности матери» связаны со шкалой «Гиперпротекция» (0,596*) и «Неустойчивость стиля воспитания» (0,667*). Т. е. высокие показатели директивности собственной матери отражаются у мужчин в представлениях о стиле воспитания собственного ребенка. Далее, была получена взаимосвязь между шкалами «Представления о враждебности отца» и «Минимальность санкций по отношению к собственному ребенку» (-0,450*). Данная отрицательная связь показывает, что чем более враждебен был собственный отец, тем строже представляет себе стиль воспитания мужчина. Также была выявлена взаимосвязь между шкалами «Непоследовательность отца» и «Неустойчивость стиля воспитания» (0,553*). Выявленная связь показывает, что представления о непоследовательности собственного отца отражаются в неустойчивости стиля воспитания собственного ребенка у респондентов. В данной работе представлены предварительные результаты исследования, которые показали наличие взаимосвязей между представлениями молодых отцов об отношениях с родителями в собственной семье и представлениях о стиле взаимодействия и воспитания собственного ребенка. Для получения полной информации в связи с целью исследования в дальнейшем планируется сравнительный анализ уровней характеристик по исследуемым показателям.

Журавлева Е.Н.

Намерение как предиктор ограничительного пищевого поведения у женщин

В настоящее время проблема нарушений пищевого поведения приобретает весомое значение в области диагностики и лечения психических заболеваний. Данные расстройства характерны для представителей любой возрастной популяции. Однако особую группу риска составляют подростки и молодые люди до 30 лет. Это возможно объяснить выраженным стремлением следовать общественным нормам, требованиям, ожиданиям, стерео-

типам (Пономарева Л.Г., 2010). Актуальность изучения проблемы пищевых расстройств обусловлена ростом числа нарушений пищевого поведения среди женщин, увеличением информационной нагрузки, связанной с ужесточением идеалов/стандартов красоты и привлекательности. Кроме этого актуальность обусловлена малоизученностью данного вопроса на современном этапе развития психологической науки, необходимостью детальной разработки теоретико-методологической базы для психологического и социального исследования данной проблемы, а также построения грамотной психокоррекционной работы. Все это приводит нас к необходимости изучать особенности ограничительного пищевого поведения у женщин.

Целью нашего исследования является изучение возможности теории запланированного поведения для прогнозирования ограничительного пищевого поведения. Объект исследования — ограничительное пищевое поведение женщин. Предмет исследования — поведенческое намерение как предиктор ограничительного пищевого поведения у женщин. Гипотеза: намерение может выступать как показатель, предсказывающий ограничительное пищевое поведение у женщин. Для подтверждения гипотезы использовались методики: «Опросник пищевых предпочтений — 26» (ОПП-26) О.А. Скугаревского. ОПП-26 используется в качестве инструмента для оценки степени выраженности проблем, типичных для пациентов с нарушенным пищевым поведением: стремление к похуданию, опасение набора веса и ограничительных тенденций в стиле питания (Скугаревский О.А., 2005). Разработанная нами методика «Готовность к ограничительному пищевому поведению». В ее основе лежит «Теория запланированного поведения И. Айзена». Базовое предположение данной теории — большая часть поведения в повседневной жизни находится под волевым контролем. Теория исходит из того, что обдумывание человеком переходит в намерение осуществить или не осуществить данное поведение. Намерения человека определяются тремя факторами: аттитюд, субъективная норма, воспринимаемый поведенческий контроль (Tracey A. Brickell, 2009). Аттитюд — благоприятная или неблагоприятная оценочная реакция на объект, которая выражается в когнитивных оценках (мнениях), эмоциях и поведении. Субъективные нормы — оценка того, что другие ожидают от него этого поведения. Воспринимаемый поведенческий контроль — это субъективное мнение человека о том, насколько легко реализуемо желаемое поведение (Andrew Darnton, 2008) Кроме этого, предъявлялась анкета, в которой мы предлагали респонденту указать свои параметры (рост, вес, возраст) и ответить на дополнительные вопросы.

В ходе проведения данного исследования нами было установлено, что с помощью разработанной методики, основанной на «Теории запланированного поведения» И. Айзена, возможно предсказать ограничительное пище-

вое поведение у девушек. Поведенческое намерение обладает прогностической способностью предсказывать поведение. Чем выше показатель ограничительного пищевого поведения, тем выше самоконтроль и положительная оценочная реакция ограничивать себя в еде. Чем выше индекс массы тела, тем вероятнее формирование у женщины намерения ограничивать себя в еде, ориентации на значимых других, и привлекательности для нее ограничительного пищевого поведения. При высоком уровне ограничительного пищевого поведения девушки положительно оценивают ограничительное пищевое поведение, соблюдают диеты, обладают высоким самоконтролем и стремлением корректировать свою фигуру в зависимости от мнения других. При низком уровне ограничительного пищевого поведения девушки подвержены влиянию со стороны, но такое влияние не отражается на их пищевом поведении. Таким образом, были выявлены и объяснены связи между показателями намерения, ограничительного пищевого поведения и индексом массы тела. Установлены и объяснены различия групп с разным уровнем ограничительного пищевого поведения. Это дает основу для дальнейших исследований в данной области, таких как выявление свойств личности, которые способствуют переходу намерения в ограничительное пищевое поведение.

Журин Е.А.

Сравнение коммуникативной эффективности мимического и вербального канала

Психологические тесты — важный диагностический инструмент, но они не лишены серьезных недостатков: а) большие временные затраты, б) допускают однократное использование, в) «расшифровываются» испытуемыми, г) требуется заинтересованность со стороны испытуемого, и т. п. (Балин В.Д., Горбунов И.А., 1997). Сказанное требует создания новых методик, организованных по альтернативным принципам. В качестве варианта предлагается принцип изучения «продуктов деятельности»: можно взять за основу тексты, создаваемые испытуемыми, их мимику и пантомимику. Рассмотрим последний вариант. Самый простой способ создания такого теста — соотносить психологические признаки, измеренные с помощью тестов, с поведенческими, полученными с помощью наблюдений. Но проведенные нами по такой схеме многочисленные исследования показали, что этот подход дает неоднозначные результаты. Следует учитывать, как минимум, следующие обстоятельства: 1. В разные моменты времени каждый человек решает разные биологические задачи (пищевое поведение, агонистическое поведение,

ухаживание). Другими словами, испытуемых следует «выравнивать» по решаемым биологическим задачам. 2. Сам принцип выделения исходных элементов пантомимики носит искусственный характер. Совсем не обязательно, что психологические черты связаны именно с теми отдельными признаками (поворот головы, углы губ, прищур глаз и т. п.), которые мы выделяем при анализе видеозаписей.

Была выдвинута гипотеза, что, т. к. информация передается одновременно через вербальный и невербальный канал, а они имеют различную специализацию и информационную емкость, то тип передаваемой информации будет влиять на то, как эта информация будет в них кодироваться. Для проверки гипотезы было проведено исследование, где оценивалась эффективность передачи информации по различным каналам. Стимульный материал составляли слова, разделенные на три группы: эмоционально позитивные, эмоционально негативные, нейтральные. Разделение на группы проводилось при помощи методов многомерного шкалирования. Испытуемым предъявляли слова и просили их объяснить, сначала при помощи вербального канала, а потом при помощи мимики, причем так, чтобы они потом смогли во второй части исследования распознать, что за слова они кодировали. После объяснения каждого слова измерялись давление и пульс. Далее были рассчитаны коэффициенты эффективности для мимического и вербального канала. Формула эффективности — качество, умноженное на производительность, и все это, деленное на затраты. Качество — это процент правильно распознанных слов. Производительность — это количество слов или двигательных единиц в секунду. Затраты — это измеренные физиологические показатели. Для использования в одной формуле столь разнородных показателей все они были прошкалированы. Оказалось, что вербальный канал имеет, в общем, лучшую эффективность, чем мимический, а также нейтральная информация через него передается эффективней, чем эмоциональная. Негативно окрашенная информация передается эффективней, чем позитивно окрашенная. Мимический канал оказался более эффективен при передаче эмоционально окрашенной информации, чем нейтральной. Негативно окрашенная информация передается эффективней, чем позитивно окрашенная. Лучшая эффективность при передаче негативно окрашенной информации обоими каналами может быть объяснена тем, что эволюционно она более значима для сохранения жизни, чем позитивная. Данные результаты показывают специализацию каналов по типам информации, а также позволяют в дальнейшем разработать алгоритм оценки эффективности каналов для отдельно взятого человека, что позволит разделить людей на типы и в дальнейших исследованиях невербального поведения учитывать эту немаловажную переменную.

Зартор А.С.

Влияние механической стимуляции шейных мышц на восприятие схемы тела

В восприятии собственного тела значимую роль играют шейные мышцы. Механические воздействия на эти мышцы влияют как на восприятие схемы тела, так и на способности управления им. Целью данного исследования была оценка результатов теста мысленного вращения (восприятия схемы тела) и шагательного теста Фукуды (тонус аксиальной мускулатуры) при наложении кинезиологического тейпинга (КТ) на *m. Sternocleidomastoideus* (грудино-ключично-сосцевидную мышцу). Данная мышца была выбрана как важная структура проприоцептивной афферентации, дающая значимый афферентный пул информации для восприятия схемы тела.

В исследовании участвовали студенты технического университета, при разделении испытуемых с помощью кластерного анализа (метод *k*-средних) на 3 группы выявились следующие способности: в первой группе (7 человек) КТ слева ускорял ВР (время реакции) по сравнению с КТ справа и испытуемыми без аппликаций, во второй группе (3 человека) КТ не приводил к значимым отличиям, в третьей группе (6 человек) КТ с обеих сторон увеличивал ВР по сравнению с испытуемыми без аппликаций. При анализе ВР на разные виды стимулов внутри полученных при кластерном анализе групп видно, что в первой группе реализуется устойчивый паттерн, вне зависимости от специфики стимула (амплитуды необходимого вращения, латерализации диска, стороны поворота стимула), все ВР, полученные при наложении КТ слева, быстрее, чем остальные. Во второй группе наложение КТ не влияет на ВР. В третьей группе ВР при наложении КТ медленнее (причем не зависимо от стороны наложения КТ).

Анализ результатов тестирования с применением шагательного теста Фукуды не позволил выявить статистически значимого влияния применения КТ. Не выявлено также и корреляций между величиной ВР в тесте мысленного вращения и ее изменений при аппликации КТ с одной стороны и углом поворота тела в шагательном тесте. В связи с тем, что в цели настоящего исследования входило именно изучение эффекта аппликации КТ на ВР при мысленном вращении схемы тела и, соответственно, косвенное влияние на восприятие схемы тела, — группа 2, в которой таких влияний выявлено не было, детально не анализировалась. Существование такой группы говорит о том, что в ряде случаев механическая стимуляция *m. Sternocleidomastoideus* не ведет к каким-либо изменениям восприятия схемы собственного тела. Известно, что уже на уровне рефлексов новорожденных поворот головы связан с изменением тонуса мышц тела (*Bearzoti P.*,

1997). Наши более ранние исследования выявляли зависимость поворота головы от тонуса аксиальных мышц у взрослых людей (*Зартор А.С. и др.*, 2012). Данное исследование показало более очевидную связь механической стимуляции *m. sternocleidomastoideus* с когнитивным процессом восприятия схемы тела, чем с тонусом аксиальной мускулатуры. Возможно, это результат избирательной и изолированной стимуляции одной конкретной мышцы, а не группы мышц, отвечающих за поворот. Возможно, КТ влияет на эффекторный компонент (по аналогии с речью восприятие схемы тела делится на сенсорный и эффекторный компоненты (*Hach S. и др.*, 2011)) восприятия схемы тела в первой группе (стимулы требуют вращения), но на перцептивный компонент в третьей группе — ВР повышается (на трудные для узнавания стимулы). В качестве гипотезы мы предполагаем, что аппликация КТ по-разному действует на людей, подверженных различным стратегиям восприятия пространства. Например, дополнительный соматосенсорный и проприоцептивный пул может улучшать восприятие схемы тела при эгоцентричном восприятии, но искажать восприятие схемы тела при аллоцентричном восприятии. Литературные данные о фактах диссоциации нарушений восприятия схемы тела и восприятия периперсонального пространства при синдроме правостороннего игнорирования говорят в пользу предположения о том, что процессинг восприятия схемы тела и пространства происходит под управлением связанных между собой, но различных нейрональных систем (*Rorden C. и др.*, 2012, *Hach S. и др.*, 2011). Влияние аппликации КТ через сомато-сенсорный или проприоцептивный пул, в большей степени на ту или иную нейрональную систему, может обуславливать различие эффекта на людей с эго/аллоцентричной стратегией восприятия пространства и схемы собственного тела. Проверка высказанных гипотез, вытекающих из полученных нами результатов, требует дальнейших исследований.

Ишуткина А.А.

Изучение внутренней картины здоровья у лиц экстремальных профессий

В соответствии с Планом развития здравоохранения в РФ, принятым в марте 2001 г. на заседании расширенной коллегии Министерства здравоохранения и одобренным Правительством РФ, в стране получает развитие принципиально новое направление деятельности — переход от системы, ориентированной на лечение заболевания, к системе охраны здоровья граждан, основанной на приоритете здорового образа жизни и

направленной на профилактику болезней. Актуальность решения этой проблемы и по сей день продолжает оставаться высокой в связи с тем, что, несмотря на отдельные позитивные тенденции, показатели здоровья и состояния здравоохранения в целом находятся на неудовлетворительном уровне. Люди относятся к своему здоровью как к имеющемуся и неисчерпаемому ресурсу и не стремятся приложить больше усилий для его поддержания и укрепления. В ранее проводимом нами исследовании внутренней картины здоровья у лиц экстремальных профессий мы обнаружили, что своим здоровьем они занимаются «по остаточному принципу» в силу отсутствия времени, сил и финансовой составляющей (Ишуткина А.А., Шклярук С.П., 2013).

В связи с вышеизложенным была определена цель исследования — анализ взаимосвязи ценностных ориентаций лиц экстремальных профессий (служба охраны — секьюрити) и их отношения к здоровью, выбору способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности.

В исследовании применялись «Методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности» (в адаптации В.Н. Карандашева), копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолкмана (в адаптации Крюковой Т.Л., Куфтяк Е.В., Замышляевой М.С., 2004), полуструктурированное интервью (с последующим контент-анализом) по разработанной нами анкете. Для уточнения психологических и социально-психологических механизмов формирования и их субъективных представлений о здоровье использовались также стандартизированное наблюдение и биографические данные. Было обследовано 53 человека — мужчин и женщин в возрасте 21–46 лет, работающих в охранной структуре секьюрити.

Анализ взаимосвязи ценностных ориентаций лиц экстремальных профессий (служба охраны — секьюрити) и их отношения к здоровью, выбору способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности позволяет сделать следующие основные выводы: 1. К ведущим ценностям испытуемые отнесли такие типы ценностей, как «доброта», «безопасность», а к числу отвергаемых — «власть», «стимуляция» и «традиции». Из беседы с респондентами и методики Ш. Шварца высокий ранг по ценности «безопасность» говорит нам о том, что они готовы совершать активные целенаправленные действия по сохранению и укреплению своего здоровья. 2. У испытуемых по «нормативному идеалу» и «профилю личности» высокая значимость типа ценностей по осям «самотрансцендентности» («доброта») сочетается с высокой значимостью ценности «безопасность», что соответствует оси «консерватизм». Это позволяет предположить о наличии потребности в безопасной среде и в афiliationи. 3. Стремление к самостоятельности (по «профилю личности») вопреки конформности (по «нормативному

идеалу») уменьшает значимость такой ценности, как «достижения». 4. В трудной ситуации ведущими стратегиями совладения у сотрудника будут «планирование решение проблемы», «самоконтроль» и «положительная переоценка». Способность прикладывать усилия по созданию положительного значения с фокусированием на росте собственной личности имеет личностный смысл по укреплению и сохранению здоровья. 5. Наибольший процент респондентов (47,3%) определяет понятие «здоровье» с позиции медико-биологических представлений: «Здоровье — это когда у человека ничего не болит; это состояние организма; хорошее питание; можно делать все, что нужно; положительное физическое состояние». Респонденты меньше внимания уделяют психологическому благополучию, эмоциональной составляющей в поддержании здоровья. 6. 22,5% сотрудников не смогли сформулировать определение здоровья, что подтверждает предположение о меньшей дифференцированности представлений о здоровье у респондентов. 7. 63% респондентов утверждает, что работа отрицательно не может повлиять на здоровье, хотя на их работе присутствует достаточно много негативных внешних факторов. Сотрудники охранной структуры недооценивают либо вытесняют влияние внешних негативных факторов, которые впоследствии сказываются на состоянии здоровья, продолжительности службы и удовлетворенности своей работой. 8. Респонденты сознательно признают важность и нужность своего здоровья и желание знать больше в области здоровья (53,3%).

Кибец Е.В.

Проблема психологического сопровождения ВИЧ-инфицированных детей и их семей

В России, по данным Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом, общее число россиян, инфицированных ВИЧ, зарегистрированных в Российской Федерации до 31 декабря 2012 г., по предварительным данным, составляет 720 014 человек, в том числе 6 411 детей в возрасте до 15 лет. Феминизация эпидемии ведет к увеличению числа детей, рожденных ВИЧ-инфицированными матерями. За годы эпидемии, к концу 2012 г., ВИЧ-инфицированными женщинами было рождено более 97 тыс. детей, в том числе более 35 тыс. за 2010–2012 гг. За весь период наблюдения от матерей были инфицированы ВИЧ 5 957 детей. Уровень передачи ВИЧ от матери ребенку в Российской Федерации все еще выше потенциально достижимого уровня, несмотря на комплекс мероприятий, направленных на профилактику передачи ВИЧ от матери ребенку. Частота

перинатальной передачи ВИЧ-инфекции в РФ за весь период наблюдения к концу 2012 г. снизилась до 0,8%. Но, тем не менее, мы можем говорить о том, что в РФ в 2012 г. наблюдалось ухудшение эпидемической ситуации по ВИЧ-инфекции. В настоящее время в рамках клинической психологии признана роль психологических факторов в возникновении, течении и лечении многих соматических заболеваний (Карвасарский Б.Д., 1982, 1990; Ташлыков В.А., 1984; Урванцев Л.П., 1998; Березин Ф.Б. с соавт., 1998; Александровский Ю.А., 2000; Вассерман Л.И. с соавт., 1994, 1997; Любан-Плоцца Б. с соавт., 1996; Бройтигам В., Кристиан П., Рад М., 1999; Lyness J.M., King D.A. et al., 1999; Rosen L.S., 1999 и др.). Широко разработана проблема адаптации пациента к ситуации хронического соматического заболевания. Описаны, например, особенности психической адаптации при сердечно-сосудистых заболеваниях (Дубинина Е.А., 2013), сахарном диабете (Менделевич В.Д., 1999, Целина М.Э., 2001) и при многих других соматических патологиях. Однако проблема психической адаптации к ВИЧ-инфекции в отечественной психологической науке разработана недостаточно. Описаны проблемы психической адаптации различных специфических категорий взрослых пациентов: ВИЧ-инфицированных матерей (Афанасьева Е.Д., 2011), ВИЧ-инфицированных наркозависимых (Бузина Т.С., 1998). Проблема же психологической адаптации ВИЧ-инфицированных детей в настоящее время изучена крайне мало, и сейчас имеется реальная потребность таких детей и их семей в специальной программе психологического сопровождения, о чем говорят психологи-практики, работающие в данной сфере. До 1998 г., в ситуации отсутствия высокоактивной антиретровирусной терапии, психологическая работа с ВИЧ-инфицированными пациентами если и осуществлялась, то не систематически (отсутствовали ставки медицинских психологов в больницах и специализированных центрах), и сводилась в основном к сопровождению процесса умирания, т. к. заболевание в то время было смертельным. В настоящее же время ситуация кардинально изменилась: из смертельного заболевания ВИЧ-инфекция превратилась в хроническую болезнь. ВИЧ-инфицированные пациенты, принимая ВААРТ, могут вести полноценную, долгую жизнь, реализовываться в профессии, создавать семьи и иметь здоровых детей. Кроме того, в больницах и СПИД-центрах появились психологи, в задачи которых входят реабилитация и адаптация пациентов формирования и поддержания комплаенса. Но в работе с детьми и подростками особое место занимает вопрос раскрытия диагноза и работа с переживаниями ребенка и семьи по этому поводу. Здесь специалисты часто сталкиваются с недостатком информации по психической адаптации детей к ВИЧ-инфекции. Большой вклад в специфичность этого заболевания играет социальная стигматизация. Несмотря на то, что достаточно большое коли-

чество работ и рекомендаций по работе с ВИЧ-инфицированными детьми, подростками и их семьями разработаны за рубежом, они часто оказываются неприменимы в условиях российской действительности и в рамках российской системы медицинской помощи. Таким образом, разработка проблемы психической адаптации ВИЧ-инфицированных детей и их семей, а также проблема психологического сопровождения ВИЧ-инфицированных детей и их семей на данный момент являются актуальными и вызваны реальным запросом практического здравоохранения.

Колоколова А.Д.

Особенности ценностно-смысловой сферы личности при сахарном диабете 1-го типа

На сегодняшний день сахарный диабет 1-го типа (СД) является распространенным хроническим заболеванием. По прогнозам ВОЗ, в 2030 г. СД станет седьмой по значимости причиной смерти. Актуальность изучения СД 1-го типа определяется как его хроническим течением, неясностью отдельных аспектов патогенеза, наличием множественных осложнений, так и малоизученностью влияния психологических особенностей на его течение. Между мыслями и эмоциями, эмоциями и физиологическими реакциями существует изначальная тесная связь. Регуляция уровня глюкозы в крови зависит не только от сбалансированной диеты, упражнений и инъекций инсулина. Раздражение, стресс, конфликты с окружающими могут вызвать резкое изменение уровня глюкозы в крови и привести к различным осложнениям (Малкина-Пых И.Г., 2007). Мы предполагаем, что СД не может напрямую влиять на ценностно-смысловую сферу личности. Условиями реализации последней выступают эмоциональные переживания, которые, независимо от наличия или отсутствия заболевания, взаимосвязаны с ценностями и смыслами Бытия. Подтверждение взаимосвязи эмоциональной и ценностно-смысловой сфер находится в словах В. Дильтея: «Для нас имеет ценность лишь пережитое в чувствах. Ценность неотделима от чувства» (Дильтей В., 1996). По-мнению Б.С. Братуся, сущность ценностной ориентации личности заключается в избирательном отношении человека к материальным и духовным ценностям, это своеобразная система индивидуальных установок, убеждений, предпочтений, опосредованных личностными смыслами, и выражающаяся в поведении. Личностные ценности — это осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни (Братусь Б.С., 1988). А.Н. Леонтьев писал: «Реальная функция переживаний состоит в том, что они сигнализируют о личностном смысле события» (Леонтьев А.Н., 1972).

Болезнь является той ситуацией, в которой у человека могут измениться ценности, смыслы, привычное настроение, активность, вследствие нового образа жизни, отказа от того, что было важно (Малкина-Пых И.Г., 2007).

Исходя из вышесказанного, целью нашего исследования выступило изучение особенностей ценностно-смысловой сферы личности у людей, болеющих СД 1-го типа. В исследовании были использованы: тест «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева; тест «Самочувствие. Активность. Настроение» — разработанный В.А. Доскиным, Н.А. Лаврентьевой, В.Б. Шараем и М.П. Мирошниковым; опросник «Отношение к здоровью» Р.А. Березовской; «Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потемкиной; методика диагностики типа эмоциональной реакции на воздействие стимулов окружающей среды В.В. Бойко. В исследовании принимали участие 30 человек, 5 мужчин и 25 девушек, в возрасте от 18 до 25 лет. Исследование проводилось на базе консультативного центра Курского государственного медицинского университета с 17:00 до 19:00. Для статистического анализа нами был выбран непараметрический критерий U Манна-Уитни, корреляционный анализ и кросс-табуляция. Все расчеты проводились с использованием статистического пакета STATISTICA 8.0.

Результаты исследования: на основании качественного анализа отношения к болезни (кросс-табуляция) было обнаружено различие в ценностно-смысловой сфере у двух групп испытуемых. В группе больных СД обнаружены высоко значимые корреляции ($p > 0,01$) между такими переменными, как: общая осмысленность жизни и цели, процесс, результат, локус контроль Я, локус контроль жизни, активность; цели и результат, локус контроль Я, локус контроль жизни; самочувствие взаимосвязано с настроением и активностью. Отрицательная корреляция между рефрактерной реакцией и эйфорической. В контрольной группе обнаружены высоко значимые корреляции ($p > 0,01$) между такими переменными, как: общая осмысленность жизни и цели, процесс, результат, локус контроль Я, настроение; отрицательная корреляция между деньгами и локус контролем жизни; результат взаимосвязан с локус контролем жизни, активностью и настроением.

На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что у людей с СД 1-го типа активность выступает регулирующим фактором, влияющим на осмысленность жизни, которая в свою очередь взаимосвязана с самочувствием и настроением личности. На самочувствие, с одной стороны, будет влиять соблюдение диеты, компенсация СД, наличие/отсутствие осложнений. Люди с СД сами предпринимают активные действия для поддержания своего настроения, ставят перед собой цели, добиваются результатов.

Комбаров А.В.

Социально-психологическая адаптация лиц пожилого возраста

Старение часто рассматривается как кризисный период в жизни человека. Прохождение этого периода характеризуется значительными изменениями в самосознании пожилого человека, которые связаны с внутренними (ухудшение здоровья) и внешними (изменение социального статуса) факторами. Основными задачами, которые ставит для себя человек в этот период, являются: сохранение идентичности с самим собой, изменение поведения, поиск и нахождение смысла жизни, а также анализ и оценка прошлого. Одной из проблем пожилого возраста является потеря идентичности. О.В. Краснова говорит о том, что идентичность возникает в результате социального взаимодействия, т. к. она является социально определенной. Также она утверждает, что идентичность в пожилом возрасте связана с представлением о старости и о доступных или не доступных социальных ролях. Таким образом, социальные изменения, происходящие в жизни пожилого человека, могут привести к негативным последствиям для личностной идентичности (Краснова О.В., 2006). У некоторых людей после выхода на пенсию может сузиться круг интересов, развиться пассивное отношение к жизни, возникнуть чувство ненужности и снизиться коммуникабельность (Пряхина С.Б., 2008). У таких лиц пожилого возраста нередко можно наблюдать нарушение адаптации. Социально-психологическая адаптация лиц пожилого возраста возможна при включении такого рода защитных механизмов, как: нарастание позитивной личностной и социальной идентичности, а также приписывание себе положительных личностных качеств. Наличие данных защитных механизмов говорит о том, что уровень социальной адаптации к позднему периоду жизни будет зависеть от степени позитивной социальной идентичности и уровня ролевой идентичности (Краснова О.В., 1996). Следующими факторами, которые могут влиять на адаптацию в пожилом возрасте, являются тревога и депрессия. Нередко после выхода на пенсию у лиц пожилого возраста начинает развиваться тревога (связанная с потерей смысла, беспокойством за будущее детей, внуков и свое здоровье), результатом которой становятся различные соматические проявления. Депрессия в данном возрасте проявляется в виде склонности к беспричинной грусти, уходу в себя и отчужденности. Стоит отметить, что тревога и депрессия рассматриваются нами как косвенные и субъективные показатели адаптации.

Целью нашего исследования явилось изучение социально-психологической адаптации лиц пожилого возраста в условиях соматической болезни. Мы предположили, что для лиц пожилого возраста, имеющих соматические заболевания, будут характерны высокий уровень депрессии и тревоги, а

также низкий уровень процессов саморегуляции. Нами были исследованы 64 человека в возрасте от 59 до 89 лет, среди которых 32 человека имеют соматическое заболевание (1-я группа) и 32 человека условно-здоровых (2-я группа). Для достижения цели данного исследования нами были использованы следующие методики: опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.А. Моросановой, методика диагностики самооценки уровня тревожности Ч.Д. Спилберга и Ю.Л. Ханина, методика определения уровня депрессии В.А. Жмурова.

По результатам обследования методик Спилберга–Ханина и В.А. Жмурова мы выявили, что в 1-й группе 73,6% обследуемых испытывают ситуативную тревожность, 57,8% испытывают личностную тревожность и 31,5% находятся в состоянии депрессии. Во 2-й группе 9,3% испытывают личностную и ситуативную тревожность, а подверженных депрессии выявлено не было. Полученные результаты по методике В.А. Моросановой говорят о том, что лицам 1-й группы свойственна низкая потребность в планировании, они не задумываются о своем будущем, с трудом привыкают к переменам в жизни, а также не могут быстро и своевременно планировать деятельность и поведение. Для 2-й группы наоборот, характерны сформированность потребности в планировании, продумывание своих действий и поведения, планы у таких испытуемых реалистичны, им свойственна развитость и адекватность самооценки.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что лица пожилого возраста, находящиеся в условиях соматической болезни, являются менее адаптированными, чем лица того же возраста, не имеющие каких-либо выраженных соматических заболеваний. Можно предположить, что у хорошо адаптированных здоровых лиц пожилого возраста правильно сформированная личностная идентичность. В дальнейшем мы планируем исследовать личностную идентичность лиц пожилого возраста и ее влияние на адаптацию.

Котенко Р.О.

На пути от описания к лечению диссоциального расстройства личности

История развития научного изучения нарушений, связанных с социальным поведением при когнитивной сохранности, насчитывает около 200 лет. За этот период наука несколько раз меняла свое отношение к вопросам нормального и патологического поведения людей. Во многом это связано с изменением культурных и средовых особенностей социальной ситуации. В своей статье А.В. Юревич приводит множество статистических фактов, ставящих

под вопрос моральное состояние современного российского общества, как то: смертность от убийств, от самоубийств, индекс коррупции, число абортотворцев и пр. (Юревич, 2009, с. 71). В современной науке с этой предметной областью связаны, прежде всего, такие понятия, как «социопатия», «антисоциальные расстройства личности» (DSM-IV, 2000) и «диссоциальные расстройства личности» (МКБ-10, 2005). Начало научному изучению подобных явлений было положено в XIX веке, когда Р. Pinel, основатель научной психиатрии, обнаружил, что у ряда пациентов при наличии неоправданного агрессивного поведения отсутствуют признаки психиатрических отклонений. Его наблюдения были первым в истории феноменологическим описанием антисоциального расстройства личности (Black, 2013). Сам Pinel назвал этот тип заболевания «мания без бреда». Собственно термин «психопатия» появился в психиатрической практике примерно в конце XX века. Немецкий психиатр J. Koch для описания широкой группы людей с отклоняющимся поведением применил термин «психопатические неполноценности» (Семенов, 2012). В англо-американской психиатрической традиции понятие «психопатия» развивалось в сторону сужения значения термина: им обозначается особого рода личностное расстройство. А западноевропейская и отечественная традиции вкладывают в это понятие более широкий смысл, обозначая им отдельные группы различных вариантов расстройств личности. Рассмотрение причин возникновения нарушений под влиянием неблагоприятных социальных условий привело к появлению нового термина — «социопатия» (Ленин, 1927). П.Б. Ганнушкин вводит понятие «антисоциальных психопатов», к которым относятся «люди, страдающие частичной эмоциональной тупостью, именно, отсутствием социальных эмоций» (Ганнушкин, 2007, с. 115). В DSM-I (1952) термин «психопатия» был официально заменен термином «социопатия» (хотя второй и являлся неформальным). А в DSM-III (1980) последний был вновь изменен на термин «антисоциальная личность». В отечественной классификации — МКБ-10 — присутствует частично совпадающий с «антисоциальным расстройством личности» диагноз «диссоциальное расстройство личности» (ДРЛ). Вопрос о методах и эффективности их применения при лечении ДРЛ является одним из наиболее болезненных как для отечественной, так и для западной психиатрии. «Многие ученые говорили раньше и замечают сейчас, что звание самой короткой главы в книге по психопатии можно без колебаний присудить главе о ее лечении. Такие заключения, как “Эффективное лечение не найдено” или “Ничто не помогает”, могут легко резюмировать содержание многих научных статей» (Хазр, 2007). Можно перечислить несколько основных групп методов, применяемых для работы с лицами, страдающими ДРЛ: медикаментозное воздействие (потенциально эффективна медикаментозная коррекция патологических реакций и состояний, а также медикаментозное

лечение коморбидных расстройств (Семенов, 2013)); психотерапевтические методы (нет убедительных свидетельств о степени эффективности данного подхода); метод «коррекции» поведения заключением под стражу (среда, в которую попадает психопат, оказывает диссоциализирующее влияние на его личность). В настоящее время все больше внимания уделяется ранней профилактике развития ДРЛ. Такие программы подразумевают возможность влияния на личность ребенка в процессе ее раннего становления. Подобного подхода придерживался и А.Е. Личко (Личко, 1983), делавший основной акцент на возможности возникновения приобретенной психопатии на базе акцентуации характера, проявляющейся у подростка. Отмечаемое многими мыслителями «разрушение нравственности» современного общества ставит перед психиатрией задачи по выявлению причин этой тенденции и поиску методов ее коррекции. Изучение связей ДРЛ с культурной, цивилизационной ситуацией в целом может открыть новые горизонты в поиске способов терапии и ранней диагностики данного расстройства личности. На наш взгляд, наиболее перспективным направлением является выявление не просто ранних признаков проявления расстройства, но работа с социально-психологическими условиями, приводящими к развитию у детей и подростков ДРЛ.

Крайнюков С.В.

Модель реконструкции картины мира подростков с соматическими заболеваниями

В современной детской и подростковой клинической психологии все чаще обсуждается проблема разработки дифференцированных технологий психологической помощи. Такая разработка должна базироваться на всестороннем знании психологических особенностей, типичных для той или иной нозологии. Еще С.Я. Рубинштейн (1970) отмечено, что заболевание оказывает влияние на психику не непосредственно, но через систему провоцирующих условий. Картина мира как внутреннее отражение образа жизни большого подростка фиксирует эти условия, преобразуя их во внутренние связи, отношения, поведение. Реконструкция комплекса этих характеристик у подростка с соматическим заболеванием позволяет не только пополнить знания об аномальных чертах его психики, выявить патологические зоны, но и обнаружить ресурсные звенья, очертить психологический резерв, необходимый для восстановления и компенсации утраченных функций. Это положение соответствует традициям комплексного подхода к исследованию человека и принципу целостного качественного анализа в клинической психологии. Понятие картины мира в психологической науке относится к числу относи-

тельно новых. Сегодня оно параллельно функционирует в ряду синонимичных понятий: образ мира, модель мира, жизненный мир, когнитивная карта и др. Как комплексный теоретический конструкт картина мира (образ мира) исследовалась А.Н. Леонтьевым (1983), С.Д. Смирновым (1985), А.И. Нафтутьевым (1989), Ф.Е. Василюком (1993), В.В. Петуховым (1984), Е.Д. Бляхером (1976), В.Ф. Петренко (2010), В.П. Серкиным (2006), Е.Е. Сапоговой (2004), Е.Е. Дьяченко (2005), В.М. Коваль (2008) и др. Для нашего исследования наиболее релевантным является определение С.Д. Смирнова (1985), рассматривающего картину мира как целостную многоуровневую систему представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности, систему, «которая опосредует, преломляет через себя любое внешнее воздействие». К настоящему времени разработан ряд психологических моделей картины мира. Наиболее известными являются модели строения сознания А.Н. Леонтьева (1977), системы компонентов А.И. Нафтутьева (1989), структуры образа и жизненных миров Ф.Е. Василюка (1993), брамфатуры и слоев восприятия В.П. Серкина (2004), гипертекста Е.Е. Сапоговой (2004), процесса индивидуализации картины мира В.Д. Балина, В.М. Коваль (2006). Каждая модель имеет свою область адекватного применения, что, с одной стороны, служит преимуществом, а с другой — выступает ограничением. В соответствии с целью изучения специфики картины мира у подростков с соматическими заболеваниями (в нашем случае заболеваниями опорно-двигательного аппарата) нами была сконструирована модель психологической картины мира, поддающаяся целевой операционализации. Центральная теоретическая установка заключалась в том, что картина мира есть сложное многомерное динамичное пространство личности, детерминирующее и детерминируемое образом жизни субъекта. Модель включает в себя 4 эмпирических измерения: 1) элементы среды (макромир, микромир, образ «Я»); 2) временную перспективу (прошлое, настоящее, будущее); 3) собственно психологическое измерение (когнитивный, аффективный, конативный уровни отражения); 4) степень осознанности (уровень сознания, уровень неосознаваемого). Все четыре измерения взаимно пронизывают друг друга. Так, модель может быть визуально представлена в виде куба или в виде ступенчатой нейронной сети с интегративными выходами. Содержательным компонентом модели служит представление. Пример частного представления, сконцентрированного в отсеке модели: когнитивное осознанное представление о макромире в настоящем. Такая модель может быть операционализирована при помощи методик современной экспериментальной психосемантики. В результате применения модели может быть определено влияние заболевания на когнитивные, аффективные и конативные звенья картины мира на осознаваемом и неосознаваемом уровнях, на совокупность

представлений о себе и мире во временной перспективе личности. Модель может служить раскрытию системной роли внутренней картины здоровья и болезни в общей картине мира подростков, поиску зависимостей изменений картины мира от факторов эндогенности/экзогенности, времени приобретения дефекта и сроков лечения. Пилотажные исследования показали, что картина мира подростков с двигательными расстройствами имеет свою специфику, среди которых отмечаются диффузность, дисгармоничность, конфликтность, аффективная напряженность. В настоящее время продолжается сбор эмпирических данных.

Краснова Л.В.
Торохина Л.А.

Влияние психической депривации на личность в условиях Крайнего Севера

Социально-психологические особенности личности в условиях Крайнего Севера представляют собой своеобразную систему последствий воздействия специфических климатических и социально-экономических условий на жизнедеятельность человека. Детерминация закономерностей социально-психологического генеза изменений личности у населения Крайнего Севера обусловлена психической депривацией проживающих, а также особенностями макросреды (массовое сознание, регион проживания — Крайний Север). В основу ракурса рассмотрения проблемы положено мнение Й. Лангеймера и З. Матейчика о том, что «психическая депривация является психическим состоянием, возникшим в результате таких жизненных ситуаций, где субъекту не предоставляется возможности для удовлетворения некоторых его основных (жизненных) психических потребностей в достаточной мере в течение длительного времени» (Лангеймер Й., Матейчик З., 1984). Становится адекватным рассмотрение последствий психической депривации лиц-мигрантов (приехавших из регионов с умеренным климатом в возрасте 25–30 лет) через депривацию потребностей в изменчивости и модальности стимулов; потребностей в первичных общественных связях (с родительской семьей), обеспечивающих возможность положительной интеграции личности; потребностей в привычной общественной самореализации, предоставляющей варианты овладения социальными ролями и ценностно-смысловыми целями. Следует согласиться с мнением В.И. Лебедева, который объясняет, что защитной компенсаторной реакцией в условиях монотонной сенсорной среды является усиленное воображение. Появляющиеся яркие образы в сознании человека в какой-то мере замещают

сенсорные ощущения, характерные для обычных условий, и тем самым позволяют человеку сохранить психическое равновесие. В условиях Крайнего Севера компенсаторный характер приобретают сновидения, которые становятся особенно яркими в ситуациях сенсорного дефицита. В некоторых случаях человек прибегает к механизмам психологической защиты, таким как отрицание или вытеснение проблем, уход в фантазии вместо реальных действий, обесценивание интересов вместо их отстаивания и т. д. Защитные механизмы, таким образом, позволяют снять на какое-то время эмоциональную напряженность, но их частое использование приводит к дезадаптивным эффектам. В классификации эффектов психической депривации Цукермана находят отражение выявленные в процессе исследования схожие последствия депривации лиц-мигрантов в условиях проживания на территории Крайнего Севера:

- нарушение направленности мышления, «тоннельное мышление»;
- «захват» мышления фантазиями и мечтаниями;
- расстройство ориентации во времени (нарушение режима сна и бодрствования);
- беспокойство и потребность в двигательной активности;
- неприятные психосоматические ощущения;
- психоэмоциональные расстройства (депрессивные тенденции) и др.

Показательными в этом плане являются результаты анализа влияния сенсорной зрительной среды Крайнего Севера на эмоциональное состояние. Зрительное восприятие ограничивается в основном белыми тонами. Звуковой фон — глубокая тишина. Запахи земли и растений отсутствуют. Особенно тяжелое воздействие на психику оказывает полярная ночь. Воздействие темноты на психическое состояние вызывает невротические реакции, выражающиеся в появлении раздражительности, плаксивости, расстройств сна, страхов, депрессии. Все эти особенности чаще касаются представителей мигрантов, приехавших для проживания из регионов с умеренными климатическими условиями. В результате негативных последствий вырабатывается специфическая модель поведения человека, описанная М. Селигманом как выученная беспомощность. Она представляет собой генерализованный отказ от активности, появление эмоциональных расстройств, отсутствие когнитивной мотивации к решению проблем. Таким образом, длительная депривация потребностей личности, субъективное переживание неуспеха способствует снижению общей активности человека, вызывая изменения во всех структурах личности. Для полноценного психического развития личности необходим приток различных стимулов: сенсорных, эмоциональных, когнитивных и др. Их дефицит в условиях Крайнего Севера приводит к неблагоприятным последствиям для психики.

Кузнецова Е.В.
Потявина В.В.
Тайц А.Н.

Особенности семейных взаимоотношений у женщин с диагнозом «эндометриоз»

Эндометриоз — одно из самых распространенных гинекологических заболеваний, имеющее специфические симптомы. Эндометриоз опасен, прежде всего, вероятностью появления в будущем женского бесплодия и хронического болевого синдрома, что может привести к временной утрате трудоспособности и снижению качества жизни. Безусловно, это накладывает отпечаток на отношения в семье, в частности может внести ограничения (финансовые, сексуальные, в возможности иметь ребенка и др.).

Целью данной работы стало изучение особенностей взаимоотношений в семьях у женщин с диагнозом «эндометриоз». Объект исследования — 10 женщин с диагнозом «эндометриоз», находящихся на лечении в возрасте от 23 лет до 41 года. Гипотезы исследования: 1. Женщины с диагнозом «эндометриоз» ориентированы на поиск социальной поддержки. 2. Социально-демографические факторы, такие как возраст и наличие детей, у женщин с диагнозом «эндометриоз» связаны с типами отношения к болезни. 3. Социально-демографические факторы, такие как семейное положение и возраст, у женщин с диагнозом «эндометриоз» связаны с типом копинг стратегии.

По данным методики «Определение типа отношения к болезни (ТОБОЛ)» обнаружена статистически достоверная (при $p < 0,05$) связь показателя «Семейное положение» (женщины, состоящие в браке) с такими типами отношения к болезни, как «Паранойальный тип» и «Дисфонический тип». Была выявлена статистически достоверная взаимосвязь (при $p < 0,05$) переменной «Наличие детей» с показателями «Неврастенический тип» и «Сенситивный тип». С нашей точки зрения, такая взаимосвязь может быть объяснена тем, что больной не хочет демонстрировать родным и близким признаки своего заболевания, в том числе, старается не выглядеть уязвимым в глазах детей. Вспышки агрессии можно объяснить желанием скорее избавиться от болезни и «быть как все». По данным методики SACS С. Хобфолла была обнаружена статистически достоверная связь (при $p < 0,01$) показателя «Возраст» и «Ассертивный тип» преодолевающего поведения. Вероятно, уверенное поведение, действия, направленные на разрешение проблем в стрессовой ситуации, в большей степени проявляются с возрастом, при накоплении определенного жизненного опыта. Также выявлена статистически достоверная отрицательная взаимосвязь показателя «Осторожные действия» с переменной «Гармоничный тип» (при $p < 0,01$) отношения к болезни.

Адекватное восприятие своего заболевания и его последствий можно соотнести с информированностью о данном заболевании и реальной оценкой его последствий. По данным методики «Шкала семейного окружения» были выявлены статистически достоверные взаимосвязи между шкалами «Организованность семейного окружения» (при $p < 0,05$) и «Сплоченность семьи» (при $p < 0,05$) с показателем «Поиск социальной поддержки». Скорее всего, это говорит о том, что жесткая организованность рамок, структурированная семейная деятельность не позволяют получить достаточной поддержки, в которой нуждается женщина в данной ситуации. В то же время, сплоченность, выраженность чувства принадлежности к семье, «требуют» большей поддержки от значимого круга. По результатам анализа женщины, в семьях которых в большей степени присутствует сплоченность и организованность, нацелены на поиск социальной поддержки в качестве модели преодолевающего поведения. Подтвердилась гипотеза, что социально-демографические факторы, а именно возраст и наличие детей, у женщин с диагнозом «эндометриоз» могут иметь взаимосвязь с типами отношения к болезни. Чем старше женщины, тем чаще их поведение направлено на ассертивную модель поведения преодоления стрессовой ситуации. Для женщин, имеющих детей, характерен «Неврастенический тип» и «Сенситивный тип» отношения к болезни. Как правило, женщины стремятся к поиску социальной поддержки со стороны ближайшего окружения. В исследовании показано, что женщины более старшего возраста, у которых уже есть дети, увереннее ведут себя в преодолении стрессовой ситуации и менее нацелены на то, чтобы как-то потревожить близких и проявить признаки своего заболевания. Одновременно было обнаружено, что женщины с адекватным взглядом на свое состояние и относительно реалистичной оценкой своей болезни и ее последствий в меньшей степени нацелены на избежание риска. Это может говорить о том, что наличие информированности дает в большей степени ориентированность на поиск решения проблем. Данное исследование является лишь началом, в дальнейшем мы планируем изучить проблему последствий влияния этого заболевания на психологическое состояние женщин.

Кузнецова Е.А.

Некоторые когнитивные особенности подростков с соматоформной дисфункцией

Для исследования особенностей запоминания и переработки различных типов информации был проведен ряд экспериментов с подростками, разделенными на 3 группы: 1-я группа — подростки с установленной врачом

соматоформной вегетативной дисфункцией (66 человек); 2-я группа — подростки с органическими расстройствами, сопровождаемыми соматоформной вегетативной дисфункцией (40 человек); 3-я группа — контрольная, здоровые подростки (60 человек). Всего в эксперименте приняли участие 166 подростков в возрасте от 12 до 17 лет, группы были выровнены по возрасту и полу, во всех группах количество мальчиков превышало количество девочек. Особенности процесса переработки информации различных типов, роль эмоций в работе внимания и памяти, когнитивная гибкость, общая работоспособность и вработываемость исследовались в серии экспериментов с эмоциональным тестом Струпа. Для этого предварительно по специальной процедуре были отобраны слова, используемые в дальнейших экспериментах, всего было сформировано четыре тематических таблицы Струп-теста: таблица с нейтральными стимулами, таблица с эмоционально отрицательными словами, таблица с эмоционально положительными словами и таблица со словами, характеризующими болезненное состояние. Таблицы предъявлялись в указанной выше последовательности на экране персонального компьютера, отсчет времени начинался с появлением стимульной таблицы на экране и заканчивался с нажатием клавиши «пробел» после произнесения последнего цвета. В инструкции испытуемому предлагалось как можно быстрее назвать цвет слов, не обращая внимания на их значение, записывалось время и количество ошибок для каждой таблицы. Для изучения особенностей запоминания и непосредственного воспроизведения эмоционально значимых слов была проведена серия экспериментов, в основу которых был положен классический тест памяти А.Р. Лурии «10 слов», для запоминания предлагалось четыре серии слов, сгруппированных аналогично предыдущему эксперименту. Подсчитывалось общее количество воспроизведенных в четырех сериях слов для каждой категории стимулов, число и тип ошибок. В среднем через тридцать минут испытуемых в течение трех минут просили воспроизвести как можно больше запомненных в предыдущем эксперименте слов — таким образом изучались особенности долговременного запоминания стимулов различных типов. В качестве завершающего эксперимента исследовалась долговременная пассивная память. Испытуемым предлагалось прослушать специально подготовленный стимульный ряд — четыре тематические серии по двадцать слов — и припомнить те слова, которые встречались в эксперименте с запоминанием слов.

В результате исследования были выявлены различия в динамике распределения времени выполнения эмоционального Струп-теста (ЭСТ) с различными типами стимулов. Так, в контрольной группе здоровых подростков статистических различий по времени и количеству ошибок при выполнении

ЭСТ не выявлено. В экспериментальных группах время реакции на различные стимулы увеличивалось постепенно, при этом время реагирования на болезненные стимулы выше, чем время реагирования на эмоциональные (положительные, отрицательные) стимулы, а время реагирования на эмоциональные стимулы выше, чем время реагирования на нейтральные стимулы. Такой результат может объясняться как замедленной реакцией на значимый стимул (Струп-эффект), так и, что вероятней, более высокой утомляемостью и истощаемостью подростков в экспериментальных группах. При этом у исследуемой группы подростков с функциональными расстройствами в сравнении со здоровыми испытуемыми отмечается более высокая утомляемость, в то время как у пациентов с органическими заболеваниями, сопровождаемыми соматоформной вегетативной дисфункцией, изначально демонстрируется более высокий уровень астенизации. При исследовании процессов памяти между исследуемыми группами нет достоверных различий лишь в кривых запоминания положительных стимулов. При этом подростки с органическими расстройствами с сопутствующей соматоформной дисфункцией в среднем запоминают и воспроизводят меньше слов, чем подростки других исследуемых групп. При сравнении подростков контрольной группы и группы испытуемых с функциональными расстройствами выявлены различия лишь в кривых запоминания стимулов о болезни. Испытуемые экспериментальной группы запоминают и воспроизводят большее количество таких стимулов за меньшее время. В то же время, при отложенном воспроизведении, подростки с СВД воспроизводят меньшее количество стимулов, чем подростки контрольной группы.

Купреева К.С.

Семантико-ассоциативный профиль реакций на объект при алкогольной зависимости

Проблема семантико-ассоциативных связей не попадает в зону научного исследования. Семантические единицы обеспечивают фиксированность смысловой нагрузки на ассоциативные реакции, связанные с приемом и употреблением алкоголя.

Целью исследования является изучение особенностей семантико-ассоциативного профиля реакций на объект при алкогольной зависимости. Исследование проводилось с помощью психодиагностической методики «Ассоциативный эксперимент» (в адаптации *Никишиной В.Б.*, 2011) и методики семантического дифференциала Ч. Осгуда (*Ахмеджанова Э.Р., Кулешов Д.В.*, 1995.) Методика семантического дифференциала исследует

смысловые образования сознания индивида, связанные с его поведением и анализом социальных установок и личностных смыслов (Осгуд Ч., 1972). Зависимый от психоактивного вещества, воспринимая предложенные единицы и отвечая на них, проецирует свои установки и смыслы в ситуацию, придавая им субъективно-личностное означивание, объекта алкоголя. Возможностями данного метода является доступность описания у испытуемых наличия смысловых нагрузок в словах-стимулах. Возможностями ассоциативного эксперимента (Лурия А.Р., 1984) являются наблюдения проявлений у испытуемых с состоянием алкогольной зависимости аффективных состояний на объектозначимые стимулы. Количественная обработка (критерий Спирмена, критерий Манна-Уитни) и качественная обработка осуществлялась с помощью пакета прикладных статистических программ Statistic 6.0. Исследование испытуемых с алкогольной зависимостью проводилось на базе Курской областной наркологической больницы. Экспериментальную группу составили 60 человек, в возрасте 22–60 лет, на 2-й и 3-й стадиях зависимости. Контрольную группу составили 60 человек без химической зависимости, 22–59 лет. Исследование проводилось на базе медицинских учреждений г. Курска в процедуре профосмотра. Общий объем выборки — 120 человек. Анализ семантических единиц на объектозначимые стимулы выявил значимые различия ($p\text{-level} = 0,03$) у испытуемых с алкогольной зависимостью и испытуемых с отсутствием зависимости. Семантические единицы у испытуемых с алкогольной зависимостью несут фиксированную смысловую нагрузку, связанную с приемом и употреблением алкоголя. Данная тенденция у испытуемых с отсутствием зависимости не выявлена. Анализ семантических единиц на объектонезначимые стимулы выявил значимые различия ($p\text{-level} = 0,01$) у испытуемых с алкогольной зависимостью и испытуемых с отсутствием зависимости. При алкогольной зависимости семантическое пространство фиксировано на объекте зависимости, т. е. на алкоголе. Данная тенденция у испытуемых с отсутствием зависимости не выявлена. Временные реакции ассоциативных реакций в качестве количественной оценки на объектозначимые и объектонезначимые стимулы отличаются скоростью протекания у испытуемых с алкогольной зависимостью и испытуемых с отсутствием зависимости. Выявлено значительное увеличение времени ассоциативных реакций на объектозначимые стимулы у испытуемых с алкогольной зависимостью ($p\text{-level} = 0,004$). Данная тенденция проявляется фиксированностью ассоциативных реакций по отношению к объекту зависимости, алкоголю. На объектонезначимые стимулы значимого увеличения времени ассоциативных реакций у испытуемых с алкогольной зависимостью и испытуемых с отсутствием химической зависимости не выявлено ($p\text{-level} = 0,12$). Осуществляя оценку взаимосвязи показателей частот видов ассоциативных

реакций и частот семантических единиц с проекцией на объект зависимости (алкоголь), у испытуемых с алкогольной зависимостью получены значимые корреляционные связи: враждебный и созвучный (0,27*); сильный и опосредованный (–0,29*); замкнутый и вопросительный (–0,33*); светлый и детерминационный (0,33*); светлый и персеверирующий (0,27*); молчаливый и эхололический (–0,26*). Особенности ассоциативных реакций при алкогольной зависимости характеризуются значимым превышением времени реакций на объектозначимые стимулы. Преобладающими в профиле реакций являются: эхололические, многозначные, классификационные и реакции по смежности. В семантическом пространстве выявлены следующие единицы: сильный, обаятельный, общительный, деятельный и разговорчивый. Семантико-ассоциативная связь выявлена между: враждебный и созвучный, сильный и опосредованный, замкнутый и вопросительный, светлый и детерминационный, светлый и персеверирующий, молчаливый и эхололический.

Куракина Е.Ю.
Ефимочкина О.С.

Психологические особенности женщин в период подготовки к процедуре ЭКО

Актуальность проблемы бесплодия в экономически развитых странах в последние годы не снижается. Продолжается дискуссия о роли психологических факторов в формировании данной проблемы. В 2011–2013 гг. на базе отделения репродуктивных технологий НИИ им. Д.О. Отта обследовано более 30 женщин с установленными диагнозом «бесплодие», которые готовились в связи с этим к процедуре экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). В качестве группы сравнения использованы данные обследования 33 здоровых женщин, имевших беременности и родивших не менее одного ребенка. Все обследованные после соблюдения этической процедуры отвечали на вопросы интервью, которое содержало сведения анамнестического, демографического, медицинского и социально-экономического характера. Кроме того, дизайн исследования включал заполнения формализованных экспериментально-психологических методик: вопросник Айзенка, методика САН, шкала депрессии Бека, методика «Определение уровня алекситимии» ТАС. Результаты обследования подвергались стандартному статистическому анализу. Средний возраст женщин, страдающих бесплодием, 35 лет, что практически совпадает с возрастом здоровых женщин, 34,25 года. Социально-психологические показатели женщин основной группы характеризо-

вались рядом особенностей. Отмечается, что данная группа женщин более чем в 2 раза чаще имеет высшее образование ($p = 0,012$). Женщины группы чаще вступают в брак ($p = 0,018$). Брачные отношения данной группы женщин в большинстве своем носят официальный характер, ($p = 0,056$). Однако, они же чаще вступают в повторные браки ($p = 0,0027$). Семьи женщин этой группы живут преимущественно раздельно ($p = 0,0039$). Необходимо отметить, что различия в группах по несовместимости характеров с мужем не выявлено. Достоверно выявлено, что женщины, страдающие бесплодием, имеют меньше вредных привычек (курение). Результаты психометрических исследований выявили высокие положительные корреляции между состоянием в официальном браке и самочувствием по методике САН, $r = 0,491910$; между сочетанием учебы и работы и уровнем депрессии по шкале Бек, $r = 0,500853$. В то же время отрицательные корреляции зафиксированы между вступлением в повторный брак и самочувствием по методике САН, $r = -0,454366$; между наличием братьев и сестер и уровнем депрессии по шкале Бека, $r = -0,463981$. Полученные данные свидетельствуют о перспективности изучения как социальных, так и психологических факторов в формировании клинических особенностей у женщин, страдающих бесплодием.

Леденева Ю.Ю.

Индивидуально-психологические особенности лиц с нарушениями пищевого поведения

В последнее время стремительно увеличивается количество женщин, недовольных своим телом, чему способствуют доминирующие в современном обществе стандарты женской красоты, средства массовой информации, которые пропагандируют стройность и содержат многообразную информацию о различных способах похудения (диеты, средства для похудения, списки низкокалорийных продуктов и т. д.). В целях достижения своего идеала женщины склонны сокращать приемы пищи и придерживаться диет, что, в свою очередь, увеличивает риск возникновения нарушений пищевого поведения (НПП). Согласно ряду исследований, НПП имеют до 50% населения развитых стран (Николаева Н.О. и др., 2011). Среди старшеклассниц и студенток распространенность НПП составляет 37,2% (Семина Т.И., 2000). Несмотря на то, что для мужчин эти показатели значительно ниже, в последнее время участились случаи заболевания и среди них. В основе НПП часто находятся личностные и психологические проблемы. Например, некоторые люди имеют обыкновение «заедать» стресс, а неуверенность в себе, неудовлетворенность своей внешностью, низкая самооценка влияют на установки

пищевого поведения, которые будут направлены на увеличение или снижения веса. Таким образом, изучение стратегий совладания со стрессовыми ситуациями и мотивации у мужчин и женщин с НПП, по нашему мнению, является особенно актуальным.

Цель исследования: изучение мотивации и стратегий совладания у мужчин и женщин с НПП. Для достижения поставленной цели были использованы следующие методики: анкета «Расстройства пищевого поведения», «Голландский опросник пищевого поведения», «Опросник для исследования мотивации», «Методика исследований индивидуальных стратегий совладания Э. Хайма». В исследовании приняли участие 117 человек: 40 мужчин и 77 женщин в возрасте от 18 до 55 лет. На первом этапе исследования были выявлены испытуемые с ограничительным, эмоциогенным и экстернальным пищевым поведением. Так, ограничительное пищевое поведение было выявлено у 62,3% женщин и 25% мужчин. Данным испытуемым свойственно прилагать предельные усилия, направленные на достижение или поддержание желаемого веса посредством самоограничения в питании, например, после праздников. Эмоциогенное пищевое поведение, которое возникает в ответ на негативные эмоциональные состояния, присутствует у 48% женщин и 37,5% мужчин. Экстернальное пищевое поведение выявлено у 54,5% женщин и 55% мужчин, т. е. они могут есть не только в момент реального чувства голода, но также употреблять лишнюю пищу из-за ее запаха, вкуса, красивого вида.

Анализируя полученные данные, можно заключить, что большинство женщин считают, что имеют лишний вес, мужчины же, наоборот, считают, что у них его нет. При показателях ИМТ ниже нормы и при ИМТ в норме большинство испытуемых считают, что у них нет лишнего веса, при повышенном уровне ИМТ испытуемым свойственно оценивать себя как людей с лишним весом. Среди женщин больше тех, кто ведет здоровый образ жизни, рассчитывает количество потребляемых калорий и следит за временем приема пищи, мужчины вообще не придерживаются диет, не следят за приемом пищи. Женщинам свойственно в большей степени сравнивать свою фигуру с фигурами других. Они занимаются спортом с целью коррекции своей фигуры, мужчины также занимаются спортом, однако при этом не имеют подобную цель. Приступы обжорства характерны и для мужчин, и для женщин, однако после сильных переяданий женщины больше склонны испытывать чувство вины. Среди женщин больше испытуемых, у которых оценка собственной фигуры влияет на их самооценку. Испытуемые, у которых отмечен ИМТ выше нормы и которые считают, что имеют лишний вес, имеют более низкую самооценку, в отличие от тех, кто имеет ИМТ ниже нормы. Также было установлено, что с большей частью испытуемых родственники разделяют их предпочтения в диетах. В результате сравнительного анализа

выявлены статистически значимые различия между мужчинами и женщинами по следующим шкалам: ИМТ, внутренняя концепция я, интернализация цели, ограничительное пищевое поведение.

Таким образом, женщинам в большей степени свойственно ограничительное пищевое поведение, т. е. они больше склонны ограничивать себя в питании для поддержания желаемого веса. В выборе пищевого поведения они в большей степени руководствуются желанием соответствовать собственным стандартам компетентности и интернализированным ценностям. А мужчины, несмотря на высокую самооценку и отсутствие лишнего веса, по их мнению, имеют более высокий ИМТ.

*Леус Э.В.
Ивкова А.А.*

Особенности аутодеструктивного поведения несовершеннолетних

Ценность жизни и здоровья является наивысшей ценностью, а потому остается актуальным изучение отношения человека к явлениям, таящим в себе реальную или потенциальную опасность для ее продолжения. Одним из наиболее трагичных типов отклоняющегося поведения является самоубийство, или суицид. Суицидальное поведение представляет собой одну из форм аутодеструктивного поведения, прогноз развития которого определяют психологические особенности, выступая в качестве детерминирующих его факторов и изменяясь при наличии данной формы поведения. По данным статистики Отдела процессуального контроля следственного управления по Архангельской области и НАО, в 2011 г. среди детей и подростков было совершено 12 самоубийств, в 2012 г. зафиксировано 18 подобных случаев и выявлено 57 попыток совершить самоубийство. По данным Всемирной организации здравоохранения, для подростков в возрасте от 15 до 20 лет самоубийство является третьей по счету причиной смерти после несчастных случаев и убийств. Суицид несовершеннолетних имеет характерные особенности: ему предшествуют кратковременные, объективно нетяжелые конфликты в сферах близких отношений (в семье, школе, группе), при этом конфликт воспринимается как крайне значимый и травматический, вызывая внутренний кризис и драматизацию событий, а сам суицидальный поступок воспринимается в романтически-героическом ореоле: как смелый вызов, как решительное действие, как мужественное решение; суицидальное поведение демонстративно, в нем есть признаки «игры на публику», оно вызвано порывом, аффектом, в нем нет продуманности, взвешенности, точного просчета, а способы и средства самоубийства выбраны неумело (пры-

жок с балкона 2-го — 3-го этажа, малотоксичные вещества, тонкая веревка) (Яровенко В.В., Яровенко Е.В., 2008). Значительное влияние на суицидальное поведение подростков оказывают межличностные отношения со сверстниками и родителями. В предпубертатном возрасте преобладают «семейные» проблемы, а в пубертатном — «сексуальные» и «любвные». После 14 лет суицидальное поведение проявляется приблизительно одинаково часто и у девушек, и у юношей. У старших подростков суицидальное поведение нередко связано с интимно-личностными отношениями и несчастной любовью. Как группа молодые люди склонны к депрессии, что также является показателем серьезности суицидальной угрозы. Другим чрезвычайно важным фактором выступает влияние подростковой субкультуры.

Проведенный мониторинг распространенности предрасположенности несовершеннолетних к проявлениям аутоагрессивного поведения позволил сделать следующие выводы: 1. От общего числа обследованных школьников склонность к данному виду поведения была выявлена чуть больше, чем у половины, причем для основной массы характерна ситуативная склонность к демонстрации данного вида поведения, и лишь около 10% имеют сформированные личностные черты, которые могут спровоцировать суицидальное поведение. 2. Несовершеннолетние со склонностью к аутоагрессивному поведению чаще демонстрировали делинквентное и агрессивное поведение; для них были характерны такие личностные черты, как эмоциональная неустойчивость, невыдержанность, нетерпеливость, низкая конформность, робость, повышенная тревожность, неуверенность в себе. Причем для младших подростков больше были характерны интровертированность, ригидность, тревожности, страх ситуации проверки знаний; для старших — эмоциональная неустойчивость, невыдержанность, нетерпеливость, неуверенность в себе, осторожность, непостоянство, тревожность, импульсивность и напряженность, склонность к формированию зависимостей разного рода. Таким образом, суицидальное поведение несовершеннолетних в настоящее время является глобальной общественной проблемой, требуя пристального внимания и комплексного подхода специалистов разного профиля — педагогов, психологов, медиков с привлечением государственных и общественных организаций, т. к. только объединение усилий позволит защитить юных граждан общества, создав оптимальные условия для всестороннего гармоничного развития личности вместо борьбы за выживание: за счет выявления закономерностей влияния психических факторов на сохранение здоровья и формирование установок на осознание ценности собственной жизни; выявления психических факторов, влияющих на возникновение, течение и преодоление стойких состояний дезадаптации; повышения адаптационных ресурсов личности, гармонизации психического развития и межличност-

ных отношений в процессах предупреждения формирования деструктивных моделей поведения.

Ложечкина А.Д.

К вопросу о психологических константах развития психики человека

В современной науке на сегодняшний день выявлены нормативы показателей, которые отражены в различных исследованиях и наиболее широко применяются в практике. Также наряду с данными константами существуют нормальные величины, пока еще не нашедшие должного использования, полученные авторами в исследованиях, имеющих разные варианты по одному показателю и не нашедших должного использования в науке. Междисциплинарность данной проблематики неоспорима, т. к. имеет научную и методологическую обусловленность на научно-эволюционном и современном этапе развития психологической науки. Развитие психики в постнатальном онтогенезе основывается на целостных представлениях о структурной организации и системных морфологических преобразованиях различных отделов головного мозга человека на разных этапах индивидуального развития. Именно поэтому вопрос развития и определения констант, связанных с характеристиками особенностей мозгового обеспечения когнитивных процессов на разных этапах онтогенеза, которые и определяют функциональные возможности ребенка в процессе воспитания и обучения, жизнедеятельности, обращен к междисциплинарным нейроморфологическим, нейрофизиологическим и нейропсихологическим исследованиям, а также к психологическим, морфологическим, нейропсихологическим исследованиям, связанным с дифференцировкой развития вышеописанных процессов у человека в норме и патологии. Так, например, согласно представлениям современных нейронаучных исследований, когнитивные процессы обеспечиваются не отдельными зонами коры или подкорковыми образованиями, а сложным пластичным взаимодействием различных структур мозга. Человек является носителем и субъектом психики и сознания, и без понимания природы человека и представления о его структуре нельзя понять психику во всех ее формах и уровнях существования, а основными характеристиками человека являются внутренние детерминанты психики и поведения (Б.Г. Ананьев). Также несомненной является индивидуальность акмеологических детерминант когнитивного развития, через субъективное познание мира, познание закономерностей системогенеза, эволютивной динамики индивидуальности, вектор мышления, планирование действий, решение задач, личностные интенции, инвариативные составляющие целе-

направленной активности разного типа, гармоничность-дисгармоничность структуры свойств целостной индивидуальности и др. Но осуществление и раскрытие логики исследования на современном этапе познания человека и его генеза, особенностей (акселерация, асинхрония и др.) и выявление в связи с этими особенностями нормативов невозможно без развития новейшей науки: проведения фундаментальных исследований, возникновения и существования научных школ, частных научных исследований и т. д.

Локоткова М.А.

Петров М.В.

Возможности диагностики нарушений исполнительских функций при шизофрении

Когнитивные нарушения, являясь значимыми проявлениями шизофрении, изучаются достаточно давно (*Bleuler E, Kraepelin*). Достаточное количество современных исследований в области шизофрении выявили, что нейропсихологические расстройства присущи значительному числу больных в виде нарушенных когнитивных функций (локальных и генерализованных) по сравнению с условно здоровыми лицами (*Зейгарник Б.В., 1976, Bilder R.M., 2000, Критская В.П., Мелешко Т.К., 2003* и др.). Патогенез предполагает выявление расстройства различных когнитивных процессов: внимания, памяти, скорости переработки информации, в том числе и высшего уровня, которые принято называть исполнительскими функциями (*Lezak, 1982*). В их числе рассматривают планирование, гибкость познавательных процессов, контроль поведения (*Gold J.M., Harvey P.D, Магомедова М.В., 2003* и др.) Недостаточность исполнительного функционирования — типичный для шизофрении признак и является составной частью нейрокогнитивного дефицита в целом при данном заболевании, являясь ключевой его характеристикой. Также при описании шизофрении обязательно упоминается социально-когнитивный компонент, включающий набор навыков, которые индивид использует для понимания и эффективного взаимодействия с другими людьми. В теории и методологии выделяют: эмоциональный процессинг, социальную перцепцию, социальные знания, атрибутивные искажения, касающиеся когнитивного стиля. Выделяют также теорию разума (атрибутивность психического статуса), позволяющую индивиду адекватно понимать ложные убеждения, намеки, обман, метафоры, иронию и юмор. Таким образом, исполнительные функции — это значимые способности, которые активируются в новых, не закрепленных в опыте ситуациях, требующих оригинальных решений.

Планируется исследование, задачами которого будет: определить характер и степень выраженности когнитивных нарушений в группах больных шизофренией, шизоаффективным расстройством, аффективными расстройствами; описать связь выявленных нарушений с социально-демографическими, анамнестическими, клиническими параметрами, степенью социального функционирования в изучаемых группах; изучить динамику выявленных нарушений в изучаемых группах с течением заболевания. В итоге планируется описать специфичный нейропсихологический симптомокомплекс нарушений когнитивных функций при шизофрении и аффективных расстройствах. Предполагаются условные этапы — отборочный этап, базовая оценка, динамические оценки 1, 2, 3 и финальная оценка, — необходимые для контроля динамики исследования. С пациентами будет проводиться полуструктурированное и мотивирующее интервью. В исследовании будет применяться батарея тестов и методик, призванная с максимальной валидностью провести психодиагностические мероприятия: шкала оценки позитивной и негативной симптоматики (PANSS); шкала оценки депрессии Монтегомери–Асберг (MADRS); шкала личностного и социального функционирования (PSP); батарея когнитивных тестов, согласованная MATRICS (MCCB); краткая оценка когнитивных функций при аффективных расстройствах (BAC-A); комплексная фигура Рея–Остеррица (ROCF); тест «Лондонская башня» (TOL); висконсинский тест сортировки карточек (WCST). Например, висконсинский тест сортировки карточек (WCST) (Heaton R.K., 1989) достаточно давно применяется зарубежными психологами, в нашей стране же его использование ограничено небольшим числом специалистов. Тест требует развитых высокоуровневых процессов, позволяющих планирование собственной деятельности в соответствии с целью и корректирование реакций при изменении условий. Для адекватного исполнения теста требуется достаточно высокая гибкость мышления и способность поддерживать и координировать стратегию категориального мышления. Тест может быть применен как в карточном, так и в компьютерном варианте. Испытуемому предлагается соотносить каждую из карточек с 4 основными картами-эталоном, которые различаются по цвету, форме и количеству элементов. Экспериментатор же ограничивается комментариями — «правильно» или «неправильно». В ходе эксперимента меняется «правильный» принцип классифицирования, что заставляет испытуемого подстраиваться под изменяющиеся условия. Данный тест адекватен при выявлении таких патологических феноменов, как разноплановость мышления и снижение критичности. Ожидаемым результатом выполнения проекта будет являться создание интегративной модели нейрокогнитивного дефицита и описание нейропсихологического синдрома, специфичного для изучаемых нозологических групп.

Лысенко С.В.

Субъективное благополучие молодежи как индикатор здоровой личности

В последние годы стремительный рост позитивной психологии привлек внимание зарубежных и отечественных исследователей к изучению проблем, направленных на укрепление здоровья и профилактику благополучного уровня жизни. Так, с точки зрения позитивной психологии субъективное благополучие личности это ощущение субъективного комфорта, осуществление контроля за своей жизнью, переживание в большей степени положительных эмоций, умение грамотно устанавливать и сохранять доверительные отношения с людьми. В настоящее время множество исследований сконцентрированы на изучении субъективного благополучия личности. Но, несмотря на наличие накопленного большого экспериментального материала по вопросам благополучия, в настоящее время до конца не выявлены его специфические особенности (Diener E., Fujita F., 1995; Park N., Peterson C., Selimyan M.E., 2004; Jakobsson C., Bergstad, 2011). Так, до сих пор остается открытым вопрос о том, почему некоторые люди продолжают быть счастливыми и в условиях бедствия, тогда как другие остаются неудовлетворенными и в благополучные времена? По мнению зарубежных коллег (Detweiler J.B., Salovey P., Rothman, Alexander J., Steward, Wayne T., 2000), личность имеет более высокий уровень субъективного благополучия, обладая высоким уровнем удовлетворенности своей жизнью и испытывая в большей степени положительное эмоциональное влияние на организм, нежели негативное, поскольку положительные эмоции способствуют оптимальному восприятию мира, гармоничному мироощущению и физическому благополучию. В связи с этим актуальным и приоритетным направлением в позитивной психологии является изучение субъективного благополучия личности.

В нашем исследовании мы отдали предпочтение исследованию юношеского возраста, поскольку он, на наш взгляд, представляется особенно важным периодом в жизнеопределении человека, который оказывает сильное влияние на всю последующую жизнь. С целью выявления уровня субъективного благополучия молодежи нами было проведено пилотажное исследование. В исследовании приняли участие более 300 человек, в возрасте 18–20 лет; в данную выборку вошли студенты разных специальностей высших учебных заведений г. Тамбова. Для решения поставленных задач нами была разработана авторская анкета, включающая в себя основные вопросы, отражающие специфику изучаемой проблемы. В частности, испытуемому предлагалось оценить степень удовлетворенности своей жизнью по 7-балльной шкале (от 1 — «Я полностью не удовлетворен», до 7 — «Я полностью удов-

летворен»). Статистический анализ полученных данных позволил выявить, что 61% респондентов оценивает свою жизнь как удовлетворенную, 26% испытуемых — полностью удовлетворенную, 8% отметили у себя средний уровень удовлетворенности и для 5% жизнь воспринимается как полностью неудовлетворительная.

В целом, результаты по группе свидетельствуют о высоком уровне удовлетворенности своей жизнью среди молодежи (87% всех опрошенных), что подтверждает их благополучное состояние на данный момент. Дальнейший анализ материалов позволил детализировать ответы испытуемых, в которых они указали причины, возникающие у них на пути к достижению благополучия. Было выявлено, что самыми частотными ответами среди испытуемых были следующие: «ничего» (37%), внешние факторы («государство», «общество») (13%), «недостаток материальных благ» (12%), индивидуальные характеристики («лень», «комплексы») (11%), а 6% респондентов указали «моя жизнь благополучна». Анализ полученных данных свидетельствуют о наличии ряда проблемных зон у молодежи, поскольку, несмотря на выявленный достаточно высокий уровень удовлетворенностью своей жизнью среди молодых людей, более чем у двух третей опрошенных обнаружилось различные причины, имеющие как внешний, так и внутренний характер, выступающие для молодежи препятствием на пути к достижению благополучия. Итак, проведенный анализ позволил выявить некоторый дисбаланс между субъективным представлением об удовлетворенности собственной жизнью и текущим благополучием молодежи, который, в свою очередь, может негативно отразиться на здоровье личности. В дальнейшем наш научный интерес направится на более углубленное изучение и выявление компонентов, способствующих формированию и поддержанию благополучия личности, а также сохранению и укреплению как психологического, так и физического здоровья.

*Мальцева М.Н.
Мельникова Е.В.
Шмонин А.А.*

Канис-терапия в реабилитации пациентов, страдающих постинсультной депрессией

Канис-терапия — метод реабилитации, успешно применяющийся в реабилитации больных, перенесших инсульт и страдающих постинсультной депрессией. Методология современной канис-терапии использует принципы эрготерапии, психотерапии и кинезиотерапии.

Цель исследования заключалась в оценке эффективности психотерапевтической компоненты канис-терапии на начальном этапе нейрореабилитации пациентов с выраженной постинсультной депрессией и суицидальными устремлениями в условиях закрытого реабилитационного центра. Канис-терапия была предложена 19 пациентам мужского пола, возрастом от 50 до 67 лет и 13 пациентам женского пола, возрастом от 55 до 70 лет, с выраженной постинсультной депрессией, находящихся в отсроченном периоде после инсульта. Также у пациентов имелись суицидальные устремления, стремления к разрыву социальных связей, отказ от сотрудничества с врачами, отрицание возможности улучшений состояния здоровья. Занятия канис-терапией проводились 3 раза в неделю по 1 часу индивидуально-групповым методом, всего проведено 6 занятий до начала и 8 в процессе комплексной реабилитации и медикаментозного лечения. В начале курса с пациентом общается в основном собака, наученная побуждать пациента к участию в игре, по мере снижения тревожности и недоверия к людям к занятиям подключается вожатый собаки и персонал. Занятия построены таким образом, чтобы у пациента создавалось ощущение необходимости его действия для собаки (уход, кормление) и самостоятельного управления действиями собаки. Это позволяет повышать самооценку пациента и мотивировать его к взаимодействию с персоналом и другими пациентами. Четвертое и пятое занятия построены на ролевой игре «Ветеринар», в процессе которой пациенты, по легенде, учат собаку принимать помощь ветеринарного врача и терпеливо относиться к манипуляциям. Участие в этой игре значительно снижает тревожности и недоверие пациента к медперсоналу лечебного учреждения. Шестое занятие представляет из себя игру с элементами реабилитационных упражнений и подготавливает пациентов к выполнению более сложных и продолжительных упражнений. 7-е — 12-е занятия проходят в составе комплексного лечения и реабилитации, эти занятия содержат в себе упражнения для физической, когнитивной и социальной реабилитации и построены на ролевых играх. Типовые игры канис-терапии: «Пляж» — для расслабления и снижения спастичности; «Душ», «Парикмахер», «Пикник» — предлагающие пациентам маскированные бытовые навыки — расчесывания, умывания, бытовой гигиены, пользования столовыми приборами, бытовыми предметами и т. п.; игры «Гости», «День рождения» — предлагающие навыки одевания, использования 8 видов одежных застёжек, чтения, письма, а также упражнения на социализацию, восстановление когнитивных функций; игры «Цирк» и «Дрессировщик» — для восстановления навыков ходьбы, функций поддержания равновесия, развития силы в конечностях, концентрации внимания. Для контроля использовалась группа пациентов, получавших стандартное лечение и реабилитацию, а также помощь психо-

лога реабилитационного центра, — 16 мужчин возраста от 54 до 61 года и 12 женщин возраста от 53 до 68 лет, имевших аналогичные неврологические нарушения и депрессию равной тяжести. Для оценки депрессии, двигательных расстройств и когнитивных нарушений были использованы: шкала Рэнкина, шкала Бартела, индекс мобильности Ривермид, шкала депрессии Бека, MMSE. Также велись наблюдения за пациентами, оценивалась их готовность к сотрудничеству и принятию помощи от медперсонала.

Результаты: в группе канис-терапии заметно снизился уровень депрессии и когнитивный дефицит, также улучшились способности к самообслуживанию, снизился неврологический дефицит. Все пациенты группы канис-терапии прекратили отторгать помощь медперсонала, повысилась комплаентность при приеме лекарств, в разговорах исчезла тема суицида. В контрольной группе тяжесть как неврологических, так и поведенческих нарушений снизилась менее выражено, пятеро пациентов проявляли периодическую агрессию к медперсоналу и друг другу, трое пациентов регулярно проявляли аутоагрессию.

Выводы: 1. Канис-терапия — эффективный метод психологической реабилитации пациентов разного пола с постинсультной депрессией. 2. Канис-терапия может применяться как способ мотивации к реабилитации пациентов с постинсультной депрессией. 3. Канис-терапия эффективна в составе комплексной реабилитации пациентов в отсроченном периоде после инсульта.

*Маслова Т.М.
Правдина Л.Р.*

Личностный адаптационный потенциал и успеваемость студентов-психологов

Проблема подготовки профессионалов является на сегодняшний день чрезвычайно актуальной. В Южном федеральном университете, кроме внимания к качеству формирования профессиональных компетенций выпускника, большое внимание уделяется развитию адаптационных ресурсов будущего специалиста: в течение 7 лет на всех факультетах вуза третьекурсники изучали дисциплину «Культура здоровья» и разрабатывали индивидуальную программу оздоровления (Правдина Л.Р., Васильева О.С., 2010). Также на факультете психологии ЮФУ вопросы исследования жизнестойкости, формирования адаптационных ресурсов студентов-психологов и их взаимосвязи с успешностью деятельности (успеваемостью) являются предметами дипломных работ и магистерских диссертаций. Д.А. Леонтьев (1993) вво-

дит понятие личностного потенциала как базовой индивидуальной характеристики, стержня личности, показателя ее уровня зрелости. Личностный потенциал отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств, а также меру прилагаемых ею усилий по работе над собой и над обстоятельствами своей жизни. Концепция личностного адаптационного потенциала (далее ЛАП), предложенная А.Г. Маклаковым (2001), свидетельствует, что ЛАП включает нервно-психическую устойчивость, самооценку личности, ощущение социальной поддержки, уровень конфликтности личности, опыт социального общения; его уровень является важнейшей характеристикой личности, определяя успешность ее адаптации и качество профессионального здоровья. Г.С. Никифоров (2003) под термином ЛАП подразумевает «уровень развития свойств личности, определяющих эффективность адаптации в процессе ее жизнедеятельности», и указывает, что способность к социально-психологической адаптации можно рассматривать как свойство личности, во многом определяющее уникальность и своеобразие ее реакций в сложных ситуациях. В личностном адаптационном потенциале можно выделить два аспекта: уровень активности личности и также способность индивида к социализации. Адаптационный потенциал личности определяется Н.Л. Коноваловой (2000) как интегрирующая характеристика психического здоровья, а в диссертации С.Ю. Добряка показано прямое отношение этого свойства личности к успешности ее адаптации в социальной среде. Концепция ЛАП перекликается с идеями Сальвадора Мадди о жизнестойкости. Поскольку ЛАП связан с возрастными-психологическими особенностями, и собственная активность личности выступает в качестве условия, регулирующего меру реализации ее потенциальных возможностей, исследование этого потенциала у студентов-психологов, на наш взгляд, поможет сформулировать рекомендации по оптимизации личностно-профессионального развития; а его соотнесение с успеваемостью покажет прогностические ресурсы таких оценок. В нашем исследовании личностного адаптационного потенциала студентов-психологов (50 респондентов) в качестве показателей способности к адаптации были выбраны: интеллект (КОТ), агрессивность (тест Басса-Дарки), акцентуации (тест Леонгарда), способности к самоактуализации (САТ), стратегии поведения в конфликтных ситуациях (тест Томаса), уровень контроля (УСК) и жизнестойкость (тест жизнестойкости Д.А. Леонтьева). Средние оценки по всем перечисленным шкалам позволяют говорить о том, что в большинстве студенты-третьекурсники уже обладают сформированным ЛАП. Кроме того, были выявлены корреляционные связи, позволяющие интерпретировать как взаимосвязанные следующие характеристики: тревожность — вовлеченность; ценностные ориентации — ответственность и жизнестойкость; самоуважение — жизнестойкость и тревож-

ность; гибкость поведения — и склонность к компромиссным стратегиям; гипертимность — и общую жизнестойкость; жизнестойкость — ответственность за неудачи, демонстративность, самоуважение. Дальнейшее направление обработки полученных результатов связано с анализом успеваемости респондентов в связи с индивидуальными характеристиками ЛАП, а также с попыткой выделения общих факторов, формирующих значимые параметры ЛАП.

Миняхина К.А.

Особенности репрезентации интрацептивных ощущений при фантомно-болевым синдроме

Концептуализируя исследовательскую логику изучения проблемы репрезентации интрацептивных ощущений при фантомно-болевым синдроме, мы обращаемся к положению теории А.Р. Лурия о процессе восприятия боли как процессе означивания и категоризации поступившего стимула (Лурия А.Р., 1994). А также к положению А.Н. Леонтьева о репрезентации боли субъектом, согласно которому любое явление, прежде чем означиться, должно выделиться из привычного образа жизни, т. е. интрацептивное ощущение боли связано с выделением ее из схемы тела. Фиксация на болевых ощущениях приводит к деформации образа тела (Никишина В.Б., 2011).

Целью данного исследования выступает изучение особенностей репрезентации интрацептивных ощущений при фантомно-болевым синдроме. Для реализации данного исследования применялась методика А.Ш. Тхостова «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений», а также методика «Автопортрет» в адаптации Р. Бернса. Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием программы STATISTICA 6.0. В исследовании принимали участие испытуемые с ампутацией нижних конечностей — 13 человек (с дифференциацией по ампутации одной или двух нижних конечностей), а также здоровые испытуемые — 13 человек. Общий объем выборки составил 26 человек.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что при ампутации нижних конечностей (как для одной, так и для двух) схема тела включает в себя отсутствующие конечности (в 100% случаев среди испытуемых). Все испытуемые вне зависимости от степени ампутации и ее длительности изображали себя с конечностью. Статистически значимые различия между группой здоровых и группой людей с ампутацией двух нижних конечностей по параметрам: дескрипторы интрацептивных ощущений (p-level = 0,000000), болезненные ощущения (p-level = 0,018006), опас-

ные, угрожающие здоровью ощущения (p-level = 0,000000), важные значимые ощущения (p-level = 0,000000), часто встречающиеся ощущения (p-level = 0,000000). Статистически значимые различия были получены между группой здоровых и группой людей с ампутацией одной нижней конечности по параметрам: дескрипторы интрацептивных ощущений (p-level = 0,000000), болезненные ощущения (p-level = 0,041326), опасные, угрожающие здоровью ощущения (p-level = 0,000000), важные значимые ощущения (p-level = 0,000000), часто встречающиеся ощущения (p-level = 0,000000). При этом значимых различий между группами людей с ампутацией одной и двух нижних конечностей не выявлено. Таким образом, интрацептивные ощущения утраченной части тела сохраняются длительное время, т. к. не выделяются из схемы тела, и характеризуются тем, что субъективно воспринимаются как болезненные, опасные и при этом важные ощущения.

Моисеева А.С.

Шутилова К.В.

Вопросы историко-психологического изучения умственной отсталости

Исследования в области истории психологического изучения лиц с нарушениями интеллектуального развития является важной составляющей общего психологического знания, источником нового осмысления и поиска новых смыслов в психологии личности, специальной психологии. До настоящего времени не велось специальных исследований по историко-психологическому анализу становления специальной психологии, в частности, ее важного раздела — психологии умственно отсталых лиц. Такой анализ является необходимым и важным этапом в исследовании, систематизации и восстановлении исторического развития отечественной и мировой психологической науки в области изучения лиц, имеющих нарушения интеллектуального развития. Первые описания умственно отсталых лиц вплоть до начала XX века в большей степени относятся к психиатрической практике, описанию тяжелых форм умственной отсталости, сопровождающихся физическими и грубыми неврологическими нарушениями. В некоторых работах периода второй половины XIX — начала XX века есть не только сведения об опыте изучения и данные клинических характеристик умственной отсталости разной этиологии (Duncan P.M. & Millard W., 1866; Мержеевский И.П., 1871; Корсаков С.С., 1894), но и попытки дать характеристику некоторым проявлениям психических функций. В этих и других работах делаются попытки описания поведения умственно отсталых в раз-

ных жизненных ситуациях, но описания носят скорее описание физиологической реакции умственно отсталых на внешние раздражители. Сведения о речевых возможностях умственно отсталых детей также крайне скудны и малоинформативны, отмечая способность к речи, высказывается предположение об отсутствии у них идей. Э. Сеген (1846) впервые дает описание некоторых психологических свойств личности умственно отсталых и высказывает мысль о том, что в центре умственной отсталости стоит недостаточность воли.

Таким образом, анализ лишь некоторых работ показывает, что в конце XIX века еще не уделялось достаточного внимания особенностям психологических проявлений умственно отсталых лиц, но наблюдается интерес к ним и попытки исследования специфики психологических функций у данной категории детей и взрослых. Именно со второй половины XIX века проблема слабоумия приобретает острый социальный характер, в связи с ростом промышленности и востребованности общества в грамотных квалифицированных рабочих. Это побуждает к изучению и выявлению лиц с легкими формами умственной отсталости. Отставание в интеллектуальном развитии у детей выявляется в процессе обучения, а у взрослых — в условиях работы на производстве. Внимание к легким формам умственной отсталости побудило пересмотреть ранее данные определения слабоумия, критерии этого состояния, классификации форм, степеней и видов слабоумия. В начале XX столетия начинает оформляться психологическое направление в исследовании умственно отсталых. Пока характеристика отдельных психических функций и некоторых проявлений свойств личности носит разрозненный характер. Исследователи дают чрезмерно обобщенное описание различных сторон в развитии ребенка. Так, отмечается, что «у детей с умственной отсталостью внимание трудно возбудимо, оно не устойчиво, медленно приспосабливается, пассивно и легко утомляется, запас представлений у них скуден, способность к суждению и сравнению ослаблена, они с трудом отличают главное от второстепенного, процессы суждения у них ограничены. Восприимчивость умственно отсталых детей к окружающим впечатлениям отличается недостаточной точностью, речь у них недостаточно развита, лексикон ограничен» (Занков Л.В., 1935). Г.Я. Трошин (1915) дает описание эмоционального развития умственно отсталых детей с разной степенью интеллектуального недоразвития. П. Раншбург (1931) обнаружил высокую внушаемость у умственно отсталых детей. Таким образом, первый опыт ретроспективного анализа работ по изучению и описанию особенностей психологии умственно отсталых побуждает к дальнейшему исследованию и систематизации знаний по становлению психологии умственно отсталых.

Морозова К.А.

Психологические факторы дезадаптации студентов-первокурсников

Первый год обучения в вузе является для студентов сложным периодом, поскольку представляет собой переход от привычного поведения и обстановки к новой неизвестной среде, которая предъявляет к молодому человеку новые, более высокие требования, как в плане учебной нагрузки, так и в построении отношений с широким кругом людей. Кроме того, возраст 17–18 лет имеет собственные проблемы (взросление, поиск смысла жизни и т. д.), которые в сочетании с собственно проблемами обучения в вузе могут приводить к дезадаптации, проявляющейся на разных уровнях. В этой связи важным является разработка программ оказания психологической помощи и психологического сопровождения студентов-первокурсников, что требует изучения психологических факторов дезадаптации.

Целью исследования является выявление уровня невротизации у студентов-первокурсников, а также социально-психологических и индивидуально-психологических характеристик, способствующих или препятствующих социальной и психологической адаптации. В исследовании использовались опросник Холмса–Page, SCL-90, KON-206, Тест жизнестойкости, методика Леонгарда, Биографический опросник. В исследовании принимали участие студенты-первокурсники СПбГУ.

Результаты исследования показали, что большинство студентов-первокурсников характеризуются относительно низким уровнем социальной адаптации и стрессоустойчивости, а также достаточно выраженным уровнем невротичности. Из социально-психологических факторов в качестве наиболее значимого можно указать проживание в семье или вне ее (иногородние студенты, живущие в общежитии, намного острее переживают этот период), а также перегрузки, связанные с учебным процессом. В качестве индивидуально-психологических факторов дезадаптации выделяются характерологические особенности: студенты с педантичной, гипертимной, циклотимной, эффективно-экзальтированной акцентуациями характера (резкие перепады настроения, неспособность к вытеснению травмирующих переживаний) имеют более выраженные проблемы в сфере адаптации. В качестве факторов дезадаптации выделяются также такие личностные особенности, как сниженная самооценка, отчужденность, сложность принятия решений, импульсивность, отсутствие внутренней направленности, экзальтация, а также чувство перегрузки. Учет индивидуально-психологических особенностей студентов в процессе оказания им психологической помощи будет способствовать их эффективности.

Неменчинская С.М.
Мамайчук И.И.

Стили воспитания и родительские отношения в семьях детей с РДА

Семья является главным местом воспитания ребенка. Личность ребенка формируется за время нахождения его в семье. Семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора воспитания. Главное в воспитании детей — достижение эмоциональной связи родителей с детьми. Ребенок часто неосознанно копирует поведение родителей, что должно заставлять родителей внимательно относиться к своим поступкам. Распространенность раннего детского аутизма увеличивается с каждым годом. По данным Всемирной организации аутизма, в 2008 г. 1 случай аутизма приходился на 150 детей. За 10 лет количество детей с аутизмом выросло в 10 раз. Считается, что тенденция к росту сохранится и в будущем. Появление в семье больного ребенка является сильнейшим стрессом. В этих случаях часто матери погружаются в процесс воспитания и ухода за ним, забывая о себе и других членах семьи, в то время как отец уходит от этих проблем в работу или из семьи. Под стилем воспитания понимают способ отношения к ребенку. Выделяется несколько целей психологической поддержки таких родителей: 1) снижение эмоционального дискомфорта; 2) поддержание уверенности родителей в возможностях ребенка; 3) формирование адекватного отношения к болезни; 4) сохранение адекватных родительско-детских отношений и стилей семейного воспитания. В родительских отношениях выделяется несколько проблем: 1. Вседозволенность 2. Самооценка 3. Возможности ребенка. Ни один из стилей не может проявляться в «чистом виде». Исключительное разнообразие спектра нарушений и их тяжести при РДА позволяет обоснованно считать воспитание детей с аутизмом наиболее сложным разделом детской психологии и педагогики. Для аутичного ребенка ошибки семейного воспитания имеют гораздо более разрушительные последствия, чем для обычного ребенка, который может компенсироваться за счет разнообразного социального окружения. Ранний детский аутизм (РДА) — тяжелое нарушение психического развития, при котором, прежде всего, страдает способность к общению, социальному взаимодействию. Исключительное разнообразие спектра нарушений и их тяжести при РДА позволяет обоснованно считать обучение и воспитание детей с аутизмом наиболее сложным разделом коррекционной психологии и педагогики.

Целью нашего исследования было теоретически обосновать и экспериментально опробовать психокоррекционную программу развития коммуникативных умений и навыков у детей с аутизмом. В ходе нашей работы было обследовано 75 семей, воспитывающих детей дошкольного возраста,

страдающих ранним детским аутизмом. На первом этапе мы определили уровень развития коммуникативных навыков у данных детей, а также провели диагностику родительского отношения в обследуемых семьях. Использовались опросники Варга–Столина, методика PARI и методика для исследования уровня развития коммуникативных навыков из программы «Маленькие ступеньки». Были сформированы группы детей с учетом клинико-психологических и психолого-педагогических характеристик для проведения разработанной нами психокоррекционной программы, направленной на формирование коммуникативных навыков (Неменчинская, 2007). После окончания психокоррекционных занятий проводилось повторное обследование уровня развития навыков общения. Анализ показал выраженные улучшения в развитии навыков общения у дошкольников с РДА. Это проявлялось в расширении диапазона используемых ребенком с аутизмом коммуникативных навыков, как невербальных, так и вербальных, в увеличении времени задержки взгляда на лице матери или другого значимого взрослого, в появлении обращений к другим детям и специалисту, выражение просьб. Также наблюдалось более успешное построение предложений детьми из двух и более слов, правильное использование им грамматических конструкций. Также было установлено, что дети раннего возраста с аутизмом испытывают сложности в использовании навыков общения в довербальный период. Кроме того, отмечено наличие трудности в переносе полученного ребенком опыта общения с игровой ситуации в реальную жизнь. Результаты данного исследования могут быть использованы в работе психологов, дефектологов и коррекционных педагогов, имеющих дело с семьями, воспитывающими ребенка с аутизмом.

Обласова У.В.

Психология телесности: психоаналитические истоки

Психология телесности — направление в современной психологии, лежащее на стыке психологии, биологии и медицины. Долгое время в психологической науке главенствовал «бестелесный» подход, который разделял психику и тело. Актуальность сегодня связана с разработкой различных аспектов психологии телесности, один из которых — особенности сознательной рефлексии телесных ощущений. Истоки изучения психологии телесности принадлежат психоанализу, именно этот подход указал на необходимость рассмотрения тела как неотъемлемой части личности. З. Фрейдом была предложена конверсионная модель, согласно которой психический конфликт смещается на тело, одновременно вытесняясь из психической

сферы, он переходит в соматические симптомы. В рамках этого направления был оформлен подход к телесно-ориентированной психотерапии В. Райхом. Он говорил о том, что структурные проблемы неврозов, как и их лечение, лежат в соматической сфере, что есть некое соматическое ядро личности. В основе его учения — принцип единства психики и тела на глубоком энергетическом уровне и противоположности на поверхностном. Совершенно недостаточно этапа интерпретации — осознания бессознательного, только после разрешения сексуального напряжения через генитальное сексуальное удовлетворение может быть достигнута структурная перестройка. Также он подчеркивал необходимость обращать внимание на телесную форму предоставляемого пациентом материала: как пациент ходит, жестикулирует, характерные привычки. Разрабатывая концепцию характера, писал, что характер — защитный панцирь эго от внешних и внутренних опасных воздействий. Формирование панциря происходит в онтогенезе вследствие невозможности удовлетворения инстинктивных потребностей в условиях, диктуемых внешним миром. Одним из вариантов функционирования панциря являются хронически фиксированные мышечные позиции. Например: «Подавление агрессии и психическая закованность в панцирь идут рука об руку с повышением тонуса, даже с ригидностью мускулатуры» (Райх В. Анализ характера, М., 2000). Одним из самых известных продолжателей школы В. Райха был Александр Лоуэн. По его мнению, «терапевтической целью является интеграция эго с телом и его стремлением к удовлетворению и сексуальной полноценности» (Лоуэн А. Биоэнергетика, СПб, 1998). Разрабатывал направление биоэнергетического анализа, цель которого — помочь человеку перестать «предавать свое тело», вернуться к нему, обрести природную свободу. Основными подходами были концепция заземления, которая была призвана вернуть пациента в реальность, работа с дыханием, возвращение чувственности телу. Идеи В. Райха были положены также в основание психосоматического подхода в медицине Францом Александром. Он полагал, что психосоматические нарушения возникают в результате перехода физиологических реакций, активирующихся в норме при экстремальных ситуациях, в статус хронических. Это такие физиологические проявления, как: учащенное сердцебиение, расширение зрачков, подавление желудочной активности, выброс адреналина и т. д. Они активируются симпатической системой, их последствием должно быть высвобождение экстремальной реакции в соответствующих проявлениях, однако люди с заболеваниями либо подавляют эти эмоции, либо возвращаются в «спокойное» состояние, отступая от опасности (Александр Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение, М., 2002). Автор призывает к согласованному использованию соматических и психологических методов.

По мнению А. Тхостова, психоанализ не разрабатывал механизмы конверсии с помощью органов тела, и даже современные психоаналитические теории «...в интерпретации психосоматических отношений не слишком отличаются от условно-рефлекторных схем и теории оперантного обуславливания» (Тхостов А.Ш. Психология телесности, М., 2002). Итак, с появлением психоаналитического подхода началась новая эра в представлении о роли телесности в психологической терапии, а также роли психотерапевтических методов в медицине. Сегодня в области психологии телесности активно развивается подход, основанный на субъективной оценке собственного состояния и эмоционального опыта (Одицова В.В., Горчакова Н.М. Особенности эмоциональной сферы у пациентов разных нозологических групп, СПб., 2013). Представляется интересным изучение выраженности телесного компонента эмоциональных переживаний, сознательной рефлексии телесных ощущений в зависимости от личностных особенностей, соматического статуса, способов саморегуляции и психической устойчивости.

Осташева Е.И.

Личность подростка в новых реалиях культуры

В современной России наблюдается сложная трансформация традиционных ценностей и социокультурного пространства. Многие трансформации затрагивают сферу развития и взросления современного ребенка, как следствие, обращает на себя внимание появление новых форм поведения среди подростков и молодежи. Многие новые формы поведения можно квалифицировать как девиантные или как психопатологические феномены. Однако основанием для образования неутонченных ранее форм поведения могут служить как индивидуальная предрасположенность к психическим заболеваниям, так и социально-психологические аспекты. Другими словами, неустойчивость культурной парадигмы способствует тому, что с целью адаптации к современной социальной среде молодой человек вынужден прибегать к ситуационным выборам моделей своего поведения. Следствием чего могут быть нарушения и изменения в процессе формирования личности. Система отношений личности, образ мира, значимые сферы являются регуляторами поведения человека.

Целью исследования было определение значимых тематик и анализ личностных отношений подростков. С помощью методики определения уровня детской тревожности (МОДТ) были выявлены значимые сферы для подростков 1990–1996 годов рождения, 296 человек, и подростков 2000–2001 годов рождения, 58 человек. Кластерный анализ определил, что доминиру-

ющими сферами подростков 1990–91 (на момент исследования 12–13 лет) годов рождения являются «общая тревожность», а также «тревога, связанная с обучением», «тревога, связанная с оценкой окружающих». В группе 1992–1993 годов рождения (на момент исследования 10–11 лет): «тревога, связанная с обучением», «тревога в отношениях со сверстниками». В группе детей 1994–1996 (на момент исследования 7–9 лет) выявлены кластеры «общая тревожность» и «тревога, связанная с взаимоотношениями в образовательной среде». Исследование современных подростков проводилось в 2012 г. на базе средней школы г. Санкт-Петербурга.

Анализ группы современных подростков не выявил определенных выделенных значимых сфер. Полученные данные свидетельствуют о размытых представлениях подростков о себе и окружающих, личностных изменениях, о преобразовании подросткового кризиса и указывают на появление психических новообразований. В проведенном нами исследовании личностных отношений подростков был использован патохарактерологический диагностический опросник (ПДО), разработанный А.Е. Личко. В исследовании были проанализированы выборы, сделанные подростками по каждой группе утверждений. В первую группу испытуемых вошли подростки 1990–1991 годов рождения, во вторую 2000–2001 годов рождения. Исследование проводилось в 2003 г. и в 2013 г. Возраст участников 12–13 лет. На момент исследования все подростки являлись учениками школ г. Санкт-Петербурга. Всего в исследовании приняли участие 157 человек.

Результаты исследования показали, что современные подростки чаще выбрали утверждение «У меня случаются приступы плохого самочувствия с раздражительностью и чувством тоски», в то время как дети 1990–1991 годов рождения положительно ответили на утверждение «Я всегда чувствую себя бодрым и полным сил». Проведенный кластерный анализ показал, что современных подростков 2000–2001 годов рождения отличает более легкое и положительное отношение к себе, размытое отношение к окружающим людям, а также к своему прошлому. Во многом у современных подростков преобладает нейтральное отношение к различным сферам. В отличие от группы детей 1990-х годов рождения у современных подростков выявлен узкий круг сфер отношений. Так, из 25 тематик, представленных в методике, у современных подростков значимыми оказались лишь темы «отношение к родителям», «отношение к друзьям», «аппетит и отношение к еде». Остальные тематик современные подростки оставили без внимания. Самыми незначимыми областями по итогам анализа стали тема одиночества и тема опеки и наставничества, отношение к правилам и законам. Результаты исследования указывают на то, что современный подросток не способен выстраивать четкие отношения относительно социальной действительности и

является носителем бессистемного образа мира. Исходя из этого, стоит учитывать, что социокультурные трансформации общественного пространства требуют уточнения положений о девиантном поведении и сложившихся в психологии представлений о процессах формирования личности.

Павлова А.А.
Березанцева М.С.
Кувалдина М.Б.

Зрительный поиск и слепота по невниманию у больных шизофренией

Нарушения внимания — одно из ключевых когнитивных нарушений при шизофрении, подтвержденное множеством клинических исследований (Lezak, 2004). Однако методы, которые традиционно используются клиницистами, обычно задействуют множество когнитивных процессов помимо собственно внимания, что заставляет с осторожностью подходить к их интерпретации. В поисках «чистых» методов, позволяющих выделять отдельные когнитивные процессы, многие западные исследователи обращаются к когнитивной психологии и нейронауке (Luck, Gold, 2008). Одним из методов, привлечших внимание исследователей шизофрении (Nuechterlein et al., 2009) стала экспериментальная парадигма зрительного поиска (Wolfe, 1994), которая позволяет изолированно оценить автоматические и контролируемые процессы обработки информации. Автоматическая обработка предполагает привлечение внимания к объекту на основе быстрой параллельной обработки всей информации, содержащейся в зрительном поле. Контролируемая обработка требует последовательного привлечения внимания к каждому стимулу (Neisser, 1967; Shiffrin, Schneider, 1977). Для исследования автоматических и контролируемых процессов представляет интерес экспериментальная парадигма «слепоты по невниманию» (Mack, Rock, 1998). Под «слепотой по невниманию» понимают неспособность заметить выделяющийся, но неожиданный стимул при загрузке внимания другой задачей. Типичное задание на «слепоту по невниманию» включает в себя основную задачу, требующую контроля внимания, и задачу на автоматическое опознание дополнительного стимула. Имеющиеся на сегодня данные о сохранности автоматических и контролируемых процессов при шизофрении немногочисленны и противоречивы, что делает необходимым дальнейшее исследование вопроса.

Нами было разработано три типа заданий, представляющих собой модификацию задач зрительного поиска. Испытуемым было предложено

искать целевой объект среди дистракторов. В заданиях первого типа целевой стимул отличался от дистракторов по одному ясно различимому признаку. В заданиях второго и третьего типа целевой стимул определялся по пересечению нескольких признаков. В заданиях третьего типа вводился дополнительный яркий стимул, который играл роль второго целевого. Предполагалось, что в первом случае зрительный поиск будет протекать автоматически, во втором — носить контролируемый характер, в третьем типе заданий мы ожидали увидеть эффект «слепоты по невниманию». В исследовании приняло участие 24 больных с диагнозом F20.0 «параноидная шизофрения» (средний возраст — 42,9) и 24 здоровых испытуемых (средний возраст — 19,6). В эффективности зрительного поиска между экспериментальной и контрольной группами не было обнаружено статистически значимых различий ни в заданиях, где зрительный поиск осуществлялся автоматически (ANOVA с повторными измерениями, $F(2, 27) = 1,53$; $p = 0,233$), ни в заданиях, где он протекал с контролем внимания ($F(2, 27) = 2,1$; $p = 0,137$). Это позволяет предположить, что у больных шизофренией, принявших участие в данном исследовании, автоматические и контролируемые процессы обработки информации в задачах зрительного поиска функционировали на уровне здоровых испытуемых. Однако введение дополнительного стимула по-разному влияло на характер ответов здоровых испытуемых и больных шизофренией. Больные шизофренией чаще выбирали дополнительный стимул как целевой объект ($x_2(1, N = 1296) = 131,3$; $p < 0,001$). В случае если дополнительный стимул как целевой игнорировался, характер ответов больных шизофренией не изменялся по сравнению с заданием на контролируемый поиск ($F(1, 14) = 0,33$; $p > 0,05$), в то время как скорость ответа здоровых испытуемых снижалась и не зависела от количества стимулов ($F(1, 14) = 1,44$; $p > 0,05$). Таким образом, характер ответов больных шизофренией в большей степени, чем у здоровых испытуемых, зависел от внешних характеристик объектов. Кроме того, больные шизофренией не демонстрировали увеличения времени ответа при введении дополнительного стимула, как это делали здоровые испытуемые. Мы полагаем, что снижение скорости ответа у здоровых испытуемых было следствием конфликта побуждений, какой из двух целевых стимулов выбрать в качестве ответа, и что такой конфликт может рассматриваться как результат работы процессов контроля. Такой паттерн ответов может говорить об ослаблении процессов контроля при шизофрении. Полученные в нашем исследовании противоречивые результаты не могут дать однозначного ответа на вопрос о сохранности контроля при шизофрении и нуждаются в дальнейшей экспериментальной проверке.

Панкова Е.Г.

Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и мотивационной структуры личности

Данные исследовательской работы по освещению проблемы синдрома эмоционального выгорания среди медицинских сотрудников поликлиник г. Санкт-Петербурга, влияния различных факторов на выраженность синдрома эмоционального выгорания, в частности мотивации к труду. Доказывается взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и мотивационной структуры личности медицинских работников. Академик А.Л. Свенцицкий отмечал, что: «Особенности трудовой деятельности и сложившегося индивидуального стиля работника, влияя на свойства его личности, могут иногда приводить к так называемой «профессиональной деформации»» (Свенцицкий А.С., 1996) К профессиональной деформации личности относится формирование у специалистов синдрома «эмоционального выгорания». В литературе определяются три неотъемлемых признака «эмоционального выгорания»: 1) защитная реакция на стрессовые воздействия; 2) «эмоциональное выгорание» возникает в условиях интенсивного общения, проявляется как коммуникативная усталость, невозможность сопереживать, нарушение механизма идентификации — отчуждение; 3) СЭВ характерен для социальных профессий (Абрамова Г.С., Юдчиц Ю.А., 2009)

Целью исследования явилось выявление взаимосвязи выраженности синдрома эмоционального выгорания и мотивационной структуры личности медицинских работников. Актуально осветить влияние различных факторов на выраженность синдрома эмоционального выгорания, в частности, мотивации к труду. В исследовании приняло участие 67 медицинских сотрудников, работников городских поликлиник г. Санкт-Петербурга. Нами было предположено, что существует взаимосвязь выраженности синдрома эмоционального выгорания и мотивационной структуры личности у медицинских работников. Методиками исследования были выбраны тесты: методика диагностики «эмоционального выгорания» (МВІ) в адаптации Н.Е. Водопьяновой, методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элсера и мотивационный тест (опросник Герцберга).

В группе испытуемых с синдромом эмоционального выгорания в стадии формирования (те, кто набрали по методике «опросник на «выгорание» МВІ» от 45 до 88 баллов) выявлены следующие взаимосвязи: 1) синдром эмоционального выгорания имеет слабовыраженную положительную связь с «финансовыми мотивами» и с «мотивами к достижению личного успеха». Т. е. чем более выражен синдром эмоционального выгорания, тем больше значимы финансовые мотивы и мотивы к достижению успеха; 2) синдром

эмоционального выгорания имеет слабовыраженную отрицательную связь с мотивационным фактором «сотрудничество в коллективе». Т. е. чем более выражено эмоциональное выгорание, тем менее мотивирует сотрудников к труду фактор «сотрудничество в коллективе». В группе испытуемых с сформированным синдромом эмоционального выгорания (набрали по методике «опросник на «выгорание» МВИ» от 89 до 132 баллов) выявлены следующие взаимосвязи: 1) синдром эмоционального выгорания имеет слабовыраженную положительную связь с фактором, мотивирующим к труду «содержание работы». Т. е. чем более выражен синдром эмоционального выгорания, тем больше значимо содержание работы как фактор, мотивирующий к труду; 2) синдром эмоционального выгорания имеет слабовыраженную отрицательную связь с мотивационным фактором «отношение с руководством». Т. е. чем более выражено эмоциональное выгорание, тем менее мотивирует сотрудников к труду фактор «отношение с руководством». Все выявленные различия в обеих группах выборки подтверждают гипотезу о том, что существует взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и мотивационной структуры личности медицинских работников. Следует отметить, что выборка была сформирована случайным образом: в исследовании принимали участие люди без учета возраста, пола, со значительным стажем работы в области медицины (более 5 лет). С учетом вышеизложенного вызывает опасения тот факт, что в выборке не были выявлены испытуемые с не выраженным СЭВ. Люди, работающие по профессии «человек — человек», особенно нуждаются в профилактике СЭВ, в условиях, обеспечивающих комфортную для рабочей деятельности обстановку. Нами предложены профилактические занятия (программа тренинга «Поиск резервов личности с синдромом эмоционального выгорания», 72 часа) для медицинских работников, которые направлены на стабилизацию состояния и изменение отношения к негативным факторам, вызывающим данную деформацию личности.

Петров М.В.

Сравнительный анализ познавательных процессов при шизофрении и тревожных расстройствах

Продромальные и межприступные состояния при параноидной шизофрении сопровождаются когнитивными нарушениями, которые, по мнению многих авторов, составляют «третью ключевую группу симптомов» наряду с позитивными и негативными (Braier A., 1999). Когнитивные нарушения, свойственные всем формам шизофрении, проявляются в «поверхности» ассоциативной сферы, отсутствии критичности к собственным

ошибкам мышления. Пациентам свойственна ригидность, склонность к мыслительным штампам, стереотипиям, персеверациям, серийности в графической деятельности. На поздних этапах заболевания при обеднении аффективно-волевой сферы наблюдается оскудение ассоциативного процесса, нарастает безынициативность, бездеятельность. Наблюдается более медленное усвоение новых навыков и общее снижение беглости психических процессов. Снижены показатели произвольного внимания, кратковременной и долговременной памяти. Когнитивные нарушения при тревожных расстройствах без сопутствующей органической патологии характеризуются функциональными нарушениями внимания, связанными с недифференцированными ощущениями беспокойства, напряжения, дискомфорта. Также наблюдаются колебания самооценки со стереотипными тревожными опасениями, сопряженными с чувством психической усталости, а также снижением работоспособности (Царенко Д.М., 2012). Тревно-депрессивные состояния достаточно часто встречаются у больных шизофренией. Они могут рассматриваться как реакция на болезнь, выступать в качестве интегральной части эндогенного процесса, частично перекрываясь другими эндогенными симптомами, или составлять самостоятельный синдром. Вместе с тем тревожно-депрессивные состояния могут быть проявлением преморбидной акцентуации личности (психастенической, дистимической или др.) и рассматриваться как признаки психического диатеза (Кацюбинский А.П., 2013). Как правило, при тревожно-депрессивных расстройствах и расстройствах шизофренического спектра присутствует высокий уровень ситуативной и личностной тревожности. Это может снижать показатели когнитивных функций.

В этой связи интересным представляется сравнение динамических характеристик познавательных функций в обеих группах пациентов. Было проведено исследование познавательных функций на выборке из 52 человек. Первую группу составили 34 больных параноидной шизофренией (F20.0) (28 мужчин и 13 женщин, от 19 до 49 лет, средний возраст — 32,12 года) с жалобами тревожно-депрессивного круга. Вторую группу — 18 больных с тревожным расстройством (8 — смешанное тревожно-депрессивное (F41,2); 6 — паническое расстройство (F41,0); 4 — генерализованное тревожное расстройство (F41,1)). Были использованы методики: «Заучивание десяти слов», «Таблицы Шульце», субтест «Шифровка».

Статистический анализ осуществлялся с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни на программе Statistica 7.0. Выявлены статистически значимые различия в показателях кратковременной и долговременной слухоречевой памяти. При всех воспроизведениях 10 слов результат статистически значимо выше во второй группе (1-е воспроизведение при $p =$

0,05, последующие — при $p = 0,01$). Показатели воспроизведения через 60 мин. также выше во 2-й группе ($p = 0,01$). Количество ложновоспроизведенных слов в кратковременной ($p = 0,01$) и долговременной памяти ($p = 0,05$) больше в 1-й группе. Показатели скорости нахождения цифр в методике «Таблицы Шульте» достоверно выше во 2-й группе испытуемых, в 1–3 и 5 таблицах при $p = 0,05$, в 4 таблице при $p = 0,01$. Во 2-й группе эффективность работы выше ($p = 0,01$). На уровне тенденции во 2-й группе выше показатели вработываемости и устойчивости attentionной деятельности. Значимыми оказались различия в показателях теста «Шифровка». Зрительно-моторная скорость перекодирования выше во 2-й группе ($p = 0,05$). В

ыводы: Показатели продуктивности внимания и памяти выше у больных с тревожным расстройством в сравнении с группой больных параноидной шизофренией с тревожно-депрессивными проявлениями. Достаточно большой разрыв в показателях и высокая достоверность могут говорить о том, что тяжесть когнитивных нарушений при шизофрении слабо зависит от тревожных проявлений и, по большей части, детерминирована другими причинами. Однако нельзя полностью исключить фактор влияния тревожного и тревожно-депрессивного состояния из структуры нейрокогнитивного дефицита при параноидной шизофрении. Требуется дополнительное сравнение с контрольной группой.

Пульцина К.И.

Рефлексия как предиктор осознания болезни при шизофрении

Нарушение осознание болезни является характерным признаком, для многих психических заболеваний, в особенности для шизофрении. Под осознанием болезни понимается осведомленность пациента о заболевании, его основных признаках (симптомах), особенностях течения. Существует достаточное количество исследований, показывающих влияние осознания болезни на исход заболевания, приверженность лечению и дефицит социальных и когнитивных функций. Тем не менее, не известны возможные детерминанты дефицита осознания болезни при шизофрении.

Целью настоящего исследования было изучение связи между уровнем осознания болезни пациентов с шизофренией и особенностями рефлексии. Были использованы такие методики, как шкала уровня выраженности и рефлексивной направленности М. Гранта и шкала когнитивного инсайта А. Бека, в качестве методов математико-статистического анализа были использованы корреляционный анализ по Пирсону и дисперсионный анализ. Для исследования осознания болезни использовались специально раз-

работанные полуструктурированное интервью и анкета. По данным интервью и анкеты у пациентов оценивался общий уровень осознания болезни и его отдельные показатели, куда были включены: признание наличия заболевания, понимание симптомов и причин заболевания, а также признание необходимости лечения. Уровень осознания болезни разделял испытуемых на группы с полным, частичным, а также отсутствием осознания болезни. В исследовании принимали участие 98 больных параноидной формой шизофрении. По шкале М. Гранта диагностировались показатели социорефлексии и саморефлексии. По шкале когнитивного инсайта оценивались способность пациента интерпретировать свой психотический опыт. Шкала состоит из двух показателей — самоуверенность и рефлексия. Высокий уровень рефлексии указывает на высокую способность к когнитивному инсайту. Чем выше уровень осознания болезни, тем выше показатель когнитивного инсайта у пациентов. Была установлена прямая корреляционная зависимость между уровнем осознания болезни и уровнем когнитивного инсайта ($p = 0,05$). Пациенты с высоким осознанием болезни имеют высокую способность к рефлексии, следовательно, умеют интерпретировать свой психотический опыт как болезненный. Была установлена прямая корреляционная зависимость между уровнем осознания болезни и уровнем социорефлексии ($p = 0,05$) и саморефлексии ($p = 0,01$). Анализ средних значений по результатам дисперсионного анализа указывает на то, что пациенты с высоким уровнем осознания болезни имеют высокие показатели как саморефлексии, так и социорефлексии, что указывает на чувствительность к изменению в собственных переживаниях. В группе пациентов с высоким уровнем осознания болезни были получены высокие показатели как саморефлексии ($m = 29$, $p = 0,01$), так и социорефлексии ($m = 26$, $p = 0,01$), в группе с частичным осознанием болезни были более низкие показатели саморефлексии ($m = 24$, $p = 0,01$) и социорефлексии ($m = 21$, $p = 0,01$), в группе больных с низким осознанием болезни наблюдалось расхождение в значениях саморефлексии ($m = 18$, $p = 0,01$), социорефлексии ($m = 12$, $p = 0,01$). Полученный феномен в группе с низким осознанием болезни указывает на то, что хотя пациенты и способны к осознанию собственных переживаний, но нечувствительность к критике и реакциям окружающих затрудняют идентификацию их как патологических.

Таким образом, гипотеза о наличии связи между рефлексией и осознанием болезни при шизофрении нашла свое подтверждение. Низкая рефлексивность, самоуверенность в своих идеях и суждениях указывают на наличие низкого уровня осознания болезни. Решающая проблема у данных пациентов состоит не только в их последовательном искажении событий, но также и в их относительной неспособности дистанцироваться от этих иска-

жений и в их относительной непроницаемости к критике извне. Снижение уровня самосознания и критичности к себе приводит к тому, что больные шизофренией начинают воспринимать свои бредовые и галлюцинаторные переживания как подлинные. В свою очередь это приводит к отказу от госпитализаций, соблюдения приема лекарственных препаратов. Пациенты не воспринимают критику извне, она ведет к возникновению агрессии и враждебности. Это позволяет рассматривать рефлексивные навыки как источник обучения пациентов управлению болезнью и распознаванию знаков психотических переживаний.

Сачук В.С.

Психологическая коррекция психического состояния больных геморроем

В клинической психологии психологическая коррекция осуществляет активное внешнее вмешательство, направленное на приведение в адекватное состояние психики человека, стимулирование его активности, создание душевного комфорта, гармонизацию его отношений с социальным окружением (Соловьева С.Л., 2005). Способ лечения геморроя путем оперативного вмешательства связан с травматическим воздействием как предоперационного, так и послеоперационного эмоционального стресса, действие которого проявляется в психическом состоянии больного ростом уровня тревоги, эмоционального напряжения, появлением депрессивных переживаний, реакций враждебности и агрессии. Возможность травматизации психики больного существует на всех этапах хирургического лечения: амбулаторный прием — хирургическое вмешательство-операция — общение с другими больными в палате или в отделении — послеоперационный период (Баранская Л.Т., 2005). Вышесказанное позволяет говорить о необходимости психологического сопровождения, включающего в себя психологическую коррекцию в процессе хирургического лечения и реабилитации больных геморроем.

Психологическая коррекция эмоционально-личностных изменений, возникших в ходе заболевания геморроем, должна адресоваться к личности пациента с учетом его представлений, переживаний, поведения, связанного с формирующейся болезнью. Главная задача психокоррекционной работы — коррекция модели болезни, коррекция «масштаба переживаний» с воздействием на основные компоненты внутренней картины болезни — рациональный, эмоциональный, поведенческий. Эффективное ведение психокоррекционной работы возможно лишь с учетом знания внутренних

психологических закономерностей психики данных больных в условиях соматического заболевания, особенностей тех или иных изменений их психики в ходе хирургического лечения. Больной, длительное время страдающий геморроидальной болезнью, как правило, имеет транзиторные или «длительные», «устойчивые» изменения психики (Трухманов С.Д., 2008). Он мнителен, тревожен, ипохондричен, боится каждой новой боли, кровотечения (или просто кровомазания), в процессе лечения может прислушаться к мнению своих друзей в противовес рекомендациям врача. Больные геморроем даже после радикальной операции сосредоточены на негативных мыслях, часто депрессивного характера, а иногда их поведение связано с определенными действиями в прооперированной зоне, например: «больной может проверять, нет ли выпадения кишки, принципиально длительно натуживаясь» (Трухманов С.Д., 2008). У каждого пациента течение послеоперационного периода индивидуально, каждый пациент реагирует на операцию, любое инвазивное вмешательство по-разному, чувствительность ко многим лекарственным средствам у всех своя (и очень часто извращенная); но мысли, как правило, направлены на предвосхищение осложнений и рецидивов (Трухманов С.Д., 2008). Поэтому с больными данного нозологического профиля следует быть особенно внимательными, стараясь щадить их психику, подходить индивидуально к организации реабилитационного периода и в выборе методов воздействия, а также до необходимого минимума свести инструментально-диагностические исследования, совершенствуя их технику и информативность (Трухманов С.Д., 2008). Эмоциональный компонент внутренней картины болезни данных больных в первую очередь подлежит психологической коррекции, направленной прежде всего на нивелирование переживаний депрессии и тревоги, на снижение уровня эмоционального напряжения, восстановление психологического комфорта и эмоционального равновесия. Симптоматическая коррекция аффективных нарушений может проводиться с применением методов психической саморегуляции, аутотренинга, биообратной связи и т. п. Коррекция эмоционального статуса пациента должна сочетаться с формированием адекватного рационального компонента в структуре внутренней картины болезни. С этой целью могут применяться такие психокоррекционные воздействия, как: метод психотерапевтической беседы, включающий разъяснение больному причины и механизмы его болезненных ощущений, предоставление информации о заболевании, его возможных последствиях, влиянии на психическую и соматическую сферы. С целью коррекции поведения пациентов может рекомендоваться использование методов психической релаксации, психической саморегуляции, а также эмоциональная поддержка в ходе всего хирургического лечения.

Сибилёва Т.В.

Актуализация проблемы обеспечения безопасности жизнедеятельности детей

Проблема безопасности жизнедеятельности человека — одна из приоритетных в мире. В Российской Федерации от социальных проблем, техногенных и природных катастроф, терактов и бытовых аварий страдают взрослые и дети. Несмотря на внимание к решению многих вопросов в этой сфере со стороны государственных структур, на практике недостаточно программ, которые снизили бы детский травматизм на дорогах, уберегли детей от посягательств на их физическое и психическое здоровье. Становится все более очевидным: важная роль в решении задач безопасного детства принадлежит медицине, педагогике и психологии. Современная действительность убедительно показывает необходимость обеспечения здорового образа жизни подрастающего поколения и требует сотрудничества разных специалистов. Такое взаимодействие необходимо для ознакомления их с проблемой безопасности, с разными аспектами здорового образа жизни и сохранения здоровья детей, возможными мерами реализации приоритетных задач в этой области. Вопросы безопасности жизнедеятельности разрабатывались в исследованиях отечественных ученых (В.А. Алексеенко, А.В. Гостюнин, Э.Я. Соколов и др.). Большую организационно-педагогическую и научно-методическую работу проводит Международная академия наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ). Вопросы привития навыков основ безопасности детям дошкольного возраста отражены в трудах Н.Н. Авдеевой, Л.П. Анастасовой, О.Л. Князевой, Л.Ф. Тихомировой и др. Однако аспект безопасности детей дошкольного и младшего школьного возраста рассматривается недостаточно, и необходимость в решении проблемы по-прежнему остается первостепенной. В соответствии с этим в медицинских и педагогических учебных учреждениях необходимо сделать акцент на проблеме и готовить специалистов для совместного ее решения на основе сотрудничества. В программы подготовки специалистов и их реализации в практику необходимо включить вопросы, которые должны предусмотреть теоретическую компетентность, накопление опыта сотрудничества с образовательными учреждениями, приобретение умений взаимодействия с родителями и детьми.

Вопросы, связанные с получением необходимых знаний и умений студентов. Вопросы, связанные с проблемой безопасности жизнедеятельности детей, предлагается рассматривать в дисциплинах, имеющих медицинскую, психологическую, педагогическую и методическую направленность, в курсах по выбору, в практической деятельности студентов. Анализ литературы

позволяет выделить различные подходы в решении обозначенной проблемы. На наш взгляд, данная проблема должна анализироваться и внедряться с позиции системного, деятельностного и индивидуально-личностного подходов. Системный подход представляет собой направление методологии специально-научного познания и социальной практики, в составе которого лежит исследование объектов как систем. Деятельностный подход оказался удачным в разработке проблем возрастной психологии. По убеждению А.Н. Леонтьева, ребенок должен решать по отношению к приобретаемому опыту определенную практическую или познавательную задачу, адекватную воплощенной в нем человеческой деятельности. Усвоение индивидом социального опыта, психологических функций и способностей, систем и отношений осуществляется в процессе собственной активности. Данные подходы в своем единстве позволяют осуществить проблему безопасности жизнедеятельности человека с учетом возрастных и личностных особенностей. Предметами изучения становятся, в первую очередь, вопросы социальной компетентности ребенка (Т.Н. Антонова, Е.А. Арнаутова и др.), формирование картины мира, пути осознания ребенком себя в этом мире (С.А. Козлова, С.Е. Шукшина, Э.М. Куликовская и др.). В соответствии с возрастными особенностями учитывается роль игры в формировании детской среды, для усвоения эффективных моделей взаимодействия со сверстниками и взрослыми. Вместе с тем правомерно встает вопрос: каким образом изучать эту проблему и какие методы применять при контроле результативности ее решения с учетом возрастных особенностей детей? Таким образом, современное положение в мире и конкретном обществе усиливает значение проблемы безопасности жизнедеятельности детей и необходимость создания адекватных возрасту мер для их психического и физического здоровья.

Соколова А.В.

Уровень тревожности у детей с нарушениями интеллекта до и после коррекции

Уровень тревожности у детей с интеллектуальными и эмоционально-волевыми нарушениями требует специальной коррекции. Поэтому целью представленной работы является нормализация уровня тревожности у детей с интеллектуальными и эмоционально-волевыми нарушениями.

Исследование осуществлялось в течение 2010–2013 гг. на базе Кочпонского психоневрологического интерната и на базе коррекционной школы г. Сыктывкара. Всего было обследовано 35 детей в возрасте $10 \pm 0,28$ лет, имеющих интеллектуальные и эмоционально-волевые нарушения. Были

выделены 2 группы детей: I — дети с умеренными нарушениями интеллекта и синдромом нарушения речевого развития тяжелой степени. У половины детей наблюдался синдром Дауна и задержка психомоторного развития; II — дети с легкими интеллектуальными и эмоционально-волевыми нарушениями. Дети с такими формами заболеваний нуждаются в эмоциональной поддержке и коррекции состояния тревожности. Психоэмоциональное состояние оценивалось путем наблюдения за поведением воспитанников и использованием комплекса методик: цветового теста М. Люшера, теста детской тревожности Р. Темпл, М. Дорки, В. Амена. Данные обрабатывались с использованием Т-критерия Вилкоксона и U-критерия Манна-Уитни. Работа с детьми осуществлялась в интерактивной форме с использованием специальной программы тренингов, которая включает релаксационные техники (дыхательная техника, техника визуализации и нервно-мышечная релаксация), позволяющие разносторонне использовать возможности человеческого организма для стабилизации психоэмоционального состояния. Однако, поскольку у детей наблюдали нарушения интеллекта, занятия были модифицированы с учетом специфики детей. Тренинг включал 7 занятий, которые содержали релаксационные и игровые техники. Каждое занятие длилось примерно 30 минут, что позволяло удерживать внимание детей и не вызывать у них утомление. Достижению положительного эффекта способствовало ежедневное проведение тренинга в течение недели.

Субъективные наблюдения за детьми показали, что у первой группы детей до проведения тренинга наблюдалось повышенное желание к физическим контактам, что было обусловлено недостатком внимания, т. к. дети проводили все свое время на территории интерната. Также наблюдалось периодическое покачивание корпусом тела. Во второй группе на первых занятиях дети были нетерпимы друг к другу, могли использовать ненормативную лексику, проявляли физическую агрессию. Уже с третьего занятия дети II группы научились говорить друг другу комплименты, благодарить, помогать в уборке класса после занятий. У детей I группы в ходе проведенной работы также нормализовалось поведение и межличностные отношения. Например, они стали терпимее друг к другу, стали реже покачиваться. Использование объективных методов также подтвердило факт нормализации психоэмоционального состояния детей. По тесту М. Люшера, у детей I группы исходный уровень тревожности оказался выше (6 баллов), чем у детей II группы (4,3 балла). После проведенного комплекса занятий уровень тревожности у I группы детей существенно снизился, как и у второй группы. Аналогичные данные получены и по второй методике. Тест детской тревожности Р. Темпл, М. Дорки, В. Амен показал, что исходный уровень тревожности I группы детей (41,2%) на 9% выше II группы (32,2%). Впоследствии он

снизился у первой группы на 16,2%, а у второй на 2,2%. Были получены значительные межиндивидуальные различия в данных. Несмотря на это, выявлены определенные закономерности. Данные теста М. Люшера показали, что у подавляющего большинства детей уровень тревожности достоверно снижался ($p < 0,05$), как после каждого занятия, так и от первого к последнему занятию, т. е. позитивный эффект кумулировался. Итак, проведенные исследования показали положительный эффект тренинга в обеих группах, о чем свидетельствует динамика улучшения объективных и субъективных показателей психоэмоционального состояния участников исследования. Причем в первой группе детей позитивные сдвиги оказались выражены сильнее, чем во второй. Таким образом, используемые мероприятия могут быть рекомендованы для стабилизации психоэмоционального состояния детей с эмоционально-волевыми и интеллектуальными нарушениями, независимо от степени тяжести.

Стрельникова Ю.Ю.

Специфика оказания экстренной психологической помощи в Финляндии и Австралии

Крупномасштабные катастрофы, стихийные бедствия, террористические акты и иные чрезвычайные ситуации (ЧС), в какой бы стране они ни происходили, оказывают психотравмирующее воздействие как на отдельных лиц, так и на психическое, соматическое здоровье нации в целом. Поэтому в каждом государстве имеется собственная стратегия оказания экстренной психологической помощи (ЭПП) пострадавшим, которая является неотъемлемой частью общего плана проведения аварийно-спасательных работ. Для специалистов всех стран едиными задачами оказания ЭПП являются: 1) помощь при острых реакциях на стресс (непсихотического и психотического уровней) с учетом возрастных, гендерных, личностных особенностей и психосоматического статуса пострадавших; 2) профилактика отсроченных негативных реакций; 3) предотвращение массовых психических явлений и состояний (паники, агрессии, слухов и др.); 4) помощь родственникам и близким жертв, а также специалистам, участвующим в ликвидации ЧС; 5) консультирование представителей органов власти всех уровней по вопросам взаимодействия со СМИ. В нашей стране с 1999 г. Центр экстренной психологической помощи МЧС России (ГУ ЦЭПП) осуществляет организационно-методическое руководство психологической службой МЧС России (включающей более 800 психологов, психиатров и психотерапевтов), которая призвана оказывать в районе ЧС квалифици-

рованную медико-психологическую помощь пострадавшим, их родственникам и участникам ликвидации последствий катастрофы (спасателям, пожарным и др.). Во время ЧС в Центре круглосуточно работает телефон «горячей линии», сотрудники оказывают населению информационную поддержку и ЭПП. На базе портала МЧС России в режиме on line и off line организована интернет-служба ЭПП. Несмотря на общие характерные особенности ЭПП (краткосрочность, массовость, неприспособленность помещений для ее оказания), в зарубежных странах имеются отличия в принципах организации экстренного реагирования. Например, с 1990 г. в Финляндии организована уникальная сеть муниципальных кризисных групп, работа которых, в первую очередь, нацелена на психосоциальную поддержку и оказание ЭПП после психотравмирующих событий повседневной жизни, и лишь во вторую — после катастроф и стихийных бедствий. В работе с кризисами наиболее широко используется психологический дебрифинг (Hunninen, 2007). В Австралии ЭПП оказывают различные категории граждан: спасатели, педагоги, вспомогательный медперсонал, духовенство, соседи, добровольцы (в дополнение к специально обученным специалистам). При этом программа обучения базовым основам ЭПП занимает всего несколько часов, поскольку ЭПП в зоне ЧС сводится к предоставлению необходимой информации, содействию социальной активности, обеспечению покоя и созданию ощущения безопасности у пострадавших, а не к психотерапевтическим техникам (Burke S., Richardson J., 2012). С 1966 г. Австралийский филиал Британского Общества психологов был преобразован в Австралийское психологическое Общество (Australian Psychological Society, APS). С 2009 г. в его составе действуют межведомственные экспертные группы — это национальная сеть, насчитывающая более 1000 специалистов, работающих в зоне ликвидации последствий ЧС. APS организует семинары, тренинги и практическое обучение молодых психологов оказанию ЭПП в населенных пунктах, пострадавших от стихийного бедствия, а также предоставляет консультативно-экспертную помощь федеральному правительству, учреждениям здравоохранения, участвует в психосоциальной реабилитации пострадавших, организует программы подготовки гражданского населения, находящегося в потенциально опасных зонах. Программы подготовки сотрудников экстренных служб к оказанию ЭПП не аккредитованы, их содержание зависит от специфики обучающей организации (частной, на коммерческой основе или государственной). В настоящее время часть программ проходят международные испытания в Австралийском центре посттравматического восстановления психического здоровья (Australian Centre for Post Traumatic Mental Health), Австралийском Красном Кресте (Australian Red Cross) и

ВОЗ. APS имеет международные связи с Британским, Новозеландским, Южно-Африканским Обществом психологов, Индонезийской, Канадской и Японской психологической Ассоциацией; выделяет гранты на межкультурные и интернациональные научные проекты, связанные с прикладными аспектами психологии. Молодым специалистам необходимо изучать, в том числе, зарубежный опыт оказания ЭПП, чтобы успешно интегрироваться в международное научное сообщество.

Ульд Семета М.Б.

Роль тьютера в системе психологической помощи детям с аутизмом в Кувейте

Тьютер (англ. *shadow teacher* — учитель-тень) — специалист, непосредственно сопровождающий одного ребенка, имеющего те или иные нарушения в развитии, в начальных классах вспомогательной или массовой школы. К предъявляемым требованиям к тьютеру относятся: 1) наличие соответствующих знаний в области педагогики, дефектологии, психологии развития и психологии дизонтогенеза; 2) глубокая заинтересованность данной проблемой и стремление содействовать ее решению; 3) сензитивность; 4) эмоциональная стабильность; 5) терпение и самоконтроль; 6) опыт работы с детьми, имеющими различные нарушения развития.

К первой функции тьютера относится адаптивное программирование в соответствии с возможностями ребенка. В ходе тесного взаимодействия с ребенком в процессе обучения тьютер наиболее точно может определить способности ребенка. В связи с этим представляется возможной модификация программы обучения для достижения наиболее эффективного ее усвоения. Как правило, медико-психолого-педагогическая комиссия рекомендует обучение детей с аутизмом на дому, мотивируя это тем, что такой ребенок не сможет усидеть на уроке, будет отвлекать внимание других детей, дезорганизовывать работу класса. В таком случае наличие тьютера в процессе обучения ребенка в школе может склонить экспертов к пересмотру данного решения, что позитивно повлияет на все дальнейшее будущее ребенка. Школа дает аутичному ребенку не только знания и навыки, но, прежде всего, шанс научиться общаться с людьми.

К следующей функции тьютера относится сопровождение ребенка в ходе занятий. В обязанности тьютера входит направление внимания ребенка в процессе занятий, мотивирование к обучению, объяснение заданий, проверка правильности их выполнения, а также обучение самостоятельности в ходе выполнения тех или иных требований воспитателя или педагога.

Коррекция поведения также является непосредственной обязанностью тьютера. Как ранее отмечалось, нарушения поведения детей с аутизмом, как правило, являются основной причиной отказа от принятия ребенка в школу, даже несмотря на соответствие интеллектуального развития нормативным показателям. Тьютер решает эту проблему путем обучения ребенка соблюдению правил и норм, принятых в классе, ориентации в расписании занятий, а также социально приемлемым формам поведения.

В задачи тьютера входит коррекция навыков социального взаимодействия. Это осуществляется путем привлечения ребенка к совместной деятельности с его одноклассниками, обучения правильной оценке поступков и намерений других людей, а также весьма полезной является беседа с одноклассниками о позитивных, неповторимых особенностях личности как аутичного ребенка, так и каждого из них.

Пятой функцией тьютера является отчет о прогрессе. Тьютер как лицо, наиболее тесно взаимодействующее с аутичным ребенком, имеет наиболее подробное представление о сильных и слабых сторонах его развития, что позволяет ему более точно отслеживать динамику психического развития ребенка. Это является ценной информацией для специалистов, сопровождающих ребенка: педагога-дефектолога, психолога, врача и др.

Наблюдение за развитием четырех детей с синдромом РДА, при котором отмечалась глубокая аффективная патология, показало, что наличие тьютера в процессе обучения ребенка в школе (массовой или коррекционной) является весьма эффективным. У всех детей наблюдалось соблюдение правил поведения в классе, уменьшение количества наблюдавшихся ранее агрессивных актов, оптимизация речевых функций, развитие навыков чтения и письма. Что касается развития навыков социального взаимодействия со сверстниками, то наблюдаемые сдвиги оказались незначительными. Это обусловлено тем, что дефицит потребности в общении является ведущим патопсихологическим синдромом при данном нарушении и требует более длительной работы. Тем не менее, эмоциональный контакт аутичного ребенка и тьютера способствует 1) расширению проявлений эмоциональности ребенка; 2) пониманию скрытого смысла ситуаций; 3) использованию речи, мимики и жестуляции в социальных коммуникациях; 4) формированию мотивации к совместной деятельности; 5) уменьшению негативных переживаний (тревоги и фрустрации); 6) формированию и стимуляции сенсорно-перцептивных, мнемических и интеллектуальных процессов у детей. Включение тьютера в коррекционную работу создает оптимальную среду для успешного развития ребенка с ранним детским аутизмом, что способствует его воспитанию, обучению, социальной адаптации и интеграции в общество.

Устинова М.В.

Особенности когнитивных нарушений у детей ДЦП, страдающих эпилепсией

Взаимосвязь когнитивных нарушений (различной степени тяжести) и эпилепсии является сложной и неоднозначной и обусловлена рядом факторов (тип эпилептических припадков, этиологические факторы, социальные факторы и др.). Отклонения в работе нейронной системы изменяют ее функциональную активность. Отчетливо это прослеживается на ранних стадиях становления, что в дальнейшем может оказать значительное влияние на развитие более поздних и сложных функций (Motte J., 2001). Сочетание детского церебрального паралича и эпилепсии — один из самых инвалидизирующих диагнозов в неврологии детского возраста.

Цель настоящего исследования — оценка степени выраженности нарушений когнитивной деятельности у детей с ДЦП, страдающих эпилепсией. Методологическую основу составили представления о высших психических функциях А.Р. Лурии и Выготского. Основной акцент был сделан на положении о неодинаковом влиянии очаговых поражений мозга на высшие психические функции на разных этапах развития. Исследование проводилось с помощью методики нейропсихологического анализа высших психических функций для детей дошкольного возраста, разработанной Ж.М. Глозман, А.Ю. Потаниной и А.Е. Соболевой (Глозман Ж.М., Потанина А.Ю., Соболева А.Е., 2006). Экспериментальное исследование проводилось в детском центре «Эпилепсия» г. Киева с детьми в возрасте от 4 до 9 лет. В исследовании участвовал 31 ребенок — 18 мальчиков и 13 девочек. Из них 12 больных эпилепсией, 19 больных ДЦП с эпилепсией. Контрольная выборка составила 30 детей возраста 5–6 лет. У 90% больных были отмечены грубые нарушения слухоречевой памяти и нарушения экспрессивной речи. Дети испытывали трудности в анализе и синтезе информации, отмечалась значительная эмоционально-волевая неустойчивость. 74 % исследуемых детей с ДЦП и эпилепсией имели проблемы с усвоением логико-грамматических конструкций — в силу двигательного дефекта практическая и игровая деятельность детей ограничена, поэтому они с трудом усваивали отношения между предметами и явлениями, кроме того, трудности возникли и при усвоении пространственных и временных отношений. Отмечались гиперактивность, нарушения произвольного внимания.

В результате исследования была получена комплексная психологическая оценка нарушений когнитивной деятельности у детей с ДЦП, страдающих эпилепсией, на основании изучения структурно-функциональных особенностей интеллектуальных процессов. Проведенное исследование позволяет

сделать следующие выводы: 1. У детей с ДЦП, страдающих эпилепсией, были выявлены значительные нарушения в формировании статико-моторных и высших психических функций. 2. Были отмечены выраженные нарушения движений и действий, речевой активности и речи, которая требует тонкой артикуляционной моторики. 3. Отмечено снижение фонетико-фонематического слуха. 4. Были выявлены значительные нарушения мнестической деятельности, что проявилось в суженном объеме воспроизводимых стимулов и парафазиях. 5. Были обнаружены трудности анализа и синтеза информации, снижение уровня обобщений, импульсивность решений, инертность психических процессов и снижение критичности.

Фадеева Е.В.
Геронимус А.
Цветкова Ю.В.

Особенности употребления ПАВ среди молодых людей с нарушениями слуха

В настоящее время существенно возрос интерес общества и исследователей к людям с ограниченными возможностями здоровья, в особенности к детям, подросткам и молодежи. Особое место в структуре инвалидности занимают сенсорные нарушения, и, естественно, внимание специалистов различного профиля направлено на принятие необходимых мер медицинской и психолого-педагогической реабилитации, на оказание помощи семьям, воспитывающим ребенка-инвалида. Зачастую дети и подростки с сенсорными нарушениями имеют ряд трудно решаемых психологических проблем, связанных с негативным воздействием микросоциального окружения, непродуктивным характером детско-родительских отношений, психогенной травматизацией, обусловленной наличием физического дефекта, и другими причинами (Богданова Т.Г., 2006; Глебова М.В., 2011; Засядько К.И., Зайцева С.Д., 2010; Извольская А.А., 2010; Левченко И.Ю., Ткачева В.В., 2009; Хохлова А.Ю., Казакова А.Д., 2011). В связи с чем высокую актуальность имеют исследования, направленные на изучение различных форм асоциального поведения — девиантного, делинквентного и аддиктивного — у данной категории лиц.

Целью проведенного в 2013 г. исследования являлось изучение распространенности потребления ПАВ среди учащихся средних специальных (коррекционных) образовательных учреждений II вида (для слабослышащих). В исследовании приняли участие 21 учащийся в возрасте от 16 до 22 лет, 13 юношей (59,1%) и 8 девушек (40,9%). Для выявления распростра-

ненности употребления респондентами ПАВ использовалась анонимная анкета ESPAD — European School Survey Project on Alcohol and Other Drugs (Европейский проект школьных исследований по алкоголю и наркотикам), включала вопросы об употреблении табака, алкоголя и наркотиков. Сравнительный анализ проводился с учетом аналогичного исследования, проведенного на выборке учащихся среднего профессионального учебного заведения того же возраста, не имеющих сенсорных нарушений (Геронимус И.А., 2013). Курили хотя бы раз в жизни 33% опрошенных учащихся с сенсорными нарушениями, 38,5% юношей и 25% — девушек признались в употреблении табачных изделий. Среди здоровых сверстников 78% опрошенных употребляли табачные изделия хотя бы раз в жизни (85% — юношей и 70,1% — девушек). Курят время от времени (хотя бы раз за последние 30 дней) 23,8% учащихся с сенсорными нарушениями, 23,1% юношей и 25% девушек. Среди здоровых сверстников эпизодически употребляют табачные изделия 58,1% учащихся того же возраста (61% юношей и 53,7% девушек). Регулярно курят 19% учащихся с нарушениями слуха (23,1% юношей и 12% девушек). Среди учащихся, не имеющих сенсорных нарушений, 49,7% курят регулярно (55% юношей и 41,8% девушек). Большая часть учащихся с нарушениями слуха (52,4%) отметили, что имеют опыт употребления алкоголя. Среди них 53,8% юношей и 50% девушек. Пятая часть (19%) отметили, что употребляли алкоголь за последний месяц хотя бы 1 раз, что может свидетельствовать об эпизодическом употреблении (15,4% юношей и 25% девушек). Регулярно употребляют алкогольные напитки (3 раза и более в течение последнего месяца) 9,5% учащихся с нарушениями слуха, из них 7,7% юношей и 12,5% девушек. Следует отметить, что сверстники, не имеющие сенсорных нарушений, употребляют алкоголь со значительно большей интенсивностью — 89,2% учащихся употребляли алкоголь хотя бы раз в жизни (90% юношей и 88,1% девушек), эпизодически употребляют алкоголь 60,5% учащихся (64% юношей и 55,2% девушек), регулярно употребляют алкоголь 25,1% учащихся (31% юношей и 16,4% девушек). Существенно отличается распространенность употребления каннабиноидов среди учащихся с нарушениями слуха и учащимися без сенсорных нарушений. Употребляли каннабиноиды хотя бы раз в жизни 4,7% учащихся специализированного образовательного учреждения (один юноша). Среди здоровых сверстников в единичном употреблении каннабиноидов признались 34,7% опрошенных (38% юношей и 29,5% девушек), в неоднократном употреблении данного вида ПАВ признались 8,4% учащихся (9% юношей и 7,5% девушек).

Выводы. Сравнивая распространенность употребления различных видов ПАВ, следует отметить, что учащиеся с сенсорными нарушениями по сравнению со здоровыми сверстниками меньше употребляют табак и алко-

голь и в значительно меньших объемах употребляют каннабиноиды. Однако сложно прогнозировать, будет ли в дальнейшем сохраняться подобная модель поведения у учащихся с нарушениями слуха, обусловленная низкой социализацией, высокой инфантильностью и общей задержкой психоэмоционального развития.

Худякова А.А.
Плешкова Н.Л.

Особенности психологической адаптации у женщин

Система Т. Ахенбаха представляет собой комплексный метод оценки адаптации, компетентностей, а также наличия поведенческих, эмоциональных и социальных проблем у людей, в возрасте от 1,5 до 90 лет. В настоящее время система Ахенбаха переведена более чем на 90 языков и используется в медицинских учреждениях, школах, центрах психического здоровья по всему миру с диагностическими и целями (*Almane, Jones, Jackson, Seidenberg, Hermann*, 2014 и др.). С ее помощью оценивают результаты лечения, собирают эпидемиологические данные (*Achenbach*, 1992; *Blanchard*, 2003.) В Российской Федерации были проведены исследования, в которых используется вариант методики для детей и подростков (*Колмогорова, Слободская, Киншит*, 2007; *Кузнецова*, 1996; *Кравченко*, 2011), однако нами не были обнаружены исследования с использованием варианта методики для взрослых.

В связи с этим основной целью работы было изучение особенностей психологического функционирования и адаптации у взрослых с использованием метода Ахенбаха (вариант для взрослых) на выборке женщин, проживающих в Российской Федерации. В исследовании приняли участие 22 женщины в возрасте от 27 до 43 лет. Средний возраст участниц 32,2 + 4,8 года. 67% женщин имеют высшее образование, 33% — среднее специальное. 43% женщин состоят в зарегистрированном браке, у 23% участниц исследования брак не зарегистрирован. 43% женщин имеют детей, у 90% исследуемых средний уровень дохода. Методом исследования выступил опросник Т. Ахенбаха для взрослых, который оценивает психологическую адаптацию. Адаптивное поведение относится к повседневному реагированию на требования окружающей среды и включает в себя два вектора эффективного взаимодействия: с самим собой и с другими людьми (*Grossman*, 1983). Методика состоит из двух частей: первая касается адаптивного функционирования, которая включает в себя утверждения относительно поведения с друзьями, партнером, в семье, на работе и учебе. Вто-

рая часть состоит из 122 утверждений, которые надо оценить по трехбалльной шкале (неверно, отчасти верно, верно полностью). В методике представлены следующие шкалы: адаптивное функционирование — «Друзья», «Партнер/супруг», «Семья», «Работа», «Обучение». Шкалы синдромов: «Тревожность/депрессивность», «Отстраненность, замкнутость», «Соматические жалобы», «Проблемы мышления», «Проблемы с вниманием», «Агрессивное поведение», «Поведение, связанное с нарушением правил», «Назойливость, вторжение», «Другие проблемы», «DSM-ориентированные шкалы». Результаты исследования показали, что по шкале «Тревожные расстройства DSM-IV» среднее — $6,71 \pm 2,83$. Результат говорит о том, что большинство женщин по выборке отмечают чувство одиночества, никчемности, растерянность, слезливость, беспокойство о будущем, опасения за собственные мысли и поступки, недостаток уверенности в себе. По шкалам «Назойливость, вторжение» и «Расстройства дефицита внимания и гиперактивности» интрузию и наличие проблем со вниманием — среднее $4 \pm 1,92$, и $6,62 \pm 3,95$. Участницы исследования замечают за собой хвастливость, шумливость, попытки привлечения внимания окружающих людей, а также забывчивость, трудности в концентрации, сложности в запоминании деталей. Хочется отметить, что сложности с вниманием также отмечаются по DSM-ориентированной шкале. Это говорит о том, что эти симптомы являются выраженными на клинически значимом уровне. По шкалам «Поведение, связанное с нарушением правил», «Антисоциальные расстройства личности DSM-IV», «Агрессивное поведение», связанным с нарушением правил, антисоциальным поведением, агрессивностью средние показатели находятся на низком уровне выраженности. Можно предположить, что для женщин в выборке более характерным является трудность во взаимодействии с самим собой, нежели с социальным окружением. Важно подчеркнуть, что только 10% женщин не отметили у себя никаких ярко выраженных затруднений.

Результаты исследования психологического функционирования и адаптации у женщин, проживающих в Российской Федерации, с помощью метода Ахенбаха выявили значительное количество эмоциональных и поведенческих трудностей у женщин. Наличие данных трудностей свидетельствует о неблагополучии в области психического здоровья у женщин, не относящихся к группе риска по социально-демографическим характеристикам. Полученный результат ставит вопрос об изучении природы выявленных трудностей, а также о разработке системы диагностики и психологической помощи женщинам. В дальнейших исследованиях мы планируем изучить факторы, влияющие на психологическое благополучие и адаптацию женщин.

Чечкова А.В.

Канис-терапия в работе с тревожностью и агрессивностью младших подростков

Канис-терапия (Dog Assisted Therapy) — вид терапии, использующий специально отобранных и обученных собак для оказания психотерапевтической помощи детям и взрослым. С детьми работа проводится в игровой форме под контролем специалиста или специалистов с медицинским, психологическим, ветеринарным и кинологическим образованиями. Эффективность метода во многом обосновывается мотивационными и физиологическими эффектами взаимодействия с собакой (снижение ЧСС и АД, уменьшение концентрации кортизола в крови, увеличение концентрации окситоцина, пролактина, дофамина и β -эндорфинов). Канис-терапия является методом неврологической, психотерапевтической, социальной реабилитации. В настоящее время этот метод признан медицинским сообществом и развивается на научной основе. В США, Канаде и странах Запада было проведено много исследований, подтверждающих эффективность канис-терапии (Barker S.B., & Dawson K.S., 1998; Beetz u др., 2012; Beetz u др., 2012b; Beth L.M., 2006; Blender J.A., 2009; Chandler C., 2001; Edwards N.E. & Beck A.M., 2002; Fick K.M., 1993; Friedmann E. u др., 1980; Furst G., 2006; Handlin L. u др., 2011; Hergovich A. u др., 2002; Kotrschal K. u др., 2003; Kurdek L.A., 2009; Odendaal J.S. u др., 2003; Parish-Plass N., 2008; Sams M.J., 2006; Schuelke S.T., 1991). Эффективность канис-терапии исследована в первую очередь в клиническом аспекте, как метод работы с аутизмом, СДВГ, ДЦП, депрессиями, деменциями. Исследований, изучающих эффективность канис-терапии для работы со здоровыми людьми, значительно меньше.

Мы хотим представить исследование эффективности канис-терапии, направленной на снижение уровня тревожности и агрессивности и повышение уровня коммуникативности у условно здоровых детей младшего подросткового возраста. Актуальность данной работы обоснована следующими причинами: 1) значимостью проблемы школьной агрессивности, обостряющейся в подростковом возрасте; 2) выраженностью проблемы школьной тревожности, влияющей на все сферы жизни ребенка; 3) отсутствием отечественных исследований эффективности канис-терапии при работе с тревожностью и агрессивностью младших подростков. Исследование проводилось на базе 5-го (экспериментальная группа, n = 20) и 6-го (контрольная группа, n = 20) классов биологического лицея г. Санкт-Петербурга по экспериментальному плану с двумя группами. Экспериментальный и контрольный классы состояли примерно из 20 человек в каждом. Занятия по канис-терапии в экспериментальном классе проводились раз в неделю в

течение урока (классного часа). Всего — 10 занятий. Занятия проводились специалистами из Ассоциации поддержки и развития канис-терапии. Во время занятий с детьми на примере взаимодействия с собаками разбирались такие темы, как доверие, причины агрессии, тревожность, взаимопомощь, доброта, разница темпераментов и характеров. Для оценки тревожности использовались стандартизированная шкала личностной тревожности для учащихся 10–16 лет А.М. Прихожан (шкалы школьной, межличностной, самооценочной и мистической тревожности), модифицированный восьмицветовой тест Люшера и рисуночный тест «Несуществующее животное». Для оценки агрессивности использовались шкала агрессивности И.А. Фурманова и рисуночный тест «Несуществующее животное». Замеры показателей тревожности и агрессивности проводились до начала цикла занятий и после окончания всего цикла. Помимо опросных и проективных методов за детьми проводилось наблюдение с заполнением карты наблюдений после каждого занятия, в которой отмечались проявления агрессивности, брезгливости, отказы от участия в упражнениях и несанкционированные контакты с собакой. Также отмечены изменения в индивидуальной динамике участников эксперимента: снижение числа личных отказов от участия, уменьшение страха при общении с собаками, общее улучшение дисциплины. Мы ожидаем, что окончательные результаты исследования продемонстрируют достоверное позитивное влияние проведенной серии канис-терапевтических сессий на изучаемые параметры у подростков.

Шабанова Е.В.

Детско-родительские отношения отцов детей с расстройством аутистического спектра

На современном этапе развития медицинской психологии актуальным является вопрос работы с семьей (клиническая психология семьи). Этот интенсивно развивающийся раздел направлен на изучение роли семьи в возникновении, формировании, лечении различных заболеваний в семье и при ее помощи. Данное направление медицинской психологии особенно актуально в ситуациях наличия в семье ребенка с нарушенным развитием. Современные исследования (Красильникова Е.Д., 2013, Макаров И.В., 2007 и др.) говорят об увеличении распространенности расстройств аутистического спектра (РАС) и, соответственно, семей, воспитывающих детей с таким диагнозом. В данной ситуации семья выступает для ребенка в качестве главного ресурса лечебно-реабилитационного процесса. Однако многие специалисты (Мамайчук И.И., 2007, Flippin M., 2011, Braunstein V.L., 2013)

отмечают, что функционирование семей детей с РАС носит специфический, искаженный характер. Следовательно, изучение особенностей внутрисемейных отношений в таких семьях представляет научный и практический интерес, тем не менее большинство работ посвящено матерям, тогда как исследований семейного функционирования отцов крайне мало, а имеющиеся носят противоречивую информацию. Таким образом, изучение системы детско-родительских отношений у отцов детей с РАС является актуальным.

Экспериментальную группу исследования составили 73 отца, имеющих детей с РАС. Контрольную группу — 43 отца детей с типичным развитием. Методы исследования: 1. Тест-опросник родительского отношения (Варга А.Я., Столина В.В., 1982). 2. Методика АСВ (Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В., 1999), изучающая стили семейного воспитания. Сравнительный анализ родительских отношений выявил, что достоверно часто ($p < 0,05$) у отцов детей с РАС было отмечено стремление инфантилизировать ребенка. Его безынициативность в общении, отсутствие эмоциональной и социальной взаимности, обусловленной аффективным и когнитивным дефицитами, может восприниматься отцом как неспособность к личностному и социальному функционированию, что является предпосылкой для высокого уровня контроля над деятельностью ребенка. Второй по частоте выбора стала шкала «Эмоциональное отвержение», что можно объяснить наличием у отца культурально обусловленных стереотипов эмоционального принятия детей в соответствии с ожиданиями определенных поведенческих характеристик. Однако клинико-психологические особенности ребенка с РАС препятствуют активному взаимодействию со средой и вызывают эмоциональный дискомфорт, приводят к снижению эмоционального принятия ребенка. Позиция «авторитарной гиперсоциализации» отражает форму и направление контроля за поведением ребенка. Будучи убежденным в несостоятельности и неприспособленности ребенка, отец старается навязать ему во всем свой контроль и не дает проявлять самостоятельность.

Сравнительный анализ стилей семейного воспитания показал достоверные высокие значения ($p < 0,05$) при сравнении с контрольной группой по шкалам «Гиперпротекция», «Игнорирование потребностей ребенка», «Недостаточность обязанностей и требований-запретов к нему», — подобное сочетание черт родительского отношения определяет такой стиль воспитания, как потворствующая гиперпротекция. Данный стиль в своем крайнем проявлении характеризуется воспитанием по типу «кумира семьи», когда родитель пытается отгородить ребенка от малейших трудностей, потакать и удовлетворить все его желания, преувеличивает качества и заслуги ребенка, что в ситуации аутистического расстройства может привести к состоянию «выученной беспомощности» и тем самым усилить аутистический барьер.

Высокие значения наблюдались и по шкалам «Проекция собственных нежелательных качеств на ребенка» и «Воспитательная некомпетентность», преобладание которых может обуславливать эмоциональное отвержение ребенка, которое достоверно чаще встречается у отцов, воспитывающих детей с РАС.

Шарыгина К.С.

Патогенетические и саногенетические факторы в реабилитации аддиктов

В процессе комплексной психотерапевтической стационарной реабилитации аддиктов, зависимых от психоактивных веществ (ПАВ), было обследовано 166 пациентов. Из них 105 пациентов было обследовано перед прохождением реабилитации, 46 человек — по завершении реабилитационного этапа лечения, 15 — в анамнезе от 1 года до 9 лет. Стационарная психотерапевтическая реабилитация осуществляется после прохождения этапа детоксикации и предреабилитационного этапа и длится от 45 дней. Весь период реабилитации делится на 3 этапа — адаптации, интеграции, стабилизации. В течение первого периода происходит привыкание к новым условиям, распорядку дня, включение в рабочий процесс. Интеграционный этап состоит из двух блоков и посвящен изучению и обучению навыкам совладания с проявлениями психологической зависимости. В течение стабилизационного этапа лечения большое внимание уделяется работе над социальными, семейными, личностными проблемами. Основная цель — коррекция и формирование нормативных личностных качеств пациента, возвращение его в семью и общество, учитывая индивидуальные особенности каждого и успешность прохождения реабилитации.

По результатам обследования получены следующие предварительные выводы. Условиями, способствующими актуализации саногенетических и угнетению патогенетических процессов в процессе реабилитации химически зависимых, являются: продление срока пребывания в стационарной реабилитации; продолжение лечения после курса реабилитации амбулаторно, в реабилитационном центре длительного пребывания, в условиях дневного или ночного стационара; наличие опыта прохождения реабилитационного лечения, а также ремиссии в анамнезе; участие родственников в лечении,хождение ими психотерапии; женский пол больного. Психоэмоциональная, личностная, социально-психологическая, ценностно-смысловая сферы у аддиктов отличаются перед прохождением реабилитационного лечения и по его завершении. Изменения в этих сферах после прохождения стационарной реабилитации и в анамнезе менее выражены; трансформация, в основном, происходит в личностной сфере. Важным условием изменений

является длительность нахождения на реабилитации, а также длительность ремиссии после реабилитации. Саногенетическими факторами в реабилитации пациентов, зависимых от ПАВ, выступают личностные ресурсы и внешние ресурсы. Внешние ресурсы охватывают в основном биологический, психологический, социальный, духовный аспекты заболевания. Наиболее часто встречающиеся личностные ресурсы связаны с активностью, готовностью действовать, заинтересованностью. Выделены кризисные этапы в реабилитационном лечении. Эти этапы характеризуются нарастанием психоэмоционального напряжения, изменением личностных отношений пациентов, мотивации на лечение. В эти периоды, как правило, происходит принятие решений, связанных с продолжением либо прерыванием нахождения на реабилитации. Кризисные этапы лечения сочетаются с относительно стабильными периодами, во время которых либо сохраняется патологическая адаптация, либо происходит формирование непатологической адаптации. Динамика саногенетических и патогенетических факторов в процессе реабилитации носит нелинейный характер, связана с комплексом внутриличностных характеристик пациентов и внешних обстоятельств. Саногенетические и патогенетические факторы взаимопревращаются, сочетаются друг с другом. В процессе реабилитации по мере актуализации внутренних саногенетических факторов уменьшается воздействие внешних саногенетических факторов. Важными для лечения внешними контролируруемыми саногенетическими факторами являются психотерапия как способ обучения рефлексии (независимо от конкретного метода); сочетание положительной и негативной, корректирующей поведение и когнитивные установки, обратной связи от специалистов; личностная зрелость сотрудников реабилитационной бригады; взаимодействие специалистов с пациентами, носящее характер доброжелательности, уважения, принятия, веры в их возможности; индивидуальное сопровождение пациента в процессе и по окончании стационарной реабилитации; взаимодействие с родственниками пациента. Таким образом, определение патогенетических и саногенетических факторов, а также кризисных периодов в течение реабилитации позволяет сформировать индивидуальный реабилитационный маршрут ведения пациента.

Шелонина Т.В.
Горбатов С.В.

Аддиктивная личность с позиции системы отношений

В настоящее время в отечественной психологии проблема отношений аддиктивной личности к различным сторонам объективной действительности

сти разработана недостаточно и требует дальнейшего изучения и углубления. Данное исследование базируется на трудах отечественных психологов: В.М. Бехтерева, А.Ф. Лазурского, В.Н. Мясищева, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, С.А. Рубинштейна и др., посвященных исследованию отношений, а также работах, освещающих основные подходы к изучению особенностей системы отношений лиц с алкогольной зависимостью (Ц.П. Короленко, В.Д. Москаленко, И.Н. Пятницкая, Б.Д. Карвасарский, И.В. Белокрылов, Б.М. Гузиков, А.А. Мероян и др.). В основе исследования лежат методологические принципы, заложенные в теории отношений В.Н. Мясищева, основополагающей идеей которой является идея субъект-объектной связи с различными сторонами объективной действительности. Вслед за Мясищевым мы рассматриваем личность как систему отношений и считаем, что именно в отношениях реализуется личность человека.

Дизайн исследования. Две группы испытуемых общей численностью 100 человек: первую группу составят 50 человек с диагнозом синдрома зависимости от алкоголя, вторая (средняя) стадия (F10.2 по МКБ-10), проходящие лечение в ГНБ № 1 г. Санкт-Петербурга, во вторую группу сравнения включены 50 человек, не имеющие алкогольной зависимости. Основным психодиагностическим инструментом данного исследования является проективная психодиагностическая методика Э. Шнейдмана «Make A Picture Story test» MAPS, позволяющая изучать сферу отношений личности к другим, к самому себе, к материальным объектам окружающего мира, выделяя когнитивную, эмоциональную и конативную стороны отношений.

Результаты исследования: 1. Нами была выявлена следующая триада отношения аддиктивной личности: субъект-субъектное отношение к алкоголю, субъект-объектное отношение к другим людям, субъект-объектное отношение к себе. 2. Лица с алкогольной зависимостью относятся к алкоголю как человеку, одушевляя его и персонализируя. Алкоголь наделяется атрибутами психической жизни человека. Поведение по отношению к алкоголю проявляется в его настойчивом поиске. 3. Поведение в межличностных отношениях лиц с алкогольной зависимостью характеризуется цикличностью, переменчивостью от открыто агрессивных тенденций, несдержанности, вспыльчивости, критичности, подозрительности, обидчивости до стремления охотно выполнять чужие поручения, идеализации окружающих, потребности в помощи и опеке. 4. Лицам с алкогольной зависимостью свойственна заниженная самооценка, несогласие с собой, высокое чувство вины, выражена аутоагрессия. 5. В экспериментальной группе значимо повышается удельный вес таких архаичных психологических защит, как регрессия, замещение, проекция, что указывает на недостаточный уровень развития личности. 6. У лиц с алкогольной зависимостью преобладают неадаптивные

копинг-стратегии, такие как: концентрация на эмоциях и эмоциональный выход — заикливание на своих внутренних переживаниях и выражение этих чувств; избегание на уровне поведения — беспомощность в процессе преодоления трудностей; избегание на уровне сознания и избегание (алкоголь). Использование триадного подхода в изучении системы отношений аддиктивной личности будет способствовать не только проведению психотерапевтической работы, но и поможет в организации профилактических мер по предотвращению распространения зависимого поведения.

Шелуханова А.В.

Особенности саморегуляции сотрудников полиции, участвующих в боевых действиях

В последнее время сотрудники органов и подразделений внутренних дел принимают активное участие в восстановлении конституционного строя и охране правопорядка на территории Чеченской Республики. В отличие от военных, работа которых изначально предполагает риск для жизни, полицейские менее подготовлены к такого рода экстремальным условиям. При этом возрастает потребность формирования и развития гармоничного стиля саморегуляции у сотрудников полиции, способствующего преодолению неблагоприятных эмоциональных состояний и ПТСР при выполнении служебных задач.

Цель исследования: изучение особенностей саморегуляции у сотрудников полиции, принимавших участие в боевых действиях. Объект исследования: ПТСР у участников боевых действий. Предмет исследования: особенности саморегуляции сотрудников полиции, принимавших участие в боевых действиях на территории Чеченской республики. Гипотеза: мы предположили, что уровень саморегуляции сотрудников полиции, вернувшихся из зон боевых действий, ниже, чем у личного состава, не принимавшего участия в боевых действиях. Для достижения поставленной цели нами были использованы следующие методики: шкала субъективного благополучия М.В. Соколовой, Миссисипская шкала посттравматического стрессового расстройства, опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, симптоматический опросник SCL-90. В исследовании приняли участие 30 сотрудников полиции в возрасте от 21 до 56 лет. Первую группу составили сотрудники полиции, принимавшие участие в боевых действиях на территории Чеченской Республики. Во вторую группу вошли сотрудники полиции, не принимавшие участия в боевых действиях.

В результате сравнительного анализа было выявлено, что сотрудники, вернувшиеся из зон боевых действий, в меньшей степени способны эффек-

тивно планировать собственную деятельность, ставить адекватные цели и придерживаться их, в отличие от тех, кто не принимал участие в боевых действиях. Сотрудники, вернувшиеся из командировки, не критичны к составлению плана своей жизнедеятельности, более зависимы от ситуации и мнения окружающих людей, потребность в осознанном планировании и программировании своего поведения у них не сформирована. Они неправильно оценивают результаты собственных действий, не осознают сам факт рассогласованности между полученным результатом и предшествующим ему планом, у них снижена возможность компенсации неблагоприятных для достижения поставленной цели личностных особенностей в отличие от испытуемых второй группы. Сотрудники полиции, не принимавшие участия в боевых действиях, способны плодотворно строить свою деятельность как на работе, так и в нерабочее время, самостоятельны, гибко и адекватно реагируют на изменение условий, выдвижение и достижение цели у них в значительной степени осознанно. При высокой мотивации достижения они способны формировать такой стиль саморегуляции, который позволяет компенсировать влияние личностных, характерологических особенностей, препятствующих достижению цели.

В результате корреляционного анализа было выявлено, что интенсивность переживания ПТСР сотрудников полиции определяется напряженностью, чувствительностью, повышенной тревожностью, т. е. сотрудникам полиции с ПТСР свойственна нервозность, приступы паники, постоянное ощущение чего-то плохого, часто испытуемых сопровождает чувство страха. ПТСР коррелирует с депрессивностью, раздражительностью, сонливостью, может сопровождаться несамостоятельностью сотрудников полиции, неспособностью самостоятельно принимать решения. Также ПТСР у сотрудников полиции взаимосвязано с положительной оценкой испытуемыми окружающими их людьми, в особенности тех, кто имеет высокое социальное положение, с удовлетворенностью повседневной деятельностью, с чувством изоляции и с соматическими проявлениями, такими как головные боли, боли в сердце, общее состояние дискомфорта организма. Анализ полученных данных позволяет выявить особенности саморегуляции у сотрудников полиции. Испытуемые не могут в полной мере управлять собственным психологическим, физиологическим состоянием, а также поступками. Для участников боевых действий характерны повышенная тревожность, депрессивность, фобии, соматические нарушения, чрезмерная агрессия. Им трудно составить четкий жизненный план и придерживаться его, у них отсутствует критика по поводу своих действий. Уровень саморегуляции сотрудников полиции, принимавших участие в боевых действиях, значительно ниже, чем у сотрудников, не участвовавших в боевых действиях.

Шиленко О.А.

Бурина Е.А.

Психологические особенности женщин с различным уровнем употребления алкоголя

Уровень употребления алкоголя в нашей стране является одним из самых высоких. Особое беспокойство вызывает употребление алкоголя женщинами детородного возраста, поскольку в период беременности это может приводить к тяжелым нарушениям развития у ребенка. Несмотря на результаты исследований по данной тематике, проблема взаимосвязи рискованного употребления алкоголя с психологическими характеристиками в настоящее время остается практически неизученной. Настоящее исследование может способствовать как более глубокому пониманию влияния психологических характеристик на формирование рискованного поведения, так и совершенствованию профилактических программ с учетом психологических характеристик женщин.

В результате проведенного исследования получены данные, представляющие несомненный интерес. Важными являются данные, свидетельствующие о том, что 50% обследованных женщин находятся в группе риска (злоупотребляющие спиртным). Эти данные согласуются с полученными в других исследованиях и свидетельствуют о необходимости реализации профилактических программ среди населения. В работе представлены социально-демографические и психологические характеристики женщин двух групп (женщины группы риска и женщины умеренного употребления алкоголя). Показано, что женщины группы риска могут быть оценены как менее «благополучные» с точки зрения психологических особенностей: они более экстернальны, в частности, в отношении своего здоровья, предъявляют больше требований к окружающим, более конформны, более уязвимы, тревожны и пассивны. Представленные на основании результатов исследования «психологические портреты» создают более точное представление о женщинах группы риска, что может быть использовано при разработке профилактических программ более широкого спектра. Согласно результатам методики «Семантический дифференциал», фактор оценки для понятия «Алкоголь» отрицательно коррелирует с фактором оценки всех остальных изученных понятий, характеризующих важные сферы отношений женщины (Я-реальное, здоровье, мой ребенок, ответственность). Они установлены в обеих группах, и можно предположить, что данный факт может указывать на до конца не осознаваемое, но все же негативное отношение к алкоголю. Установлено, что 50% женщин исследованной выборки относятся к группе риска (т. е. употребляют 4 и более доз алкоголя за один раз.). В группе риска выше процент замужних женщин, женщин со средним образованием, жен-

щин, не имеющих в настоящий момент работы, не заботящихся о состоянии своего здоровья, не имеющих детей, в сравнении с группой женщин с умеренным потреблением алкоголя. Выявлено, что в группе умеренного употребления алкоголя 94% женщин считают, что алкоголь является вредным для их здоровья (в группе риска — 33%), и лишь 5% считают алкоголь безвредным (в группе риска — 66%). Установлено, что женщины группы риска в сравнении с группой умеренного употребления алкоголя характеризуются достоверно большей выраженностью таких иррациональных установок, как «долженствование по отношению к другим», «катастрофизация» и «низкая фрустрационная толерантность». Установлено, что женщины группы умеренного употребления алкоголя в сравнении с женщинами группы риска статистически характеризуются достоверно более высоким уровнем общей интернальности, а также выраженностью интернальности в семейных отношениях и интернальности в области производственных отношений.

Шкодина И.М.

Исследование копинг-стратегий у людей с созависимыми моделями поведения

Созависимость — это состояние, которое характеризуется пассивностью, подчиняемостью, внушаемостью, невысокой степенью инициативы и самостоятельности, способности противостоять чужим желаниям. Можно сказать, что созависимые модели поведения свойственны и проявляются в поведении всех людей, разница лишь в степени ее выраженности. Существует корреляция между степенью выраженности созависимости и уровнем невротизации — у людей с высокой степенью созависимых моделей поведения высокий уровень невротизации. Для людей с созависимыми моделями поведения в большей степени характерны копинг-стратегии «Принятие ответственности» и «Бегство», редко используемыми являются «Дистанцирование» и «Положительная переоценка». Существуют гендерные различия в предпочитаемых копинг-стратегиях: женщины в большей степени, чем мужчины, склонны прибегать к «Поиску соцподдержки». Шкала «Поиск соцподдержки» содержит утверждения типа «я говорю с друзьями», «я позволяю другим утешать себя», «я обращаюсь за помощью», «я спрашиваю совета». В современном обществе сформировано мнение о том, что значит «быть мужественным» — это сила воли, решительность, смелость, твердость характера, способность взять на себя ответственность и находить выход из трудного положения всегда и в любой ситуации, только проявляя эти качества и поступая таким образом, мужчина достоин уваже-

ния. Следствием такого воспитания мальчиков становится неумение и страх обращаться за помощью. На уровне тенденции для женщин в большей, чем для мужчин, степени характерно «Бегство» и «Принятие ответственности». Можно говорить о том, что женщины по сравнению с мужчинами характеризуются тенденцией к большей выраженности таких личностных черт, проявлением которых будет принятие на себя ответственности за происходящее, но, учитывая то, что мы рассматриваем группу женщин, строящих отношения по принципу созависимости, можно предположить их склонность брать излишнюю ответственность, причем не только за себя, но и за близких им людей. Можно говорить о том, что женщины по сравнению с мужчинами характеризуются тенденцией к большей выраженности таких паттернов поведения, как уход от признания трудной ситуаций, избегание проблемы, а также избегание ситуаций, в которых возможна критика, неодобрение или отвержение со стороны окружающих. Все эти показатели образуют комплекс проявлений, о которых можно говорить как о социальном воспитании, научении. Это еще раз наталкивает на мысль о созависимости как социальном явлении. Созависимость, как симптомокомплекс, влияет на качество жизни людей и, следовательно, если обучать людей с детства «здоровым» отношениям и продуктивным копинг-стратегиям, можно говорить о возможности улучшения качества жизни общества в целом.

Шумова А.И.

Динамика психологических характеристик больных наркоманией в ходе реабилитации

Актуальность. В настоящее время зависимость от психоактивных веществ является одной из наиболее актуальных медицинских и социальных проблем. Лечение больных в условиях наркологического стационара признается недостаточно эффективным, что определяет необходимость разработки реабилитационных программ, позволяющих увеличить продолжительность ремиссии и профилировать возникновение рецидивов. Использование реабилитационных программ предполагает оценку их эффективности, критериями которой может служить динамика самоотношения и самоактуализации, т. к. эти обобщенные психологические характеристики личности нарушаются при героиновой наркомании.

Цель исследования — изучение динамики характеристик самоотношения и самоактуализации больных героиновой наркоманией в процессе реабилитации. Задачи: 1) изучить различные аспекты самоотношения (уверенность в себе, самообвинение, самопринятие и др.) больных героиновой наркоманией на

начальной и завершающей стадии реабилитации; 2) определить уровень и особенности самоактуализации больных героиновой наркоманией на начальной и на завершающей стадии реабилитации. Методы исследования: «Методика исследования самоотношения» (МИС) (Посохова С.Т., Соловьева С.Л., 2008), «Тест измерения уровня самоактуализации» (САМОАЛ) (Маслоу А., 1999). Материал исследования. На базе наркологического реабилитационного центра Красногвардейского района Санкт-Петербурга проведено исследование 26 больных героиновой наркоманией — 16 мужчин (62%), 10 женщин (38%) в возрасте 22–37 лет с диагнозом F11 «психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением опиатов» (МКБ-10, 1994). Стаж употребления наркотических веществ: 5–10 лет у 50%, 1–5 лет у 35%, более 10 лет у 15% больных. Исследование проводилось в два этапа: в период начала становления ремиссии (1 месяц) и по завершении реабилитационной программы (через 6 месяцев).

Результаты исследования. С помощью МИС определена динамика показателей самоотношения в процессе реабилитации. Статистически значимые ($p < 0,05$) различия выявлены между суммарными показателями самоотношения ($M = 15,42$; $\delta = 5,43$ — на начальном этапе; $M = 20,04$; $\delta = 5,05$ — на завершающем этапе), показателями «аутосимпатия» ($M = 6,92$; $\delta = 2,80$; $M = 9,27$; $\delta = 3,40$), «ожидаемое отношение других» ($M = 8,38$; $\delta = 2,64$; $M = 10,12$; $\delta = 1,45$), «самопринятие» ($M = 3,85$; $\delta = 1,76$; $M = 4,92$; $\delta = 1,90$). Близкие к статистической значимости ($0,05 < p < 0,1$) различия получены по показателям «самоуважение» ($M = 6,34$; $\delta = 2,74$; $M = 8,19$; $\delta = 2,99$) и «самоуверенность» ($M = 3,32$; $\delta = 1,93$; $M = 4,96$; $\delta = 1,91$). Полученные данные показывают, что в процессе реабилитации больные стали более позитивно оценивать и понимать себя, появилась уверенность в своих силах, в том, что они способны контролировать собственную жизнь и быть последовательным. Этот результат является существенным, т. к. именно ослабление волевых сторон личности считается облигатным признаком наркотической зависимости. Результаты также отражают динамику социальной перцепции и прогнозирования: ожидаемое отношение микросоциального окружения воспринимается как менее враждебное, эмоционально напряженное и конфликтное. Результаты исследования с помощью САМОАЛ отражают положительную динамику различных аспектов самоактуализации, которую многие авторы отжествляют с развитием личности (Шостром Э., 1994; Маслоу А., 1999). Различия получены по шкалам «контактности» ($M = 7,67$; $\delta = 2,34$; $M = 8,88$; $\delta = 2,99$) ($p < 0,05$) и «гибкости в общении» ($M = 7,38$; $\delta = 2,51$; $M = 8,35$; $\delta = 2,08$) ($p < 0,01$), отражающие характер межличностного взаимодействия. Недоверчивое, недружелюбное отношение к окружающим, переживание опасности и угрозы в процессе общения постепенно изменяется на более доверяющее, открытое и естественное.

Выводы. 1. В процессе реабилитации больных героиновой наркоманией отмечается выраженная положительная динамика основных аспектов самоотношения (уровень самоуважения, аутосимпатии, ожидаемого отношения других, уверенности в себе, принятия себя как личности). 2. В процессе реабилитации больных героиновой наркоманией отмечается положительная динамика показателей самоактуализации «контактность» и «гибкость в общении». 3. Выявленные в исследовании позитивные сдвиги в психологическом статусе пациентов могут рассматриваться как критерии эффективности реабилитационной программы, т. к. отражают изменения тех особенностей самосознания, волевой регуляции и межличностного общения, которые в максимальной степени страдают при героиновой наркомании.

Шурыгина Г.С.

Исследование интеллекта у дошкольников с последствиями гидроцефалии

В России с конца 2012 г. было принято решение о сохранении жизни ребенку с 22 недель пренатального развития — весом не менее 500 г, что влияет на существенное увеличение количества детей с пренатальными энцефалопатиями, среди которых большой процент принадлежит гидроцефалии. Для данного заболевания характерно нарушение циркуляции ЦСЖ и расширение мозговых желудочков (Штульман Д.Р., 2008). Частота встречаемости гидроцефалии примерно 0,28 до 4,0 на 1000 новорожденных, причем как отдельный синдром она составляет 30% пороков развития мозга (Сахно Л.В., 2004). Данный факт обуславливает важность своевременной коррекции и диагностики. По статистике, в 80% случаев гидроцефалия приводит к отставанию в развитии у детей (Штульман Д.Р., 2008).

Мы исследовали детей с окклюзивной гидроцефалией, при которой происходит нарушение циркуляции в мозговых желудочках. Нам было интересно проанализировать, к каким именно нарушениям в интеллектуальном развитии может приводить окклюзивная гидроцефалия в компенсированном варианте. В настоящее время существует небольшое количество методик, подходящих для исследования интеллекта у детей трехлетнего возраста. Знаменитый тест Д. Векслера соответствует детям, начиная с пятилетнего возраста, детский вариант матриц Равенна — детям с 4,5 лет и т. д. Наиболее популярной для исследования интеллекта у дошкольников является шкала Стенфорда–Бине, которая создана была на основе шкалы Симсона–Бине Л.М. Терментом (Бурлачук Л.Ф., 2006), а затем много раз редактировалась. Сейчас используется ее четвертая редакция (Анастаси А., Урбина С.,

2007). В 1964 г. в США была создана методика Дж. Френча (РТИ), которая в процессе апробации и стандартизации показала высокую степень корреляции со шкалой Стенфорда–Бине и тестом Д. Векслера. В 2008 г. эта методика была адаптирована в России Н.А. Шумской. Преимуществом методики Дж. Френча (РТИ) является то, что материал представлен в виде 137 картинок, и она не требует вербальных и манипулятивных ответов, ребенку достаточно лишь указать на правильную картинку (Куранова Н.А., 2008). В нашем исследовании мы сравнивали нормально развивающихся дошкольников (23 человека), обучающихся в детском саду № 59, с дошкольниками с врожденной гидроцефалией (12 человек), которые проходили лечение на кафедре неврологии и нейрохирургии Медицинского университета им. Мечникова, а также с детьми (10 человек), имеющими в анамнезе расширение мозговых желудочков на первом году жизни. Для нашего исследования мы использовали методику интеллекта Дж. Френча в адаптации Н.А. Шумской, т. к. она позволяет выявить особенности интеллекта без опоры на развитие речи.

Нами было высказано предположение, что существуют различия в развитии интеллекта у нормальных детей и детей с врожденной гидроцефалией. В процессе нашего исследования нами было выявлено отставание в интеллектуальном развитии у детей, имеющих в анамнезе окклюзивную гидроцефалию, связанное с неправильными умозаключениями. Например, на вопрос, на чем можно ездить верхом дети показывали собачку. В процессе нашего исследования нами было обнаружено неумение ребенка соотносить формы, детям предлагалось найти такой же объект на большой картинке, как и на маленькой. Отставание в интеллектуальном развитии у детей с последствиями окклюзивной гидроцефалии связано и с истощаемостью внимания. Они быстро устают, не обращают внимания на мелкие детали, что может повлиять на более низкие результаты в других субтестах. При этом если при выполнении заданий делать паузы, мотивировать ребенка, например, посмотри внимательно на все картинки, на что похожа нужная тебе картинка, то результаты у детей существенно улучшаются, что говорит о благоприятных прогнозах. Дети, имеющие в анамнезе расширение мозговых желудочков, не отстают в интеллектуальном развитии, более того, в нашем исследовании часть детей была интеллектуально одарена, несмотря на медлительность при выполнении заданий. Объясняя полученные результаты интеллектуальной одаренности детей, имеющих расширение мозговых желудочков, мы опирались на высказывания родителей об их высокой тревоге по поводу возможного запаздывания в развитии их детей, которая сформировала у них желание и потребность в усиленных занятиях, способствующих когнитивному и личностному развитию детей. Полученные результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу: на осо-

бенности интеллектуального развития дошкольника влияет степень тяжести неврологического дефекта.

Юрьева Т.В.
Овсиенко П.С.

Особенности психологической адаптации иностранных студентов

В последние несколько лет в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина стремительно растет количество иностранных студентов. Сейчас в университете обучаются студенты из Азербайджана, Алжира, Болгарии, Индии, Казахстана, Китая, Марокко, Намибии, Туниса, Туркменистана и многих других стран. Иностранные студенты, которые приезжают на учебу в Россию, должны адаптироваться не только к вузу и к жизни в общезжитии, как российские студенты, но и к жизни в чужой стране. Межкультурная адаптация — это сложный процесс, в случае успешного завершения которого человек достигает гармонии с новой культурной средой (Иванова Н.Л., Мнацаканян И.А., 2006). Актуальность проблемы адаптации иностранных студентов определяется задачами дальнейшего их эффективного обучения.

С целью изучения особенностей адаптации иностранных студентов нами было разработано и проведено научное исследование на базе ТГУ им. Г.Р. Державина. В исследовании приняли участие 3 группы иностранных студентов в количестве 155 человек: студенты стран СНГ, англоговорящие учащиеся из различных стран Африки, франкоговорящие студенты из Марокко, Туниса и Алжира. Все студенты обучаются в России не более двух лет. В исследовании нами использовались следующие психологические методики: методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда; методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге; опросник адаптации личности к новой социокультурной среде (тест Л.В. Янковского); методика для определения уровня тревожности Спилбергера–Ханина; методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой). Для обработки и анализа данных, полученных в ходе исследования, использовалась компьютерная программа SPSS 15.1 for Windows.

Сравнительный анализ средних значений, полученных по методикам, показал разную степень адаптивности иностранных студентов, приехавших из разных стран. По критерию Краскела–Уоллеса на 1%-ном уровне наиболее значимые различия были выявлены по шкалам: адаптивность, внутренний контроль, коммуникативные мотивы, мотивы избегания, мотивы престижа, профессиональные мотивы, мотивы творческой самореализации,

учебно-познавательные мотивы, социальные мотивы. По средним значениям Z оценок по шкале «адаптивность» были получены следующие результаты: группа СНГ = 0,15 (ранг = 52,23); группа Франкоговорящие = -0,9 (ранг = 24,85); группа Англоговорящие = 0,14 (ранг = 49,57). По данной шкале низкий балл выявлен у группы франкоговорящих студентов, что указывает на низкий уровень адаптивности. По средним значениям Z оценок по шкале «внутренний контроль» получились такие показатели: группа СНГ = 0,22 (53,50); группа Франкоговорящие = -1,04 (20,96); группа Англоговорящие = 0,14 (49,80). Низкие значения у франкоговорящих студентов означают, что студенты не прослеживают правильность своего поведения и не контролируют свои действия. Использование методики для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин) показало, что по средним значениям Z оценок по шкалам «коммуникативные мотивы», «мотивы избегания» у студентов из стран СНГ и у франкоговорящих студентов наблюдаются низкие оценки, а англоговорящими студентами были получены высокие значения.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод, что франкоговорящие студенты имеют низкий уровень адаптивности, они не справляются с собой, не могут контролировать свое поведение; не проявляют должного интереса к учебе: не стремятся к успешному освоению учебной программы с целью завоевания авторитета, получения социальных благ, улучшения взаимодействия с окружающими. У студентов стран СНГ наблюдается похожая ситуация. Англоговорящие студенты адаптированы лучше. Они заинтересованы в освоении выбранной специальности, активно участвуют в общественной жизни университета. На наш взгляд, это может быть связано с большей популярностью английского языка по сравнению с другими иностранными языками. На основании полученных результатов планируется разработка и внедрение коррекционных программ с учетом специфики студентов из разных стран, которые будут направлены на улучшение психологической адаптации, снятие языкового барьера и повышение эмоциональной включенности иностранных студентов в учебный процесс и общественную жизнь университета.

Яковлева М.В.
Николаева О.Б.

Отношение к болезни как фактор приверженности лечению больных ИБС

Ишемическая болезнь сердца признана ВОЗ «эпидемией XX века». Она является хронической и неуклонно прогрессирующей. За годы исследова-

ний этого заболевания медицинским сообществом предложены эффективные методы лечения ИБС, в том числе хирургические. Но улучшение состояния пациентов зависит не только от проведенного ему высокотехнологического лечения, но и от отношений в системе «врач — пациент», в частности от уровня приверженности пациента лечению (или комплаенса). Сегодня проблема приверженности лечению остро стоит во всех странах и касается многих областей медицины. Многочисленные международные исследования пока не могут дать однозначного ответа о влиянии тех или иных психологических характеристик пациентов на формирование комплаентного поведения (*Adherence to longterm therapies*, 2003). Однако несомненно то, что личность больных играет непосредственную роль в данном процессе, что отмечается и лечащими врачами.

В связи с этим возникает запрос из кардиологической клиники на психологическую оценку характеристик пациентов в плане их приверженности или неприверженности лечению. Актуальность описанной проблемы определила выбор направления нашего исследования, имеющего целью сравнительный анализ характеристик эмоционального состояния и внутренней картины болезни у больных ИБС с различной приверженностью лечению после операции коронарного шунтирования. Для реализации поставленной цели было проведено пилотное исследование, в рамках которого клинико-психологическими и психодиагностическими методами была обследована группа из 40 пациентов в возрасте от 46 до 83 лет на базе Федерального центра сердца, крови и эндокринологии им. В.А. Алмазова (Санкт-Петербург). У всех пациентов в анамнезе имеется диагноз «ишемическая болезнь сердца» и проведенная операция коронарного шунтирования. Психометрический метод в исследовании осуществлялся при помощи методики определения доминирующего состояния (ДС) (*Куликов Л.В.*, 2005) и методики диагностики типов отношения к болезни ТОБОЛ (*Вассерман Л.И. и др.*, 2005). Предполагается, что разные психологические особенности оказывают различное влияние на ход восстановительного лечения. Выборка пациентов разделяется на экспериментальную и контрольную группы с помощью экспертного метода. Проведение с пациентами методики «Доминирующее состояние» дало следующие результаты: для обеих групп была выявлена общая тенденция к сниженной критичности в самооценивании, недостаточной адекватности самооценки. Пациенты из группы комплаентных склонны оценивать события с пессимистической позиции и не верить в свои возможности по преодолению сложных ситуаций. Для пациентов из группы некомплаентных характерны ровный положительный эмоциональный тон, уверенность в своих силах и возможностях и удовлетворенность ходом жизни и своей самореализацией.

Проведение с пациентами методики ТОБОЛ позволило выявить наиболее распространенные типы отношения к болезни, встречающиеся в общем в группе кардиологических больных: эргопатический, анозогностический, тревожный и сенситивный. Наиболее распространенным типом у приверженных лечению пациентов оказался эргопатический, при котором они отказываются принимать на себя «роль» больного, стараются всеми силами справиться с болезнью, не отрываясь от своей повседневной жизни. У некоторых пациентов из этой группы во внутренней картине болезни отмечаются тревожные, сенситивные и неврастенические черты отношения к болезни. Среди пациентов, неприверженных лечению, самым распространенным оказался анозогностический тип (или же его сочетание с эргопатическим типом), при котором у пациентов отмечается отбрасывание мыслей о болезни, пренебрежительное, легкомысленное отношение к лечению, нередко характерен полный отказ от врачебного обследования и лечения. Полученные нами данные соответствуют субъективно отмеченным врачами характеристикам некомплаентных пациентов и подтверждают те сложности, с которыми сталкиваются доктора и психологи при работе с данным контингентом. Полученные результаты в дальнейшем также позволят предварительно составлять прогноз о степени приверженности пациентов лечению и планировать психокоррекционные мероприятия для больных (учитывая личностные особенности, затрудняющие формирование у них комплаентного поведения).

Исследование проводится при поддержке РГНФ (Рег. № 14-06-00-163а).

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

*Антонова Е.А.
Данилова М.В.*

Роль детско-родительских взаимодействий в становлении идентичности подростков

Тема идентичности в подростковый период и роли семейных отношений в ее становлении является объектом изучения в психологии, социологии, педагогике и не теряет своей актуальности и практической значимости в связи с тем, что в этот возрастной период перед человеком встают значимые личностные, социальные и профессиональные цели и он решает важные для всей дальнейшей жизни задачи. Сложившиеся между родителями и детьми взаимоотношения являются основой для формирования личности подростка, имеют большое значение в становлении его мировоззрения и определения своего места в жизни. Во многих исследованиях показано, что формирование идентичности является одной из основных возрастных задач подросткового периода, когда, путем прохождения кризиса, должна сформироваться позитивная идентичность, что крайне важно для дальнейшего развития личности. Семейные отношения в сложный период подросткового развития играют существенную роль в становлении идентичности: гендерной, личностной и профессиональной.

Целью данного исследования было изучение взаимосвязи параметров статусов идентичности подростков и детско-родительских взаимодействий. В ходе исследования были применены: методика изучения статусов профессиональной идентичности (А.А. Азбель), методики изучения гендерной и личностной идентичности (Л.Б. Шнейдер) и методика «Взаимодействие родитель — ребенок» (И.М. Марковская). Участники исследования — подростки в возрасте 14–16 лет и их родители, всего 123 человека (39 девушек,

38 юношей, 28 матерей и 18 отцов). Изучение выраженности статусов гендерной, личностной и профессиональной идентичности подростков показало: в 14–16 лет и юноши, и девушки мало озабочены вопросами гендерной и личностной идентичности. У них наиболее выражен статус диффузной гендерной идентичности. Личностная идентичность характеризуется статусами диффузной идентичности и моратория. Подростки находятся в ситуации неопределенности в оценке своих личностных характеристик, однако они проявляют интерес к вопросам личностной идентификации. Говоря о профессиональной идентичности, надо отметить, что наиболее выраженным является статус, т. е. подростки проявляют значительную активность в попытках определиться с будущей профессией. Анализ представлений подростков о взаимоотношениях с родителями показывает их важность для формирования идентичности, а также отражает возрастную специфику ее становления. Подростки всех возрастов удовлетворены отношениями с родителями и принимают их как авторитетные фигуры. Причем, отвечая на вопросы анкеты о наиболее значимом окружении, подростки в основном признают в качестве таких людей именно своих родителей. Половые различия в отношениях нам представляются закономерными: девушки отличаются большей ($p \leq 0,05$) эмоциональной близостью с матерями, и для них матери обладают большим авторитетом, чем для юношей. А юноши отмечают большую ($p \leq 0,05$) строгость матерей и требовательность отцов к их поведению, чем девушки. Надо, однако, отметить, что для девушек в целом взаимоотношения с родителями имеют достоверно большее значение ($p = 0,006$), чем для юношей.

Исследование выявило, что в формировании разных видов идентичности принимают участие разные параметры детско-родительских взаимодействий. Так, в формирование гендерной идентичности включены показатели «авторитет матери», «требовательность матери». Для личностной идентичности важны параметры «требовательность» обоих родителей, «контроль матери» и «удовлетворенность отношениями со стороны отца». С формированием профессиональной идентичности, помимо «авторитета отца», «эмоциональной близости» и «последовательности» обоих родителей, связаны такие параметры, как «сотрудничество отца», «согласие между отцом и подростком» и «требовательность отца». Таким образом, полученные данные позволяют выявить важные взаимосвязи статусов идентичности подростков и детско-родительских взаимоотношений и могут быть использованы в личностном и семейном консультировании подростков и их родителей.

Асмус И.Н.

Формирование навыков эффективной саморегуляции у студентов и аспирантов вуза

Система саморегуляции психического состояния является в современных условиях жизни очень ценным качеством, позволяющим противостоять негативным явлениям действительности, повысить качество жизни человека. В настоящем исследовании мы изучим уровень развития как отдельных звеньев процесса регуляции, так и общий уровень саморегуляции в период поздней юности. Данный возрастной период был выбран не случайно, перед молодым человеком в данный период открываются новые возможности, он сталкивается с проблемами самостоятельного принятия важных решений, постановкой перед собой целей и выбором адекватных способов их достижения. Теоретическим основанием нашего исследования стал структурно-функциональный подход О.А. Конопкина и В.И. Моросановой, согласно которому саморегуляция понимается как системно-организованный психологический процесс, состоящий из звеньев (инициация целей, построение субъективной модели значимых условий, построение программы исполнительских действий, выделение системы субъективных критериев достижения цели, контроль и оценка реальных результатов, коррекция системы саморегулирования).

Таким образом, целью исследования была разработка и апробация программы специально организованных занятий, направленных на формирование у студентов старших курсов и аспирантов нового регуляторного опыта и, как следствие, изменение компонентов саморегуляции, формирование необходимых личностных качеств. Выборка составила 20 человек, 10 человек — экспериментальная группа, 10 — контрольная, являющихся студентами и аспирантами Омского государственного технического университета. В качестве методов исследования выбран формирующий эксперимент и тестирование. В состав диагностических методик вошли: опросник А.А. Карманова «Цель. Средство. Результат», использован для изучения особенностей учебной деятельности, опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова), «Тест смысловых ориентаций» (адаптация Д.А. Леонтьева) и методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонда. Для математической обработки результатов были использованы критерии Т-Вилкоксона, критерий U Манна-Уитни и метод ранговой корреляции Спирмена. Для реализации исследования была сформирована экспериментальная группа, с которой были проведены занятия, направленные на формирование и совершенствование навыков саморегуляции функциональных состояний, 6 занятий, продолжительностью 2 академических часа.

Для оценки эффективности проведенных занятий мы сравнили данные экспериментальной группы, и мы наблюдали, что наряду с повышением общего уровня саморегуляции у участников заметно снизился эмоциональный дискомфорт, повысился уровень самопринятия, усилился внутренний контроль, повысилось ощущение эмоционального комфорта, возрос эмоциональный интеллект, что позволило повысить и уровень адаптации ко всему новому.

Несколько удивительные результаты получились при соотнесении показателей экспериментальной группы до проведения занятий и контрольной. Выяснилось, что представители экспериментальной группы менее удовлетворены своей жизнью, большая пропасть непонимания с другими людьми, ниже ощущение эмоционального комфорта, осложнено принятие других, выше эмоциональная ригидность и ниже эмпатия по сравнению с контрольной группой. Были обнаружены значимые различия ($Z = -0,21$ $p < 0,05$) между уровнем произвольного управления собственными эмоциями. И данных различий мы не видим, сравнивая данные ретестирования экспериментальной и контрольной группы. Поскольку экспериментальная группа формировалась по добровольному желанию участников, то, вероятно, в ее состав вошли именно те, кто в большей степени нуждался в повышении навыков произвольной регуляции. Также были получены данные о взаимосвязи между общим уровнем саморегуляции и эмоциональным дискомфортом, стремлением к доминированию, способностью к управлению собственными эмоциями и общим уровнем эмоционального интеллекта. Полученный результат можно объяснить тем, что эмоциональная составляющая является наиболее чувствительной как к изменениям факторов внешней среды, так и к интрапсихическим изменениям, поэтому даже небольшие изменения во внутренней организации человека влекут за собой изменения в эмоциональной сфере. Вышеизложенное позволяет утверждать, что разработанная нами программа формирования и совершенствования навыков саморегуляции оказалась действенной и позволила повысить состояние эмоционального комфорта, оказала влияние на адаптивные качества личности.

Ахмедханов М.А.

Губин В.А.

Прогнозирование успешности обучения в учебном центре внутренних войск МВД РФ

Данная статья написана на основании исследования, проходившего на базе учебного центра по подготовке специалистов по охране важных государственных объектов и специальных грузов (ВГО и СГ).

Целью данного исследования было выявление психологических характеристик военнослужащих как субъектов учебной деятельности по специальностям «командир» и «специалист технических средств охраны (ТСО)», определяющих успешность обучения и дальнейшей профессиональной деятельности. Во время обучения в учебном центре внутренних войск формируется прочная основа военно-профессиональной деятельности: личностный адаптационный потенциал, общее интеллектуальное развитие военнослужащего. При проведении анализа исследований по усвоению знаний, умений и навыков в процессе учебной деятельности, выявлению психологических характеристик, определяющих успешность обучения и прогнозирования дальнейшей профессиональной деятельности, было найдено большое количество научных трудов для категории офицерского состава и выявлено недостаточное количество исследований, проводимых в отношении младших командиров и специалистов технических специальностей. Для нашего исследования были привлечены курсанты — выпускники учебного центра внутренних войск МВД России. Все исследуемые имеют различное семейное положение, хорошие или удовлетворительные материальные и жилищно-бытовые условия, среднее, средне-специальное и высшее образование. Средний возраст исследуемых — 20 лет. Общий объем выборки составили 80 человек: 40 младших командиров подразделений по охране ВГО и СГ и 40 специалистов в области эксплуатации и обслуживания комплексов инженерно-технических средств охраны. Исследование проводилось в три этапа: в начале обучения (по прибытии в учебный центр), по окончании обучения (перед сдачей выпускных экзаменов), по истечении трех месяцев с момента окончания учебного центра. Данные исследования были математически обработаны на электронной вычислительной машине с помощью программы SPSS. В соответствии с рассмотренными теоретико-методологическими подходами были использованы следующие методики обследования психофизиологических и социально-психологических характеристик личности: многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность»; многофакторный личностный опросник Р. Кетелла (16PF); КОС-2 «Коммуникативные и организаторские склонности»; Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудачи Т. Элерса; методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса.

В ходе исследования были выявлены психологические характеристики военнослужащих учебного центра внутренних войск, определяющие успешность обучения, и качества, развивающиеся в процессе обучения. Успешные специалисты, в отличие от неуспешных, обладают более высокими адаптивными способностями и коммуникативными особенностями. Для них характерна более высокая моральная нормативность и нервно-психологическая

устойчивость. Для успешных специалистов ТСО также характерна более выраженная переменная F — «Сдержанность-экспрессивность». Для успешных командиров характерна более выраженная переменная ОС — «Организаторские склонности». Следующим этапом стало проведение множественного регрессионного анализа пошаговым методом Stepwise. Это объясняется необходимостью выделения из числа переменных, связанных с «успешностью», тех, которые будут прогнозировать с определенной долей вероятности ее присутствие у различных групп испытуемых. Было получено общее регрессионное уравнение для военнослужащих, проходящих обучение в учебном центре внутренних войск, которое выглядит следующим образом: Y (успешность прогнозируемая) = $2,32 + 0,15 * C - 0,13 * Q1 + 0,11 * Mн - 0,07 * \text{Мотивация к избеганию неудач}$, где C — «эмоциональная неустойчивость-эмоциональная устойчивость», $r = 0,15$ $Q1$ — «консерватизм-радикализм», $r = 0,13$ $Mн$ — «моральная нормативность», $r = 0,11$ Мотивация к избеганию неудач, $r = 0,07$. Следующим этапом стало составление регрессионного уравнения отдельно для военно-учетной специальности «командир» и «специалист технических средств охраны». Данные позволяют методически и организованно обосновывать пути развития психологических характеристик и личностных качеств в период обучения в учебном центре внутренних войск в соответствии с требованиями будущей военно-профессиональной деятельности и развивать те качества и характеристики, которые бы обеспечивали их оптимальное участие для успешного выполнения служебно-боевых задач.

Барышева Т.Д.

Профессиональное мышление психологов и рефлексивная практика

Рефлексивная практика может рассматриваться как одна из ключевых технологий формирования профессионального мышления специалистов социономического профиля, т. к. их профессиональная активность отличается насыщенным психологическим фоном и затруднениями в технологической регламентации деятельности. В качестве зарубежных примеров можно привести модели CRASP (Зубер-Скеритт О., 1992), ITDEM (Нортон Л., 2001), PRIDE (Коуэн П., 2010). В последнее время на помощь приходят современные ИКТ, позволяющие по-новому стимулировать развитие рефлексивности у обучаемых и фиксирование ими продуктов профессиональной рефлексии, например, инструменты диагностики и развития рефлексивности LASER (Кулсон М., Торранс С., Нун С., 2006), ReaLiSE (Мэйр К., 2009, 2010). Большинство авторов, занимающихся проблемой развития рефлексивных способностей у обучаемых, обязательно включают в содер-

жание обучающихся процедур письменные отчеты, заполнение дневников практики, рефлексивные журналы и т. п. (Ляудис В.Я., 2000; Саврасова А.Н., 2006; Барышева Т.Д., 2011 и др.). Дж. Бэдли, анализируя образовательный процесс в современной высшей школе англоязычных стран, подчеркивает характерные черты применения рефлексивной модели обучения с использованием заданий по составлению рефлексивных эссе, сознательно предлагая новый термин «рефлексивный *essay*ing». Под ним понимается не просто форма письменного эссе как дидактическое задание, а сам процесс написания рефлексивных эссе студентами как наиболее значимая технология формирования профессионального критического мышления и развития личностной компетентности современного профессионала в период обучения в вузе. Позиции зарубежных авторов близки к взглядам В.Я. Ляудис (2000) относительно роли письменной речи в обучении. Известный исследователь Дж. Мун (2008) отмечает, что письмо является главнейшим инструментом в развитии критического мышления в высшем образовании. По мнению многих современных зарубежных исследователей (Шон Д., 1987; Мун Дж., 2008; Бэннигэн К. и Моорес Э., 2009; Праслова Л., 2013 и др.), цель высшего образования заключается в стремлении развивать способность студентов становиться «критическими рефлексивными мыслителями». В этом контексте интересны модели развития профессионального мышления Л.М. Митиной (2008), М.М. Кашапова, (2006), Ю.В. Скворцовой (2005), О.М. Краснорядцевой (2007). М.М. Кашаповым специально выделяется рефлексия как одна из самых универсальных внутренних регуляторных схем, позволяющих субъекту профессиональной деятельности более активно организовывать свои мыслительные действия, особенно в проблемных профессиональных ситуациях. Опыт К. Бэннигэн и Э. Моорес (2009) показывает потребность в навыках мышления высокого уровня для психологов и психотерапевтов. Они рассматривают профессиональное мышление как способность к отчетливому и критическому анализу принятия решений и вовлеченности в рефлексию, опираясь на общие стадии рефлексивной практики С. Аткинса и К. Мерфи (1993). В подготовке студентов используется упрощенная для потребностей учебного процесса в вузе схема С. Митчелла с маркировкой трех стадий профессионального мышления — «What?», «So what?» и «Now what?», которые выступают в качестве последовательных шагов для обучения специалиста и развития его профессионального сознания. К. Бэннигэн и Э. Моорес описывают возможности соединения двух обучающих технологий: рефлексивной практики и практики анализа событий-случаев. Случае может быть что-либо, что происходит в каждодневной практике, заставляющее профессионала снова к нему вернуться для ментального анализа и рефлексии этого опыта. Особенно значимой в контексте наших размышлений о полисубъекте

практики является идея о необходимости обсуждения с другими людьми — наставником, коллегами, исследователями и др. — собственного опыта для преодоления замкнутости «рефлектирующей практика». Существенными компонентами хорошей рефлексивной практики будет рефлексивный диалог, а также поиск опытного руководства и поддержки мастером. В нашем опыте (Барышева Т.Д., 2011) с опорой на технологические и методические аспекты рассматриваются место и вклад практико-ориентированного подхода в формирование профессиональной психодидактической системы деятельности будущего педагога-психолога, в развитие его метарефлексивности как профессионально важного качества. В русле концепции полисубъекта образовательной деятельности (Вачков И.В., 2007; Митина Л.М., 2010) нами анализируются условия и возможности повышения уровня рефлексивной позиции начинающего профессионала.

Бурченкова Л.Ш.

Гендерные особенности ценностных ориентаций старших школьников

Проблема изучения ценностной сферы личности особенно актуальна в период подросткового и юношеского возрастов, ибо именно в это время достигается тот уровень когнитивного развития, который позволяет ребенку сформировать собственные ценностные представления о действительности. Но эти представления еще находятся в процессе формирования и являются относительно неупорядоченными, т. к. старшеклассник находится на стадии перехода к взрослой жизни (Реан А.А., 2008).

Цель нашего исследования состояла в выявлении наиболее существенных ценностных ориентаций старших школьников и определении их зависимости от гендерных особенностей подростков. В рамках исследования использовалось несколько методик: 1) авторская анкета, состоящая из 37 вопросов, касающаяся характера досуговой и учебной деятельности респондентов, их представлений о ценностях своей жизни и жизни других людей, приемлемых чертах характера в общем для мужчин и женщин и т. д., с точки зрения самих отвечающих; 2) тест на определение гендерной идентичности С. Бэм; 3) тест на изучение ценностных ориентаций М. Рокича (Фетишкин Н.П., 2002). Значимость семьи как ценности у девушек связывается с чувством любви и отсутствием свободы, а у мужчин — с твердой волей. Представление о счастье для девушек больше заключается в затратах усилий, нежели в наслаждении, в то время как юноши извлекают больше плюсов из всего, что считают для себя счастьем (спектр понимания собствен-

ного счастья у них шире, чем у девушек). Удалось обнаружить устойчивые представления относительно роли мужчин и женщин в обществе: мужчины должны быть сильными, волевыми и независимыми, а женщины — любящими, нежными, понимающими. Однако такие качества, как честность, справедливость, щедрость и уступчивость, лояльность, общительность, по мнению наших респондентов, должны быть присущи как женщине, так и мужчине примерно в одинаковом соотношении, что, вероятно, поможет успешнее выполнять свои социальные роли. Девушки в большей степени осознают последствия той деятельности, которую они считают оправданной, это свидетельствует о том, что они склонны просчитывать ходы вперед, планировать свое будущее. Также девушкам в большей степени, чем юношам, не хватает эмоций, в связи с этим они стремятся посредством развлечений разнообразить собственные впечатления. В то же время они чаще, чем юноши, стремятся наиболее гармонично выстраивать отношения с окружающими и имеют потребность быть всесторонне развитыми. Для юношей их внешний вид куда более важен, чем для девушек. Кроме того, они гордятся тем, что посещают что-либо помимо учебных занятий. У них также более выраженное стремление к автономии (индивидуальной свободе действий, самостоятельности). Юноши склонны чаще общаться с друзьями, играя с ними через компьютер (интернет; сетевые игры), тем самым ими удовлетворяется потребность в признании и причастности. Потребность юношей в чувстве собственной значимости определяет и их жизненную цель — открытие собственного дела. Плюс ко всему, юноши чаще девушек склонны утверждать, что в семье главным должен быть мужчина, и они в большей степени обеспокоены проблемой здорового образа жизни. Девушки с андрогинными чертами характера острее переживают состояние эмансипации (достижение определенного уровня автономии, отрицание всего ранее предлагаемого родителями и переосмысление этого). А юноши считают оправданным половые отношения до достижения совершеннолетия. Удалось выяснить влияние средств массовой информации и установок родителей на взгляды и юношей, и девушек-подростков в определении причин обучения в школе и представлений относительно будущей профессии и семьи.

Подводя итог всему сказанному, отметим, что нам удалось связать ценностные ориентации мальчиков и девочек с гендерными стереотипами и обнаружить различия между ними: так, у мальчиков, в общем и целом, наблюдается приоритет к утверждению собственного статуса, удовлетворению потребностей в признании и уважении; девочки же больше ориентированы на будущее и самосовершенствование. Помимо всего прочего, необходимо отметить, что мы смогли более широко охватить проблему гендерных особенностей старших школьников и расширить знания в этой области.

Ван С.М.

Изучение адаптированности китайских студентов, обучающихся в вузах Санкт-Петербурга

В современном мире активно происходит экономическая и политическая интеграция, развиваются средства массовой коммуникации. Все это приводит к постоянным межкультурным контактам на самом разном уровне, в том числе и в сфере профессионального образования. Поэтому особенно актуальными становятся проблемы обеспечения более эффективной адаптации для иностранных студентов, в частности студентов из Китая.

Т. к. психологическая адаптация определяется индивидуальными характеристиками личности и продолжительностью адаптационного процесса, то целью нашего исследования было изучение характеристик личности у китайских студентов, имеющих разную продолжительность обучения в Санкт-Петербурге. Всю выборку составили 39 испытуемых, из которых было выделено две группы: 1-я группа из 20 студентов (10 мужчин и 10 женщин), их время обучения в России составляет меньше 2 лет. 2-я группа — 19 студентов (10 мужчин и 9 женщин) — обучаются в СПб более 2 лет. В исследовании использовались психодиагностические методики, адаптированные в Китае. Респондентам опросники предъявлялись на китайском языке. Этими методиками были: 1. Big five (адаптирована на кит. яз. Zhang Jianxin) — позволяющая изучить меру индивидуальных различий по степени и форме адаптации к социальной среде с учетом биологических свойств индивида. 2. Self-concept (адаптирована на кит. яз. Xin Zhonggui) — изучающая систему представлений индивида о самом себе. Эти представления о себе самом в большей или меньшей степени осознаны и обладают относительной устойчивостью. 3. UPI-University Personality Inventory (адаптирована на кит. яз. Fan Fumin) — исследуется уровень психического здоровья испытуемого. 4. Rotter test (адаптирована на кит. яз. Wang Dengfeng) — позволяет выявить, является ли испытуемый экстравертом или интровертом. Проведен статистический анализ полученных данных и выполнен корреляционный анализ по программе SPSS. Полученные результаты выявили, что имеет место тесная связь между показателями, полученными по 3 методикам (Big five, Self-concept и UPI).

Анализ полученных результатов. 1. Полученные показатели выявили, что у всех респондентов — китайских студентов, адаптирующихся к образовательной среде российских вузов, средний уровень показателей по изучаемым характеристикам. Рассмотрим результаты. 1. В первой и второй группах на основании показателей, полученных по методике Big five, констатируется высокий уровень адаптированности (74.47 и 77.21). 2. Изучение уровня

психического здоровья (UPI) у студентов из Китая показало, что по средним значениям показатели в двух группах имеют небольшие различия (1.84 и 2.21), с тенденцией лучших показателей во второй группе. 3. Исследование самооценки (Self-concept) выявило, что уровень самооценки у студентов 2-й группы несколько выше (262.16; 272.21). 4. Изучение направленности контроля личности (Rotter test) показало, что в первой группе преобладает тенденция к интроверсии, а во второй — к экстраверсии (1.42; 1.74). Значимые различия по признаку гендера в сравниваемых группах не выявлены. Далее рассмотрим результаты корреляционного анализа полученных данных. В первой группе уровень адаптированности связан с уровнем психического здоровья: 0.800 ($p < 0.01$) и уровнем самооценки: 0.772 ($p < 0.01$). Констатируется высокая степень связи между характеристиками «Уровень психического здоровья» и «Уровень самооценки»: 0.945 ($p < 0.01$). Характеристики, выявленные посредством Rotter test, имеют низкую степень корреляционной взаимосвязи с другими исследуемыми характеристиками. Во второй группе также были выявлены тесные связи между показателями адаптированности, психического здоровья и самооценкой: 0.880 ($p < 0.01$), 0.623 ($p < 0.01$), 0.788 ($p < 0.01$).

Таким образом, выполненное исследование констатировало, что показатели адаптированности, уровня психического здоровья и самооценки в двух сравниваемых группах статистически не различаются, что позволяет утверждать: продолжительность адаптационного процесса (меньше 2 лет и более 2 лет) на психологических характеристиках китайских студентов, обучающихся в вузах С.-Петербурга, не отражается.

Василенко Ю.А.

Проблема процесса переживания «потока» у подростков интернет-аддиктов

В условиях современного мира огромное влияние на жизнедеятельность подростков оказывают интернет-технологии. Они расширяют зоны общения с друзьями, позволяют осуществлять навигации по различным сайтам в поисках полезной информации, необходимой для получения и расширения знаний. Однако, несмотря на наличие положительных моментов влияния интернет-технологий на подростков (Пережогин Л.О., 2003), необходимо отметить тот факт, что Интернет оказывает и негативное воздействие на жизнедеятельность и здоровье подростков. Поскольку в этом возрасте происходит формирование процессов саморегуляции и самосознания, подростки еще не способны контролировать и регулировать правильно

свою деятельность, дифференцировать ее по степени важности, выбирать наиболее приоритетную для себя. Вследствие чего подростки более подвержены личностным деформациям и интернет-зависимости. В исследованиях Н.В. Чудовой было выявлено, что для интернет-зависимых подростков характерно наличие внутренних мотивов, побуждающих к деятельности; склонность к интеллектуализации; чувство одиночества; низкая агрессивность; эмоциональная напряженность и некоторая склонность к негативизму; искаженное чувство времени; наличие фрустрированных потребностей; склонность к избеганию проблем и ответственности (Чудова Н.В., 2002). Некоторые из этих характеристик сходны в описании с проявлением феномена «потока», впервые описанным в 1975 г. американским психологом Михай Чиксейнтмихайи. Под данным понятием он понимает специфическое состояние поглощенности деятельностью, в котором действие следует за действием согласно своей внутренней логике, а результат деятельности отходит в сознании субъекта на второй план. При этом поведение полностью захватывает субъекта, он выполняет его с радостью и удовольствием, не заботясь о конечном результате своих действий (Войсункский А.Е., Смылова О.В., 2003).

Анализ теоретической литературы по феномену «потока» позволил нам установить его основные характеристики. Генри А. Мюррей говорит о потоке активности и рассматривает ее как подлинную единицу темы. Темой он называет содержательное скрещивание взаимодействия между потребностью со стороны личности и давлением со стороны ситуации (Хекхаузен Х., 2003). Михай Чиксейнтмихайи говорит о поглощенности деятельностью и относит феномен к теориям внутренней мотивации (Дормашов Ю.Б., Романов В.Я., 1995, Хекхаузен Х., 2003). Предполагая причины, обуславливающие феномен «потока», автор говорит о сознательных переживаниях, возникающих в ходе деятельности. Он также говорит о наслаждении. Таким образом, Чиксейнтмихайи выходит на совокупность переживаний, которые сопровождают и одновременно мотивируют деятельность. Эта активность субъекта, существующая вне зависимости от внешних подкреплений, получила название аутоотелического (несущего цель в самом себе) опыта. Чиксейнтмихайи рассматривает «поток» как аутоотелический опыт в целом: это процесс, это состояние потока и это переживание непрерывного протекания феномена (Дормашов Ю.Б., Романов В.Я., 1995). А. Макалатия, опираясь на исследования ведущих специалистов в этой области, отмечает следующее. Опыт потока, как внутренняя мотивация, приносящая наслаждение, может быть активностью не только развлекательного характера, игрового либо досугового. При определенных условиях это может быть любая деятельность, в том числе и трудовая. Исследования показали, что описываемые переживания в

целом имели сходную структуру и много общих элементов. Автор отмечает, что в опыт потока включены следующие элементы: баланс требований и умений; чувство контроля своих действий и окружения; ясные цели или требования к действиям и быстрая, недвусмысленная обратная связь; «отсутствие Я»; высокая степень концентрации внимания; аутоотличность, т. е. наличие внутренних наград в самом опыте (Макалатия А., 2013). Изучение опыта «потока» в деятельности, опосредованной интернетом, уже существует в ряде исследований отечественных и зарубежных специалистов. В отечественной психологии придерживаются данного подхода А.Е. Войскунский, О.Е. Смылова, Ю.Б. Дормашев, Ш.Л. Ван, А.Г. Макалатия, А.А. Аветисова и др. В зарубежной психологии изучением данного феномена в рамках концепции опыта потока занимались Дж. Репман, М. Массимини, Д. Хоффман, К. Мак-Кенн, Т. Новак, М. Чиксентмихайи и др. Несмотря на это, данная проблема остается актуальной в наше время, т. к. некоторые ее аспекты еще не достаточно изучены и требуют более детального ее рассмотрения.

Данилова Ю.Ю.

Особенности проявления доверия к себе у воспитанников детского дома

Доверие как социально-психологическое явление включает установки человека по отношению к себе и другим, к своему жизненному опыту, понимание своих эмоций, чувств других людей, способность к самораскрытию (Т.П. Скрипкина, С. Джулард, К. Роджерс и др.). Исследования доверия в основном проведены на взрослых выборках, и недостаточно изученным остается онтогенетический аспект формирования доверия.

Наше исследование посвящено изучению доверия в подростковом возрасте в контексте ситуации развития личности. В пилотажном исследовании принимали участие респонденты в возрасте 14–16 лет, всего 100 человек (60 подростков, воспитывающихся в семьях, и 40 воспитанников детского дома), и были применены методики: авторская анкета, содержащая вопросы о семье, о взглядах подростка на свою жизнь, и опросник уровня доверия к себе (Т.П. Скрипкиной). Анализ анкеты показал, что все подростки отмечают наличие всех необходимых для своей жизнедеятельности условий, однако подростки детского дома, в отличие от сверстников из семей, чувствуют себя менее благополучными и чаще высказывают сожаления о том, как складывается их жизнь ($p \leq 0,01$). Изучение уровня доверия к себе (данные приведены в баллах) показало, что у подростков, воспитывающихся в семье, наиболее ярко выражено доверие к себе в умении интересно провести досуг (4,38),

в интеллектуальной деятельности (4,25), в отношениях с родителями (4,24) и в семье в целом (4,27). Наименьшие показатели получены по параметрам доверия к себе во взаимоотношениях с представителями противоположного пола (3,73) и младшими школьниками (3,86). Воспитанники детского дома проявляют доверие к себе в отношениях с друзьями (4,34) и маленькими детьми (4,15), меньше всего они доверяют себе в умении выстраивать отношения с родителями (3,26), в интеллектуальной деятельности (3,42) и в умении интересно провести досуг (3,53). Сравнительный анализ обнаружил высокую степень достоверности различий ($p \leq 0,01$) между группами в уровне доверия к себе в интеллектуальной деятельности, в умении провести свободное время и в доверии с родителями. Изучение взаимосвязей семейных факторов с показателями доверия к себе показало, что наибольшее количество связей с показателями доверия обнаружили факторы наличия семьи, ее количественного состава, типа воспитания, наличия сиблингов. Показатель наличия семьи образовал 4 положительных связи: с доверием в учебной деятельности ($p < 0,05$), с доверием в интеллектуальной деятельности, в проведении досуга и в отношениях с родителями (все три связи достоверны при $p < 0,01$). Показатель состава семьи обнаружил 7 прямых связей: с показателями доверия в учебной деятельности ($p < 0,01$), в интеллектуальной деятельности ($p < 0,01$), в проведении досуга ($p < 0,01$), с доверием в различных видах отношений: с младшими школьниками ($p < 0,05$), с учителями, с родителями (обе связи $p < 0,01$), с доверием к семье в целом ($p < 0,05$). Критерий строгости воспитания обнаружил 3 положительные связи ($p < 0,05$) с показателями доверия к себе: чем строже воспитывался подросток, тем выше показатель доверия в умении взаимодействовать как в семье в целом, так и в отношениях с родителями и с младшими школьниками.

Таким образом, подростки наиболее уверенно ориентируются в определении тех аспектов доверия, которые отражают содержание возрастных задач (налаживание дружеских взаимодействий со сверстниками, группирование по интересам) и сферы уже оформившихся взаимодействий в семье. Наименее доверяют они себе в тех областях жизни, которые, в связи с возрастной спецификой комплекса взрослости, подвержены наибольшим изменениям: перестройка взаимоотношений с учителями и трансформация детских представлений и взаимоотношений с более младшими, а также взаимоотношения с противоположным полом. При этом у подростков, испытывающих различные виды депривации и переживших травму расставания с родителями, показатели доверия к себе ниже, чем у подростков из семей именно в этих сферах жизни. Они не уверены в том, что могут правильно выстраивать взаимоотношения с родителями, не верят в свои интеллектуальные способности, затрудняются в организации свободного времени.

Изучение взаимосвязей семейных факторов с показателями доверия в целом подтвердило результаты, полученные при анализе межгрупповых различий, а также показало важность для формирования доверия к себе таких факторов, как наличие семьи, роль и авторитет родителей, которых оказываются лишены дети и подростки, воспитывающиеся в детских домах и интернатах.

Демина Д.С.

Психолого-педагогическое сопровождение в спортивной деятельности

Психолого-педагогическое сопровождение — это целостная, системно организованная деятельность, в процессе которой создаются социально-психологические и педагогические условия для успешного обучения и развития личности ребенка. В содержательном аспекте психолого-педагогическое сопровождение в спортивной деятельности представляет собой систему целенаправленных, взаимосвязанных, прогностических, психокоррекционных, психотерапевтических воздействий, включенных в систему деятельности.

В результате эмпирического исследования нами были выявлены психолого-педагогические условия и индивидуально-личностные факторы успешности спортивной деятельности в индивидуальных и групповых видах спорта. В качестве индивидуально-личностных факторов успешности спортивной деятельности выступают такие волевые качества, как целеустремленность, настойчивость и упорство, самостоятельность и инициативность; высокий уровень нервно-психического напряжения, характеризующий состояние мобилизационной готовности; а также общий уровень саморегуляции поведения. В качестве психолого-педагогических условий успешности спортивной деятельности выступают характер и стиль взаимодействия, ролевые установки в системе «спортсмен-лидер» («тренер-лидер», «тренер-исполнитель»), а также негативные психолого-педагогические установки на тренировку и на результат деятельности (на победу и на поражение). На основании выявленных факторов успешности спортивной деятельности в индивидуальных и групповых видах спорта предлагается программа психолого-педагогического сопровождения, отражающая соотношение тактических и стратегических задач. В качестве объекта программы психолого-педагогического сопровождения выступает психолого-педагогическое взаимодействие в системах «спортсмен-тренер», «спортсмен-спортсмен», «спортсмен-соперник», а именно стиль и характер взаимодействия, ролевые установки. Целью является реализация личностно-ориентирован-

ного содержания психолого-педагогического сопровождения систем взаимодействий спортсменов подросткового возраста «спортсмен-тренер», «спортсмен-спортсмен», «спортсмен-соперник» через оптимизацию регуляторных параметров на уровне эмоционального, волевого и мотивационного блоков.

Основными задачами психолого-педагогического сопровождения спортсменов подросткового возраста в индивидуальных и групповых видах спорта являются: — разработка структуры и содержания основных блоков программы психолого-педагогического сопровождения спортсменов подросткового возраста в индивидуальных и групповых видах спорта; — подборка методического материала, в соответствии с целью, способствующего реализации личностно-ориентированного содержания психолого-педагогического сопровождения систем взаимодействий спортсменов подросткового возраста «спортсмен-тренер», «спортсмен-спортсмен», «спортсмен-соперник»; — оценка эффективности программы и лежащих в ее основе научных положений и гипотез исследования.

Стратегические задачи: 1. Формирование и структуризация адекватной системы ролевых представлений спортсменов с целью повышения эффективности реализации спортивной деятельности. 2. Формирование соответствующих характеру и содержанию деятельности системы социально-психологических установок спортсменов. 3. Оптимизация характера и стиля психолого-педагогического взаимодействия в системах «спортсмен-тренер», «спортсмен-спортсмен», «спортсмен-соперник» с целью повышения успешности спортивной деятельности.

Тактические задачи: 1. Оптимизация мотивации достижения спортсменов в индивидуальных и групповых видах спорта через актуализацию как можно большего количества мотивов, побуждающих спортивную деятельность. 2. Оптимизация уровня нервно-психического напряжения, характеризующего состояние мобилизационной готовности спортсменов в индивидуальных и групповых видах спорта. Повышение уровня волевого самоконтроля, саморегуляции поведения и волевых качеств спортсменов в индивидуальных и групповых видах спорта.

Программа психолого-педагогического сопровождения осуществлялась на спортивных базах, где тренируются спортсмены (на базе спортивных школ г. Курска, г. Адлера, г. Сочи) в период 2009–2011 гг. два раза в неделю, длительностью 1,5 часа. Программа психологического сопровождения реализовывалась с группами неуспешных спортсменов: теннисистов и футболистов. В группу неуспешных спортсменов теннисистов вошли 43 подростка. Группа неуспешных спортсменов футболистов представлена 42 подростками.

Денисова Ю.В.

Социально-психологические факторы подросткового эскапизма

Эскапизм — это социально-психологический феномен, предполагающий избегание травмирующей ситуации, а иногда и других ситуаций, вызывающих ассоциации с основной проблемой (Линде Н.Д., 2002). Понятие эскапизма многопланово, и, на наш взгляд, не достаточно свести его к словосочетанию «бегство от действительности». Эскапизм в подростковом возрасте — явление не достаточно изученное и не в полной мере рассмотренное в научной литературе. Данный феномен требует пристального внимания со стороны специалистов различных профессий. Актуальность данной проблемы определяется прежде всего тем, что в настоящее время в подростковом возрасте наблюдается тенденция к увеличению случаев возникновения и развития феномена эскапизма. Действительно, увеличение времени досуга, а также развитие информационных технологий способствует возникновению кокона «гиперреальности» (Лишаев С.А., 2007), который перерождается в бегство человека от общепризнанных моральных стандартов и стереотипов общественной жизни (Подоль Р.Я., 2010). Также наблюдаются различные трансформации эскапизма: «бегство в тело», «в болезнь», «в контакты» и «в одиночество» (Пезешкиан Н., 1995). Каждый вид ухода от реальности характеризуется своими особенностями и имеет специфические причины возникновения. Среди факторов эскапизма выделяют следующие: «желание быть значительным», застенчивость, дефицит общения, развитие массовой культуры, несформированность базовой установки доверия к миру и т. д. Но особенности влияния этих факторов на возникновение эффектов эскапизма изучены недостаточно. Именно данная цель легла в основу нашей работы. Таким образом, цель нашего исследования — изучить влияние социально-психологических факторов на развитие эскапизма у подростков. Выбор подросткового возраста для исследования явления ухода от реальности объясняется тем, что: во-первых, именно на данном возрастном этапе человек ищет свое место в мире, что нередко приводит подростка не только в разные секты, но также и в различные подростковые субкультуры. Во-вторых, подростковый возраст является сенситивным к развитию эскапизма по причине того, что подростки, вступая в неформальные группы, пытаются изжить зависимость от семьи, обрести самость и, таким образом, достичь иллюзии силы. Таким образом, явление эскапизма в связи со своей особой актуальностью требует детального рассмотрения.

В качестве диагностического инструментария мы планируем использовать: методику диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, тест руки Вагнера, методику Дж.Б. Роттера «Шкала

межличностного доверия», а также методику «Вера в людей» М. Розенберга. Это позволит нам изучить уровень эскапизма, а также сформированность базовой установки доверия к миру у подростков. После чего мы выявим взаимосвязи социально-психологических факторов с развитием эскапистского сознания.

Закирова Д.А.

Образ Я и самооценка младших подростков в связи со структурой семьи

Подростковый возраст — это возраст активного развития Я-концепции, при этом решающую роль в ее формировании играют семейные факторы. Влияние sibлинговой позиции на формирование ребенка отмечал еще А. Адлер, в дальнейшем это направление развивали многие авторы, в том числе М. Боуэн. Однако современных эмпирических исследований на данную тему, особенно проведенных в нашей стране, недостаточно.

Целью нашего исследования является изучение образа Я и самооценки младших подростков в связи со структурными характеристиками семьи (семейный статус, наличие sibлингов, порядок рождения). Гипотеза нашего исследования: структурные характеристики семьи оказывают влияние на образ Я и самооценку младших подростков. Выборку исследования составили ученики четвертых и пятых классов (возраст 10–12 лет) из общеобразовательной школы № 6 г. Екатеринбурга и дети, посещающие занятия в Центре тренинга и консультирования «12 коллегий». Всего в исследовании приняло участие 70 подростков: 40 учеников 4-х классов и 20 учеников 5-х классов; 35 мальчиков и 35 девочек. 17 подростков, принявших участие в исследовании, являются единственными детьми, 26 — первенцами, 14 — вторыми и 13 третьими детьми в семье. Для исследования Я-концепции и самооценки у младших подростков использовались следующие методики: методика Куна «Кто я?»; рисуночный тест «Несуществующее животное»; методика исследования самооценки Дембо — Рубинштейн. Из методов статистики применялись многофакторный дисперсионный и корреляционный анализы.

Проведенное исследование выявило, что с увеличением порядка рождения в образе Я растет значимость категории «отношения» (по методике Куна, $p < 0,05$). Т. е. вторым, а особенно третьим детям в семье более свойственно описывать себя через отношения с другими людьми. Аналогичные данные получены и в связи с фактором количества детей в семье ($p < 0,01$). Значимых различий в образе Я у подростков из полных и неполных семей

не выявлено. Что касается самооценки и уровня притязаний (по методике Дембо — Рубинштейн), то значимых различий по этим показателям в связи с порядком рождения не выявлено. В то же время дисперсионный анализ выявил влияние фактора количества детей в семье на разницу в самооценке и уровню притязаний по параметру «счастье» ($p < 0,05$). Так, ближе всего к желаемому оценивают свое счастье подростки из семей с тремя и более детьми, затем единственные дети, а наиболее далеки от желаемого состояния дети из двухдетных семей. Неожиданным оказалось, что подростки из неполных семей выше оценивают свою внешнюю привлекательность и у них меньше разница между реальной и желаемой оценками по этой шкале ($p < 0,05$). Значимых различий в самооценке у подростков по рисуночному тесту «Несуществующее животное» не выявлено. Что касается личностных особенностей детей, выявленных с помощью этого теста, то на уровне статистической тенденции агрессивность в связи с количеством детей растет, а инфантильность уменьшается. В структуре взаимосвязей показателей образа Я, самооценки и уровня притязаний у единственных детей в семье системообразующими являются объективные характеристики образа Я. У первых детей в семье системообразующим является уровень притязаний по шкале «умственные способности», у вторых и последующих детей наибольшее количество взаимосвязей имеют субъективные характеристики образа Я.

Таким образом, в целом гипотеза нашего исследования подтвердилась — выявлены некоторые различия в образе Я и самооценке у подростков в связи с факторами структуры семьи. В образе Я у вторых и третьих детей в семье большую роль играют отношения с другими людьми, в структуре их Я-концепции системообразующими являются субъективные характеристики. Можно говорить о том, что подростки в двухдетных семьях характеризуются наименее благоприятным эмоциональным фоном (по самооценке счастья) по сравнению с единственными детьми и детьми из многодетных семей. Однако полученные данные требуют дальнейших уточнений.

*Ивутина Е.П.
Виноградова Е.М.*

Взаимосвязь ответственности и саморегуляции поведения в юношеском возрасте

Проблема осуществления свободного выбора и несение в связи с этим личной ответственности приобретает в современном мире особую значимость. Сегодня изменились требования, предъявляемые к молодому чело-

веку и, в частности, к молодому специалисту, который должен быть не только творческой, инициативной и коммуникабельной личностью, но, прежде всего, обладать высокой ответственностью за себя, окружающих и дело. Особое значение развитие ответственности имеет для юношеского возраста. Именно в этот период человек сталкивается с необходимостью решать важнейшие для всей последующей жизни задачи: определение жизненных приоритетов, выбор направления своего профессионального и личностного пути. Обеспечить правильность принятого в юношеском возрасте решения призваны готовность и способность человека не только делать выбор, но и нести в последующем за него ответственность. В современной психологической науке имеется ряд относительно самостоятельных направлений в изучении ответственности: ответственность, как нравственная категория (Л. Кольберг, Ж. Пиаже, Ж.-П. Сартр и др.), соотношение свободы и ответственности (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, А.Ф. Плахотный, К. Роджерс и др.), системный подход к изучению ответственности (А.И. Крупнов, В.П. Прядеин и др.), ответственность с позиции каузальной атрибуции (В.С. Агеев, К. Муздыбаев), соотношение социальной и личной ответственности (А. Адлер, Р. Мэй, А.Г. Спиркин), становление и воспитание ответственности (З.Н. Борисова, М.В. Борцова, В.С. Мухина и др.).

Методы исследования: опросник В.П. Прядеина «Ответственность»; опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения»; «Тест незавершенных предложений». Всего в исследовании приняли участие 85 человек в возрасте 16–18 лет. Опросник В.П. Прядеина «Ответственность» позволяет исследовать следующие компоненты ответственности: динамический, мотивационный, когнитивный, результативный, эмоциональный и регуляторный. С помощью критерия Манна–Уитни было выявлено, что между юношами и девушками в общем уровне ответственности существенных различий нет. Но их показатели различаются по следующим шкалам — когнитивная осмысленность и результативная предметность (по уровню значимости $p \leq 0,05$). У девушек по этим шкалам показатели выше. Можно сказать, что девушки более полно схватывают стержневую основу ответственности, стремятся к высоким результатам при выполнении коллективных дел. Также с помощью критерия Манна–Уитни было выявлено, что между учащимися 9-х и 11-х классов нет существенных различий в общем уровне ответственности. Но у учащихся 11-го класса более развиты такие компоненты ответственности, как когнитивная осмысленность, предметная результативность и регуляторная интернальность (по уровню значимости $p \leq 0,05$). Т. е. к 11-му классу юноши и девушки становятся более самокритичными и независимыми при выполнении ответственных дел. Используя методику «Стиль саморегуляции поведения», мы выявили высокие показатели сформирован-

ности общего уровня саморегуляции у 16% испытуемых, 53% — средние, 31% имеют низкие показатели. С помощью критерия Манна–Уитни было выявлено, что между юношами и девушками нет существенных различий в общем уровне саморегуляции. Но у девушек выше баллы по таким шкалам, как самостоятельность и гибкость (по уровню значимости $p \leq 0,05$). Можно сделать вывод о более высоком уровне пластичности всех регуляторных процессов у девушек. Значительная связь прослеживается между общим уровнем ответственности и общим уровнем саморегуляции, а также общим уровнем ответственности и такими шкалами, как планирование, программирование, оценка результатов и самостоятельность (ранговый коэффициент корреляции Спирмена).

Анализ результатов эмпирического исследования позволил нам сделать вывод, что между ответственностью и саморегуляцией личности в юношеском возрасте существует взаимосвязь. Все гармоничные составляющие компоненты ответственности имеют значимые связи с общим уровнем саморегуляции поведения, что подтверждает гипотезу о связи саморегуляции и ответственности. Развитие саморегуляции предполагает формирование самостоятельности, инициативности и ответственности. Агармоничные составляющие ответственности, напротив, имеют отрицательную связь с общим уровнем и отдельными шкалами саморегуляции поведения в юношеском возрасте. На основании проведенного исследования были разработаны практические рекомендации, направленные на развитие ответственности и саморегуляции в юношеском возрасте.

Кагермазова Л.Ц.

Межкультурная коммуникация — формирование этнической толерантности студентов

Особенности современного этапа социально-культурной истории таковы, что на рубеже XX–XXI веков проблема толерантности приобрела особую актуальность — в общем контексте процессов глобализации, нарастающего конфликта культур, цивилизации и идентичностей, появления новых форм экстремизма и нетерпимости (политических, религиозных и даже экологических). В значительной мере это обусловлено тем, что процессы глобализации, подстегивая, с одной стороны, технологический и экономический прогресс, в то же время вызывают активное сопротивление этнических сообществ, поскольку эти процессы сопровождаются унификацией культур, угрожая перспективам этнокультурного разнообразия (Абакумова И.В., 1989). Естественно, что международная практика рассма-

тривает толерантность в качестве необходимого условия сосуществования и общения людей разных культур, этнических и межконфессиональных сообществ. Это нашло отражение в Декларации принципов толерантности, подписанной 185 государствами — членами ЮНЕСКО (включая и Россию) и фиксирующей, что «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание всего многообразия культур, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности» (Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц., 2011). Утверждению идеалов и практики толерантности призван содействовать, как уже отмечалось, диалог культур — ключевой способ познания других, путь к взаимному принятию и духовному обогащению. В связи с этим принцип диалога культур следует рассматривать как один из основополагающих для современного образования, разумеется, подчинив этой идее (принципу) структуру и содержание гуманитарного образования в школе и вузе. Образование, обеспечивая механизм трансляции культурных смыслов, призвано обеспечить и интеграционные процессы, заложить основы для понимания и общения с другими культурами, нацеливать на умение поддерживать и развивать диалог культур. Этим задачам как нельзя лучше отвечает процесс этнопедагогизации школы и вуза, в ходе которой оптимально решаются задачи кросс-культурного образования, формирования культуры межнациональных отношений, воспитания межэтнической толерантности. Но при этом нужно учитывать психологический аспект — психологическое, внутриличностное содержание феномена толерантности, без понимания которого, а также соответствующих условий и механизмов его развития, хотя бы в самом общем виде, трудно ожидать создания эффективных стратегий формирования толерантности в процессах образования.

Целью данного исследования и стала проблема формирования межэтнической толерантности студентов через смыслотехнологию — межкультурная коммуникация (диалог культур). В этом контексте, как уже подчеркивалось, принципиально важно осуществление психолого-педагогической работы с подрастающим поколением по формированию толерантности, ориентированной на обеспечение устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами. Как известно, влияние образования на нравственное развитие юношеского возраста осуществляется прежде всего через действие идентификации, подражания, внушения, конформности. Поэтому доминирующим направлением в решении задач воспитания толерантности должна быть ориентация личности на духовные ценности. В этом контексте вузовский процесс может считаться успешным лишь в том случае, если формирование профессиональных качеств студента базируется на идеях, принципах и механизмах гуманизма и толерантности. Таковы и принци-

пиальные установки курса «Искусство общения и достижение согласия», который читается в Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х.М. Бербекова с 2010 г. Преимущество читаемого курса перед аналогичными состоит в том, что данный курс ставит своей целью: формирование этнической толерантности студенческой молодежи в процессе межкультурного общения, когнитивной основы этнотолерантного сознания в процессе повышения межэтнической информированности студентов. Таким образом, посредством специально разработанных социально-психологических технологий преподаватели, студенты в ходе тренингов толерантности и социальной компетентности научаются разрешать конфликтные ситуации, вести переговоры, вставая на позиции противоборствующих сторон и пытаясь увидеть мир глазами «Другого».

Коминч О.В.

Динамика защитных механизмов и потребности личности в самопознании

Психологическая защита представляет собой социальную регулятивную систему стабилизации личности, направленную на устранение или сведение до минимума чувства тревоги, связанного с осознанием конфликта (Штроо В.А., 1998.). Цель использования защитных механизмов — снижение эмоциональной напряженности, связанной с конфликтом, и предотвращение дезорганизации психики, поведения и сознания. Взаимоотношения между личностью и защитными механизмами носят внутренний и взаимный характер: механизмы защищают личность, а структура личности определяет, какие именно механизмы будут использованы для защиты (Александрова А.В., 1991). Только благодаря осознанию своей индивидуальности возникает особая функция самосознания — защитная — стремление защитить свою индивидуальность от угрозы ее нивелирования. Потребность в самопознании — побуждение личности к процессу изучения себя, возникающее в результате противоречия между имеющимся и возможным знанием своих физических, личностных и социальных качеств, моделей поведения (Журбин В.И., 1990). Специфика описываемого феномена объясняется его нахождением в поле зрения двух фундаментальных проблем: психологии потребностей и психологии самосознания. От степени выраженности потребности в самопознании зависит эффективность самореализации и самоактуализации человека во всех сферах жизнедеятельности (Калашник А.В., 2009). Самопознание выступает как потребность личности в подростковый период онтогенеза. Причиной актуализации данной потребности в данном возрасте

является переживание внутренних противоречий между «Я реальным» и «Я идеальным». Наиболее важным периодом развития, на который приходится основной «кризис идентичности», является юношеский возраст. За ним следует либо обретение взрослой идентичности, либо задержка в развитии, обусловленная действием защитных механизмов личности. Одновременно с этим в юности своего максимума достигает интенсивность потребности в самопознании, сопровождающая процессы самоопределения и самоосуществления (Калашник А.В., 2012).

В исследовании по рассматриваемой проблеме приняли участие 63 учащихся 8-ых классов гимназии № 11 г. Минска и 58 студентов 4-го курса физического факультета БГПУ им. М. Танка. Для получения информации о потребности в самопознании была использована методика А.В. Калашник «Уровень выраженности потребности в самопознании», а для измерения степени применения испытуемыми различных механизмов защиты — тест-опросник механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х.Р. Конте (в адаптации Е.С. Романовой и Г.Р. Гребенникова). По результатам исследования у 7% испытуемых юношеского возраста выявлен высокий уровень потребности в самопознании, у 74% — средний, у 19% — низкий. Испытуемые подростки продемонстрировали следующие показатели потребности в познании себя: высокий — 2%, средний — 71%, низкий — 25%, очень низкий — 2%. Таким образом, различные этапы онтогенеза характеризуются значимыми изменениями в интенсивности потребности в самопознании, которые проявляются в ее увеличении при переходе от подросткового к юношескому возрасту. У 66% студентов уровень общей напряженности защит превышает 50%-ный порог, что свидетельствует о наличии у них реально существующих неразрешенных внешних и внутренних конфликтов, тогда как у учащихся ОНЗ больше 50% у 51%. Статистический анализ эмпирических данных, проведенный с помощью U-критерия Манна-Уитни, подтвердил, что существуют значимые различия в ОНЗ и уровне напряженности проекции (у юношей выше, чем у подростков). Корреляционный анализ, проведенный с помощью критерия Спирмена, показал, что существует динамика во взаимосвязи между различными психологическими защитами и потребностью в самопознании. Так, у юношей была выявлена прямая взаимосвязь уровня потребности в самопознании с интеллектуализацией и отрицанием, а обратная — с регрессией. У подростков выявлена прямая взаимосвязь уровня потребности в самопознании с отрицанием, а обратная — с замещением. В подростковом возрасте различия в использовании защитных механизмов проявляются в том, что мальчики чаще девочек прибегают к подавлению. В юношеском возрасте различия становятся более четкими:

парни чаще девушек используют подавление, а девушки чаще — регрессию и реактивное образование. Половые различия в УВПС и соотношении ее компонентов выявлены следующие: в подростковом возрасте уровень конгруэнтности в самопознании выше у мальчиков, а направленность на самопознание выше у девочек.

Кострова М.А.

Эффективность психологического консультирования школьников-подростков

Каждый человек в течение своей жизни сталкивается с проблемными ситуациями, различными неприятностями. Они могут возникать у человека на любом этапе его жизненного пути, но именно подростковый возраст характеризуется возникновением огромнейшего количества внутренних противоречий, межличностных конфликтов. Подростковый возраст — это период развития детей от 11–12 до 15–16 лет. Подростковый возраст является особым периодом в жизни человека, где наиболее сконцентрированы конфликты, часто приводящие к различным поведенческим отклонениям, таким как делинквентность, агрессивное поведение, наркомания, суициды. Исходя из этого можно заключить, что проведение серии психологических консультаций для детей подросткового возраста является весьма полезным и целесообразным делом.

Было проведено индивидуальное психологическое консультирование 30 школьников общеобразовательной школы Ленинградской области. Непосредственно перед консультацией школьникам предлагалось пройти ряд психодиагностических методик, а именно: тест оценки школьной тревожности Филлипса, методика «САН», АСС и цветовой тест Люшера. Сразу после завершения консультации школьникам нужно было пройти те же методики, что и в начале. Затем при помощи метода параметрической статистики, точнее, при помощи параметрического *t*-критерия Стьюдента, был произведен сравнительный анализ результатов по методикам до консультации и после консультации. В качестве предмета данного исследования выступали тревожность школьников и их эмоциональные состояния.

Цель: изучение эффективности индивидуального психологического консультирования подростков. Задачи: 1. Изучить влияние консультативного процесса на уровень тревожности школьника. 2. Изучить влияние консультативного процесса на эмоциональные характеристики школьника. 3. Изучить влияние консультативного процесса на активность и самочувствие школьника. 4. Изучить устойчивость результатов, полученных в ходе

психологического консультирования. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что дети являются самой незащищенной частью нашего общества, и глобальные катаклизмы и повседневные стрессы отрицательно сказываются на их психике. И если теоретические аспекты оказания психологической помощи взрослому населению в настоящее время уже достаточно разработаны, то проблема консультирования детей и подростков изучена недостаточно. В ходе данного исследования была изучена эффективность индивидуального психологического консультирования подростков, учащихся в общеобразовательной школе и устойчивость результатов, полученных в ходе консультаций. Было изучено, насколько индивидуальное психологическое консультирование влияет на различные характеристики школьника, влияет ли вообще и насколько устойчивыми являются полученные изменения.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы: 1. Проведение индивидуального психологического консультирования благоприятно влияет на такую характеристику школьника, как его тревожность. Об этом свидетельствуют результаты, из которых следует, что в ходе консультации понизились некоторые виды тревожности: переживание социального стресса (при $p \leq 0,001$), страх самовыражения (при $p \leq 0,001$), страх не соответствовать ожиданиям окружающих (при $p \leq 0,01$). 2. Консультативный процесс положительно влияет на эмоциональные характеристики школьника. По методике САН выявлено, что процесс консультации способствовал повышению настроения у школьников (при $p \leq 0,001$). Результаты по методике Люшера также свидетельствуют о том, что в ходе проведения индивидуального психологического консультирования у школьников повышался общий эмоциональный фон (при $p \leq 0,001$). 3. По результатам исследования выявлено, что индивидуальное психологическое консультирование положительно влияет на такие характеристики школьника, как самочувствие (при $p \leq 0,01$) и активность (при $p \leq 0,05$). 4. Изменения, полученные в результате воздействия индивидуальной консультации, являются достаточно устойчивыми. Это можно заключить исходя из того, что между данными двух психодиагностических срезов (проведенным сразу после консультации и проведенным через две недели) статистически значимые различия обнаружены по шкале вегетативный коэффициент (при $p \leq 0,01$). Исходя из всего вышесказанного, можно подытожить, что проведение индивидуального психологического консультирования школьникам приносит положительные результаты и является весьма полезной и целесообразной частью работы школьного психолога.

Кравчик К.Б.

Проблемные сферы старших подростков в связи с их личностными характеристиками

В данном исследовании изучалось переживание трудных ситуаций в связи с личностными особенностями и копинг-стратегиями у старших подростков, обучающихся в разных типах образовательных учреждений (Академической гимназии СПбГУ, средней школы № 510 и учащихся первого курса техникума (ЭМПЛ № 2)). Всего в исследовании приняли участие 98 человек в возрасте 15–16 лет. В исследовании изучалась специфика проблем, которые переживаются учащимися из разных образовательных учреждений, и взаимосвязь переживаний проблемных ситуаций со смысловыми ориентациями, самоотношением, а также какие способы совладания с проблемами характерны для представителей каждой из этих выборок. По результатам исследования было обнаружено, что специфика переживаний проблемных ситуаций у старших подростков наблюдается не только в связи с типом образовательной системы, но также и по полу. Наибольшие отличия от старшекласников разных исследуемых групп были выявлены у девушек, обучающихся в техникуме. Исследование также показало, что в каждой из изучаемых выборок имеется своя специфика преодоления проблемных ситуаций, а также переживание проблемных ситуаций в каждой из них связано с разными личностными особенностями. Изучение наиболее значимых проблемных ситуаций показало, что учащиеся средней школы больше всего беспокоят проблемы, связанные со школой и будущим, одаренных старшекласников больше всего волнуют проблемы, связанные с будущим, а вот учащиеся техникума оценивают как наиболее острые те проблемные ситуации, что связаны со взаимодействием со сверстниками, и проблемы, касающиеся их самих.

Анализ смысловых ориентаций у старших подростков показал, что высокий уровень осмысленности жизни наблюдается у старшекласников, учащихся в Академической гимназии, а наиболее низкий — у старшекласников, обучающихся в средней школе. Изучение особенностей самоотношения показало, что саморегуляция достоверно ниже у учащихся средней школы, а конфликтность — достоверно ниже у одаренных старшекласников. Исследование копинг-стратегий старших подростков показало, что во всех исследуемых выборках наиболее выражены стратегии «самоконтроль» и «положительная переоценка». Анализ различий показал достоверно меньшую выраженность таких неконструктивных копинг-стратегий, как «бегство-избегание», «дистанцирование» и «конфронтационный копинг», у одаренных старшекласников. Анализ совместного влияния

факторов пола и типа образовательного учреждения на выбор различных копинг-стратегий выявил большую выраженность этих факторов у девушек, учащихся в техникуме, по сравнению со всеми другими выборками. Резюмируя, можно заметить, что старшие подростки из Академической гимназии более социально адаптированы, демонстрируют в целом меньше различных проблем, обладают более высоким уровнем осмысленности жизни и реже используют неконструктивные копинг-стратегии. У них меньше выражены гендерные различия, которые в максимальной степени представлены у учащихся техникума. Наибольшая выраженность проблемных сфер и наименьший уровень осмысленности жизни обнаружился у учащихся общеобразовательной школы. Интересным результатом, на наш взгляд, оказалась противоположная по знаку связь параметров осмысленности жизни и проблемных переживаний у учащихся техникума (у которых при более высоком уровне осмысленности жизни отмечается большая выраженность переживаний, связанных с отношениями со сверстниками, противоположным полом и собой) и учащихся средней школы и Академической гимназии (у которых отдельные параметры смысловых ориентаций отрицательно связаны с выраженностью различных переживаний). Можно предположить, что высокий уровень осмысленности жизни, направленность в будущее, удовлетворенность своей жизнью в данной образовательной среде являются фактором, препятствующим установлению отношений со своими сверстниками и противоположным полом.

Кудлаенко О.А.

Суверенность психологического пространства у женатых и холостых мужчин

Психологическое пространство личности это субъективно значимый фрагмент бытия, т. е. существенный, выделяемый из всего богатства проявлений мира и определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека (С.К. Нартова-Бочавер). Психологическое пространство включает физические и психологические явления, с которыми человек отождествляет себя. Суверенность психологического пространства позволяет контролировать взаимодействие в любой жизненной ситуации, осуществлять селекцию внешних явлений, устанавливать пределы личной ответственности и сохранять идентичность личности. Прочные суверенные границы обеспечивают человеку свободу действий, саморегуляцию поведения, осмысленность жизни и психологическое благополучие. Депривированность суверенности проявляется в переживании бессилия, подчиненности, невозможности

отстоять свои границы и приводит к затруднениям в поиске объектов для идентификации. Цель исследования — изучение показателей суверенности психологического пространства (таких как территория, личные вещи, привычки, социальные связи и ценности) у женатых мужчин и у холостяков. Мы предположили, что у холостых мужчин существуют определенные личностные особенности, препятствующие созданию семьи. Недостаток эмпатии, нарциссические черты личности, а также стремление охранять границы своего психологического пространства и готовность мириться с переживанием чувства одиночества могут быть связаны с тем, что они не вступают в брак и остаются холостяками. В исследовании участвовали 57 мужчин, в возрасте от 30 до 57 лет. Средний возраст — 37,8 лет. Первая группа — 30 мужчин, состоящих в официально зарегистрированном браке, вторая — 27 мужчин, никогда не состоявших в браке.

Задачи исследования: Изучить уровень и особенности структуры показателей психологического пространства у женатых мужчин и у холостяков. Определить уровень развития эмпатических способностей у мужчин с различным семейным статусом. Выявить степень субъективного ощущения одиночества у мужчин с различным семейным статусом. Определить выраженность нарциссических черт личности у мужчин с различным семейным статусом. Выделить показатели суверенности психологического пространства, находящиеся во взаимосвязи с показателями эмпатии, нарциссизма и субъективного ощущения одиночества у мужчин с различным семейным статусом. Методики исследования: анкета «Представление о семье», опросник «Суверенность психологического пространства» С.К. Нартовой-Бочавер; методика «Диагностика уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко; Методика субъективного ощущения одиночества Д. Рассела, М. Фергюсона; опросник «Нарциссические черты личности» О.А. Шамшиковой, Н.М. Клепиковой. Анализ полученных данных показал, что, несмотря на то что большинство мужчин обеих групп считают, что семья является самым ценным в жизни человека, по мнению холостых мужчин, брак таит в себе большую опасность, которая состоит в том, что появление партнера приведет к нарушению привычного образа жизни. Женатые мужчины считают, что родительская семья может служить образцом для построения собственной семьи, а мать для них является безусловным образцом во всем. Холостые мужчины, напротив, считают мать «примером того, как жить не нужно» и не хотели бы строить свою семью по образу и подобию семьи родителей. Большинство холостяков сообщили, что разочаровались в отношениях с партнером. У холостых мужчин, в отличие от женатых, наиболее выражена депривированность двух свойств психологического пространства: суверенности привычек ($p \leq 0,05$), и суверенности вкусов и ценностей ($p \leq 0,01$). У мужчин обеих групп уровень эмпатии

несколько снижен. У женатых мужчин лучше выражена способность входить в эмоциональный контакт с окружающими и эмоциональная отзывчивость. Они реже избегают личных контактов, в отличие от холостяков. У холостых мужчин лучше развит интуитивный канал эмпатии ($p \leq 0,05$) и спонтанный интерес к другому. Мужчины обеих групп имеют среднюю степень переживания состояния одиночества. У женатых мужчин более выражена потребность в преувеличении собственных способностей и достижений ($p \leq 0,01$). Они реже оценивают себя критически ($p \leq 0,05$). Холостяки чаще испытывают чувство зависти к окружающим людям. Корреляционный анализ показал, что чем чаще близкие пытались насильственно изменить привычный образ жизни человека, навязывали чуждые ценности, тем чаще человек стремится охранять границы своего психологического пространства.

Летягина Е.Л.
Галимзянова М.В.

Отношение к смерти в связи с субъективными переживаниями детства

Тема смерти всегда обладала особой значимостью для человека. Отношение к смерти двойственно — смерть пугает, но в то же время вызывает интерес. Далеко не всеми смерть воспринимается как что-то естественное, принятие человеком конечности жизни — сложный и важный процесс. Отношение к смерти меняется на протяжении жизни человека, от того, каким оно будет, может зависеть то, к какому итогу придет человек, сможет ли он прийти к осознанию того, что его жизнь имела смысл. Изучением отношения к смерти и ее роли в жизни человека занимались такие исследователи, как С. Проф, Э. Кюблер-Росс, Д.А. Леонтьев, Д. Макленнон, У. Проктор, Д. Темплер, В. Франкл, З. Фрейд, Э. Фромм, Д. Хэлифакс, И. Ялом и др. Множество исследований было направлено на то, чтобы выделить различные виды отношения к смерти, найти различия между ними. Например, Д. Макленнон изучал отрицание смерти, Д. Темплер занимался сравнением отношения к смерти у людей разного возраста, пола и уровня религиозности (McLennan J., 1992, Templer D.J., 1970).

Новизной нашего исследования является то, что отношение к смерти изучается в связи с субъективными переживаниями детства и смысложизненными ориентациями. Гипотезой данного исследования является предположение о том, что отношение к смерти у взрослых связано с субъективными переживаниями детства и смысложизненными ориентациями, а также то, что отношение к смерти в разные периоды взрослости различно. В

задачи исследования входило изучение отношения к смерти, субъективных переживаний детства, смысложизненных ориентаций, взаимосвязь между ними, а также сравнение отношения к смерти в разные периоды взрослости. В исследовании использовались следующие методики: опросник «Осознание собственной смерти» В. Урдена, анкета «Отношение к жизни и смерти» А.А. Бакановой, «Шкала тревожности по поводу смерти» Д. Темплера, опросник отраженного родительского отношения А.Я. Варга и В.В. Столина, модифицированный Е.В. Романовой и М.В. Галимзяновой, опросник «Взрослый о родителях» (модификация опросника «Подростки о родителях» Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромициной), анкета «Детско-родительские отношения и субъективные переживания» М.В. Галимзяновой, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева. В исследовании приняло участие 100 человек в возрасте от 18 до 39 лет (58 женщин и 42 мужчины).

Исследование показало, что смысл смерти большинство опрошенных видят в итоге, завершении жизни, в переходе на какой-либо новый этап развития, часть опрошенных рассматривает смерть как стимул для роста, развития (нужно побольше успеть). Смысл жизни для большинства испытуемых состоит в том, чтобы получать радость, удовольствие от процесса жизни; любить, заботиться о близких; создать семью, родить и воспитать детей; расти, развиваться, достигать успеха. Также было выявлено, что страх смерти в детстве сохраняется в виде особенностей представления о смерти на более поздних этапах развития. При этом основными источниками страха для опрошенных являются болезненность смерти; сам факт прекращения жизни («вот я есть, а потом меня не будет»); отсутствие близких рядом, одиночество; то, что происходит с телом после смерти. Был произведен корреляционный анализ показателей отношения к смерти, субъективных переживаний детства и смысложизненных ориентаций. Было выявлено, что частота мыслей о самоубийстве связана с тем, насколько жесткими взрослые считают наказания со стороны родителей в детстве, считают ли они, что родители в детстве унижали их, были непоследовательными, а также с наличием целей в жизни. С частотой депрессий связано восприятие родителей враждебными и авторитарными, а также отношение человека к собственной жизни. Принятие конечности жизни связано с позитивным интересом со стороны родителей, принятием. Страх смерти связан с поощрением самоконтроля (за счет подавления эмоций), осмысленностью жизни. Отношение к смерти как к избавлению от страданий связано с оценкой человеком своих достижений. Также были обнаружены взаимосвязи между локусом контроля респондентов и восприятием родителей непоследовательными и унижающими в детстве; наличием жизненных целей и позитивным интересом со стороны родителей; получением удовольствия от жизни и отвержением со стороны

родителей. Сравнение показателей, полученных у респондентов, находящихся на разных этапах взрослости, показало, что с возрастом страх смерти имеет тенденцию снижаться, а осмысленность жизни — повышаться.

Лобанова Л.О.

Психологические теории как пространство самоактуализации у студентов-психологов

Актуальность проведенного исследования объясняется тем, что бакалавры-психологи выпускного курса готовятся к вступлению в профессиональную деятельность, которая в большинстве случаев предполагает их включение в понятийное пространство психологической теории. В процессе обучения на психологическом факультете СПбГУ у студентов были сформированы базовые знания по содержанию и прикладному значению основных психологических теорий. Рост личностно-профессиональной зрелости у студента ассоциативно может быть связан с готовностью самоактуализироваться в смысловом пространстве теорий, предоставляющих возможность концентрироваться на развитии собственных личностных компетенций.

В связи с тем, что в 2010–2012 гг. нами было выполнено исследование направленности в самоактуализации у студентов, показавшее, что структурообразующими элементами самоактуализации являются креативность и автономность, возникла гипотеза, что условиями для развития данных доминирующих направленностей в процессе самоактуализации является близость психологической теории направленности в самоактуализации студента. Готовность изучить связь характеристик самоактуализации с предпочтениями, связанными с психологическими теориями, послужила основанием для разработки анкеты, которая была разработана в 2012 г. и состояла из вопросов, ответы на которые давали основания оценить различные проявления профессиональной деятельности, выполняемой бакалаврами вне программы их учебных курсов. Например, ставился вопрос о формах реализации научной работы и предпочитаемой психологической теории. Анкета включает шесть вопросов. Сбор информации, связанный с анкетой, был выполнен в седьмом семестре обучения бакалавров на факультете психологии. Другими инструментами исследования были методики: САМОАЛ (в адаптации Калины) и «Шкала потребности в познании» (Качиоппо и Пети, адаптация Щебетенко). Отношение бакалавров к исследованию было позитивно мотивированным и эмоционально включенным. В исследовании участвовали 38 бакалавров-психологов четвертого курса, из которых 2 мужчин. Информация обрабатывалась в соответствии с гипотезой о наличии раз-

личий в характеристиках самоактуализации у студентов, предпочитающих разные психологические теории. В соответствии с гипотезой, было выполнено: попарное сравнение всех содержательных показателей по используемым методикам и трем теоретическим моделям. В статистическом анализе был использован U-критерий Манна–Уитни. Обработка результатов осуществлялась с помощью программы SPSS Statistica 20.

Результаты статистического анализа. При исследовании предпочтений, сложившихся у бакалавров-психологов по школе психологии, были выявлены три направления, наиболее привлекательные в познавательном значении для студентов: бихевиоральное, гуманистическое и экзистенциальное. При попарном сравнении средних показателей, отражающих характеристики самоактуализации и потребности в познании, были выявлены различия между группами бакалавров, предпочитающих бихевиоральную и гуманистическую теории. Такая характеристика самоактуализации, как спонтанность, более выражена у бакалавров, идентифицирующих профессиональное развитие с гуманистическим направлением ($p < 0,05$). Наибольшее количество различий выявлено при сравнении показателей самоактуализации у бакалавров, идентифицирующих свой профессиональный рост с бихевиоральным и экзистенциальным направлениями: взгляд на природу человека ($p < 0,05$), автономность ($p < 0,05$), аутосимпатия ($p < 0,05$), контактность ($p < 0,01$), гибкость в общении ($p < 0,01$), общий уровень самоактуализации ($p < 0,01$), потребность в познании ($p < 0,05$). По выделенным направленностям самоактуализации у бакалавров, идентифицирующих профессиональное развитие с экзистенциальным направлением, выявлены статистически значимо более высокие показатели. При сравнении респондентов, идентифицирующих свой профессиональный рост с гуманистической и экзистенциальной школами, не было выявлено статистически значимых различий. Таким образом, проведенное нами исследование позволяет считать, что в процессе профессионально-личностного развития специалиста-психолога его теоретическая направленность отражается на уровне развития характеристик его личности, связанных с содержанием самоактуализации и потребностью в направленности познания.

Лю Ц.Ф.

Показатели психологической адаптированности у первокурсников СПбГУ

Для успешного обучения студента в вузе необходима его социально-психическая адаптированность — такое состояние личности студента, когда без длительных внешних и внутренних конфликтов он продуктивно выпол-

няет свою ведущую деятельность (профессиональное обучение). Особое значение результативность процесса социально-психологической адаптации имеет на первом этапе вузовского обучения.

Поэтому основной целью нашего исследования является изучение уровня психологической адаптированности и особенностей личности, связанных с обеспечением адаптированности (по нашей гипотезе). Исследование выполнено с бакалаврами факультета экономики после 2 месяцев вузовского обучения. Респондентами были 58 бакалавров, из них 15 мужчин и 43 женщины. Инструментарий исследования составили: способность самоуправления (Н.М. Пейсахова); изучение коммуникативной толерантности (В.В. Бойко); методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймона; «SACS», многопрофильный личностный опросник МЖЮ. Получены следующие результаты. Средний показатель уровня способности самоуправления составил 24,04. При этом у мужчин показатель оказался выше, чем у женщин (26,8; 23,1), ($p < 0,05$). Средний уровень коммуникативной толерантности — (47,51), гендерные различия не выявлены. По шкалам «избегание» (17,58) и «агрессивные действия» (19,39) выявлены более высокие, чем в норме, показатели. По другим субшкалам: ассертивные действия (19,27), вступление в социальный контакт (22,31), поиск социальной поддержки (23,63), осторожные действия (20,82), импульсивные действия (18,06), непрямые действия (19,25), асоциальные действия (16,75) — показатели соответствовали норме. Значимо, что большинство бакалавров (92,4% респондентов) имеют нормальный уровень адаптированности, и только у 7,6% уровень адаптивности ниже нормы. Уровень дезадаптированности (с показателем 91,37) выявлен у 6,6% бакалавров. При этом у 86,7% бакалавров показатель принятия себя и других соответствует норме. По характеристике «Непринятие других» — у 33,3% бакалавров уровень ниже нормы, что позволяет говорить о тенденции быть более критичными в отношении других, в сравнении с принятием себя. Изучение уровня «Эмоционального комфорта» у бакалавров показало, что у 93,74% эта характеристика соответствует норме. При этом уровень «Эмоционального дискомфорта» у 6,26% бакалавров выше нормы. Это позволяет считать, что группу риска дезадаптации составляют примерно 6% от общего числа первокурсников факультета экономики. По показателям, полученным по другим психодиагностическим шкалам, можно заключить, что у примерно 80% студентов имеет место нормативный уровень как «внутреннего», так и «внешнего контроля», а также тенденции к «доминированию». Что касается характеристики «Ведомость», то примерно у 90% бакалавров она укладывается в значение нормы. Был выполнен корреляционный анализ, не выявивший значимые связи между изучаемыми характеристиками.

Таким образом, проведенное нами исследование, направленное на изучение адаптированности у бакалавров СПбГУ на начальном этапе их вузовского обучения, показало следующее: корреляционные связи между изучаемыми характеристиками (способность к самоуправлению, коммуникативная толерантность, адаптированность) оказались статистически не значимыми, что позволяет говорить об относительной независимости адаптированности у бакалавров от уровня сформированности у них самоуправления и коммуникативной толерантности. Только по характеристике «самоуправление» выявлены гендерные различия (показатели мужчин были выше, чем у женщин). Также выявлено то, что для бакалавров характерен высокий уровень стилиа избегания проблемных ситуаций и одновременно с этим имеет место тенденция к агрессивным действиям. По всем показателям полученные средние результаты соответствуют нормативным значениям. Однако примерно у 7–8% бакалавров полученные результаты не соответствуют нормативным значениям. Следовательно, это дает основание предположить, что именно этих студентов можно отнести к группе риска несвоевременного формирования адаптированности, и для них было бы целесообразным проведение специальных психолого-педагогических мероприятий, направленных на повышение их адаптационной способности.

Ляшенко И.Н.

Детско-родительские отношения и самоотношение подростков — участников буллинга

На сегодняшний день проблема насилия над детьми стоит особенно остро. Это связано как с криминализацией поведения самой молодежи, так и с активным ростом числа преступлений, касающихся жестокого обращения с детьми. Исследование насилия в школе требует особого внимания, т. к. школа один из главных институтов социализации детей, в котором начинает реализовываться буллинг, определяемый как «система детского насилия, реализуемого в пространстве организованного и неорганизованного детского сообщества» (СПб.: Региональный центр Семья, 2011, с. 9). Наиболее значимые факторы буллинга в школе были выделены в связи с исследованием подросткового возраста. Таковыми выступили детско-родительские отношения, которые обостряются в этот возрастной период, но при этом продолжают влиять на развитие личности ребенка, и самоотношение, характеризующееся активным формированием и развитием в этом возрасте. Кроме того, подростковый возраст был выбран, потому что он характеризуется пиковым проявлением буллинга (в основном у мальчиков) (Olweus D., 2007).

Цель нашего исследования заключалась в выявлении особенностей детско-родительских отношений и самоотношения участников буллинга в зависимости от выполняемой ими роли. Выборку исследования составили 75 учащихся (35 мальчиков и 30 девочек) в возрасте 14–15 лет, обучающихся в школах города Омска. Для исследования буллинга использовалась анкета, диагностирующая три основные роли в буллинге: «Жертвы», «Преследователя», «Свидетеля», разработанная на основе исследований Д. Олвеуса и анкеты «Ситуация буллинга в школе» (Olweus D., 2007). «Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми (ВРР)» И.М. Марковской (Марковская И.М., 2005), «Тест-опросник самоотношения В.В. Столина» (Столин В.В., Пантилеев С.Р., 1988). Статистическая обработка осуществлялась при помощи: t-критерия Вилкоксона, χ^2 -Фридмана, метода ранговой корреляции r-Спирмена. На основе результатов исследования были выделены 4 группы участников буллинга: «Жертвы», «Преследователи», «Свидетели» и «Жертвы-Преследователи». «Жертвами» являются 21% выборки из полных семей, соотношение мальчиков и девочек равное, они имеют более низкое глобальное самоотношение, в его структуре у них не выражено самоуважение, ожидание положительного отношения от других, самоуверенность и самообвинение. «Жертвы» имеют благоприятные отношения с матерью, характеризующиеся высоким контролем, принятием, эмоциональной близостью и удовлетворенностью ребенка отношениями с матерью. «Преследователями» являются 16% выборки, в основном мальчики, это объясняется тем, что у подростков «крутизна» и агрессивность способствуют повышению статуса мальчика у сверстников (Кон И.С., 2006). Большинство «Преследователей» (58,3%) из полных семей, имеют ярко выраженное глобальное самоотношение, но при этом низкое ожидание положительного отношения от других. «Преследователи» воспринимают свою мать авторитетом строгим, контролирующим, но с которым они готовы делиться своим сокровенным и важным. «Свидетелями» является большая часть выборки (53%), с небольшим преобладанием мальчиков (60%), как из полных, так и неполных семей. Ярко выраженными являются: самоуважение, самоинтерес, ауто-симпатия, глобальное самоотношение, не выраженными являются самообвинение. Отношения с матерью оцениваются как более благоприятные и характеризуются высоким контролем со стороны матери, высокой эмоциональной близостью с ней, принимающим отношением матери, высоким уровнем сотрудничества и авторитетностью матери и удовлетворенностью отношениями с ней. Дополнительно выделенная группа детей, которые сами подвергаются насилию и в равной степени совершают его, — «Жертвы-Преследователи». Это 10% всей выборки, с преобладанием в группе мальчиков (73%), воспитывающихся в полных семьях и обладающих низким уровнем

ожидания положительного отношения от других, самоуверенности и самообвинения, но при этом имеющих высокое глобальное самоотношение и самоуважение. В группе «Жертв-Преследователей» яркими характеристиками взаимодействия ребенка с матерью являются — высокий контроль с ее стороны и удовлетворенность отношениями с матерью. Резюмируя полученные данные, можно сказать, что выделенные нами факторы (самоотношение, детско-родительские отношения) имеют свою специфику в группах участников буллинга и определенным образом детерминируют принятие той или иной роли в буллинге.

Мелёхин А.И.

Модель психического в позднем онтогенезе: актуальность, проблемы и перспективы

За последние 15 лет одним из перспективных направлений исследования социального познания является модель психического (*theory of mind*). Данная модель позволяет понимать ментальный мир, делать вывод о различных ментальных состояниях другого человека. Модель психического включает в себя два компонента (Poletti M. et al., 2012): когнитивный компонент: понимание неверных суждений, намеков, намерений, обмана, иронии, метафор; эмоциональный компонент: распознавание и понимание эмоционального состояния Другого. Развитие модели психического начинается в раннем онтогенезе (Сергиенко Е.А. и др., 2009; Doherty M.J., 2009; Miller S.A., 2012) и в дальнейшем продолжает усложняться в течение всей жизни человека (Goldman A.I., 2012; Apperly I., 2011 и др.). Большинство исследований посвященных особенностям модели психического сосредоточилось на тенденциях, связанных с ее развитием в раннем онтогенезе (Сергиенко Е.А., 2006; Moore C., 2010; Somerville J.A., 2010 и др.) и дошкольном возрасте (Хачатурова А.В., Сергиенко Е.А., 2009; Miller S.A., 2012 и др.) или при той или иной форме дизонтогенеза. Например: при шизофрении (Brune M., 2005; Fernandez-Gonzalo S., Pousa E., 2013 и др.), расстройствах аутистического спектра (Лебедева Е.И., 2006; Baron-Cohen S., 2012 и др.), синдроме дефицита внимания и/или гиперактивности (Strange A.W., 1999; Charman T., Carroll F., 2001 и др.), органических нарушениях головного мозга (Kemp J., Despres O., 2012; Adenzato M., 2010 и др.). Перспективным и недостаточно изученным остаются исследования модели психического в поздних возрастах в связи с динамикой личности стареющего человека, исследованиями в русле успешного старения и проблемой улучшения качества жизни. Однако большинство имеющихся исследований показывают противоречивые результаты

из-за того, что имеют тенденцию исследовать единственный аспект модели психического или использовать только один тип задач. В связи с этим недостаточно данных, чтобы сформировать целостное представление об особенностях модели психического в поздних возрастах. Главный вопрос, стоящий перед исследователями, состоит в выявлении и описании факторов, от которых зависят особенности понимания психического в поздних возрастах (Poletti M. et al., 2012). С одной стороны, некоторые исследования указывают на потенциальные ограничения (снижение) модели психического в поздних возрастах, особенно в ситуациях, в которых человек должен проигнорировать свое собственное знание, чтобы рассмотреть психические состояния Другого (Phillips L.N., 2010). Одни исследователи утверждают, что особенности модели психического в поздних возрастах связаны с наличием дефицита модели психического, который сопровождается рядом симптомов: 1) непонимание чувств и эмоциональных переживаний собеседника; 2) невозможность учитывать то, что знает собеседник; 3) невозможность определять намерения собеседника; 4) невозможность понимать обман и обманывать; 5) непонимание связи между действиями других людей (Bernstein D.M. et al., 2011; Keysar B. et al., 2003). Дефицит модели психического возникает в связи с преобладанием мягкого когнитивного дефицита: снижения исполнительных функций, объема внимания и скорости обработки информации (Charlton R.A. et al., 2009; Xiaoming L. et al., 2013). Другая группа исследователей предполагает, что модель психического характеризуется прижизненным развитием и, следовательно, улучшением социального понимания наряду со становлением мудрости, а также зависит от индивидуальных различий в возрасте, поле, уровне образования, семейной ситуации, субъективного состояния здоровья (Duval C. et al., 2011; Xiaoming L. et al., 2013).

В лаборатории психологии развития ИП РАН под руководством Е.А. Сергиенко проводятся исследования по выявлению особенностей понимания психического в поздних возрастах. Н.И. Колесниковой (2012) было показано, что понимание обмана, эмоций и ментальных состояний и их соотношение и удельный вес изменяются в течение всей жизни, составляя ментальную основу понимания субъектом мира. Нами проводится исследование связи восприятия времени и понимания психического в позднем онтогенезе (А.И. Мелёхин). Главной гипотезой исследования является предположение о том, что согласованное взаимодействие когнитивного и концептуального уровней восприятия времени в пожилом и старческом возрасте происходит в русле общего когнитивного развития ментальных моделей понимания психического, от которых зависит качество жизни стареющего человека.

Мудрова Д.С.
Кисова В.В.

Нейросетевое моделирование связей дескрипторов познавательной деятельности

Исследования познавательной сферы старших дошкольников (Э.А. Баранова, Л.А. Венгер, Л.С. Выготский, А.К. Дусавицкий, А.В. Запорожец, А.А. Люблинская, Н.Н. Поддъяков, У.В. Ульенкова, Д.Б. Эльконин и др.) позволяют выделить некоторые дескрипторы познавательной деятельности в дошкольном возрасте. Это произвольная память, произвольное внимание, уровень развития интеллекта, уровень развития связной речи, познавательный интерес.

Цель настоящего исследования — проверка утверждения о наличии связей между некоторыми дескрипторами познавательной деятельности и уровнем развития саморегуляции детей в старшем дошкольном возрасте. Испытуемых тестировали с помощью методик, подобранных в соответствии с целями и задачами исследования: — для определения уровня сформированности саморегуляции как общей способности к учению применялась критериально-ориентированная методика У.В. Ульенковой (1984); — для определения уровней общего интеллекта испытуемых были использованы прогрессивные матрицы Равена (серия АВ) в модификации Т.Д. Марцинковской (1998); — уровень развития связной речи диагностировался по методике изучения словарного состава, грамматического и синтаксического строя речи Г.А. Урунтаевой, Ю.А. Афонькиной (1995) в модификации В.В. Кисовой; — для диагностики произвольной памяти применялась методика «Произвольное запоминание. 25 картинок» (З.В. Истомина, 2004); — качество внимания диагностировалось по методике «Тест переплетенных линий» (Рей, модификация Т.В. Чередниковой, 2004); — диагностика интенсивности познавательной потребности проводилась по методике «Познавательная потребность дошкольника» В.С. Юркевича (модификация и адаптация Э.А. Барановой, 2005). Для выявления различий по анализируемым дескрипторам познавательной деятельности между группами испытуемых с разным уровнем развития саморегуляции применялся кластерный анализ. Кластерный анализ позволяет упорядочить испытуемых в сравнительно однородные классы. В нашем исследовании каждый испытуемый дошкольник характеризовался следующим набором переменных: уровнем развития саморегуляции и диагностируемыми показателями произвольной памяти, произвольного внимания, развития интеллекта, развития связной речи, познавательного интереса. Одним из перспективных и совершенных средств, дающих новые подходы для проведения кластеризации, являются

нейронные сети, обучаемые без учителя. Одна из подобных сетей — самоорганизующаяся карта Кохонена (СОК). СОК эффективно применяется в экономических и финансовых исследованиях для анализа финансовой отчетности компаний, анализа инвестиционных возможностей, оценки недвижимости, сегментирования покупателей и клиентов и т. д. (Перова В.И., 2012). Применение СОК в отечественных психологических исследованиях встречается крайне редко. Алгоритм СОК реализует сохраняющее топологию отображение из пространства большой размерности в элементы карты. Элементы карты, или нейроны, обычно образуют двумерную решетку. Таким образом, данное отображение является отображением пространства большой размерности на плоскость. Свойство сохранения топологии означает, что самоорганизующаяся карта распределяет сходные векторы входных данных по нейронам так, что точки, которые расположены в пространстве входов близко друг к другу, отображаются на близко расположенные элементы СОК. Следовательно, самоорганизующаяся карта Кохонена может служить эффективным средством кластеризации и визуального представления данных большой размерности. Для исследования поставленной задачи был выбран метод нейросетевого моделирования аналитического пакета Deductor, который объединяет самые современные методы интеллектуального анализа данных, в т. ч. прогнозирования, кластеризации, визуализации данных. Из полученной картины разделения испытуемых по кластерам, в частности, следует подчеркнуть следующее: более 50% испытуемых детей старшего дошкольного возраста было отнесено к двум первым кластерам, характеризующимся высокими анализируемыми показателями. Основное отличие между этими группами — значение показателя произвольного внимания. Низкая устойчивость произвольного внимания у детей второго кластера влечет пониженные качества самоконтроля, а как следствие, и саморегуляции. Проведенный кластерный анализ экспериментальных данных дополняет уровневые характеристики саморегуляции, приведенные в исследованиях У.В. Ульенковой и В.В. Кисовой (2010) и дает возможность проследить их взаимосвязь с возрастными особенностями познавательной сферы в дошкольном возрасте.

Нежданова А.В.

Мотивация профессиональной деятельности в разные периоды взрослости

Природа процесса мотивации поведения и деятельности личности не теряет своей актуальности в психологической науке, и данный вопрос оста-

ется одним из самых дискуссионных. Зная особенности личности, можно в значительной мере судить о мотивационной сфере человека, а изучая мотивационную сферу, мы тем самым изучаем и личность (Ильин Е.П., 2011). Течение процесса мотивации взаимосвязано с личностными образованиями, которые формируются по мере развития личности. Таким образом, изменяются и сами психологические факторы, влияющие на процесс мотивации и формирование намерения. Формирование личности основывается на развитии мотивационной сферы, представляющей собой единую динамическую систему, все элементы которой взаимосвязаны и взаимодействуют. В итоге этих процессов вырабатывается результирующая стратегия поведения (Божович Л.И., 1972). Ведущим фактором развития в период взрослости является профессиональная деятельность, развитие человека происходит в двух основных взаимосвязанных контекстах — профессиональном и личностном.

Задачей исследования было изучить особенности мотивационного профиля личности в разные периоды взрослости. Мы предположили, что при переходе от ранней к средней взрослости происходит изменение мотивационного профиля личности. Наше предположение основывается на том, что каждый из периодов развития различается своими задачами и характером переживаемых кризисов. По данным ряда авторов (Манукян В.Р., Петраш М.Д.) для периода ранней взрослости характерны кризисные переживания, связанные с вступлением во взрослость, эмансипацией от родительской семьи, трудностями в распределении времени между разными сферами жизни. В то время как кризис 30-летия связан, прежде всего, с решением личностью задач профессионального развития. Задачей исследования явилось изучение особенностей мотивационного профиля в разные периоды взрослости. Для выявления характеристик мотивов профессиональной деятельности был использован тест «Мотивационный профиль» (Ричи Ш., Мартин П., 2009). В исследовании приняли участие 70 человек, все испытуемые работают, являются представителями разных профессиональных групп, с различным уровнем образования. Для целей исследования все испытуемые были разделены на две подгруппы: 18–29 лет и 30–45 лет, по 35 человек в каждой. Методами статистической обработки явились анализ средних значений и выявление достоверности различий при помощи U-критерия Манна–Уитни.

Анализ средних значений для групп испытуемых позволил составить мотивационные профили. В период ранней взрослости наиболее выражены потребности в высокой заработной плате, завоевании признания и потребности в интересной, общественно полезной работе. Наименее выраженными являются потребности формировать и поддерживать долгосроч-

ные взаимоотношения, потребности в хороших условиях работы. В период средней взрослости мотивационный профиль видоизменяется — потребности приобретают иной вес. Наиболее значимыми становятся потребности в высокой заработной плате, потребности ставить для себя сложные цели и достигать их, в завоевании признания. Остаются наименее значимыми потребности в хороших условиях работы и в долгосрочных взаимоотношениях. При сравнении групп были выявлены статистически значимые различия в мотивационных профилях испытуемых. В период ранней взрослости большее значение, чем в период средней взрослости, играют: потребность в хороших условиях работы ($U = 404,5$; $p \leq 0,01$); потребность в разнообразии, переменах ($U = 466$; $p \leq 0,05$). В период средней взрослости, в отличие от ранней, большее значение приобретают: потребность в социальных контактах ($U = 404$; $p \leq 0,01$); потребность ставить для себя сложные цели и достигать их ($U = 322,5$; $p \leq 0,01$); потребность во влиятельности и власти ($U = 418$; $p \leq 0,05$); потребность в самосовершенствовании ($U = 452$; $p \leq 0,05$). Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что в процессе перехода от ранней взрослости к средней видоизменения мотивационного профиля проявляются в усилении социальных мотивов, мотивов самосовершенствования. Это отражает основные направления развития психологической зрелости личности. Усиливается также потребность во власти и усложнении деятельности. Выявленные закономерности могут способствовать созданию более гибкой системы мотивации профессиональной деятельности с учетом периода возрастного развития человека.

Опякина О.В.
Корнеева Я.А.
Симонова Н.Н.

Взаимосвязь факторов выбора профессии и особенностей личности старшеклассников

Выбор профессии — один из важнейших выборов, во многом определяющий весь жизненный путь человека, поэтому вопрос о научном понимании процесса выбора профессии приобретает все большее значение и актуальность. Проблемам выбора профессии посвящены работы Л.А. Головей, А.Е. Голомштока, Л.А. Йовайши, Е.А. Климова, Н.С. Пряжниковой, Ю.П. Поваренкова, Л.Ф. Шеховцевой и др., в которых показано, что от правильного выбора профессии во многом зависит успешность профессиональной деятельности, реализация личностных потенциалов и удовлетворенность человека своей жизнью. Авторами отмечаются проблемы профориентационной

работы с молодежью, среди которых наиболее актуальными являются отсутствие или недостаточная просветительская работа в отношении многообразия существующих профессий, что приводит к тому, что у абитуриентов возникает искаженный образ выбираемых профессий, нереалистические представления о своих реальных и потенциальных возможностях. Традиционно выбор профессии связывают с личностными свойствами подростка и его интересами, в то же время, в настоящее время часто личностные качества оптанта игнорируются и на первый план выходят внешние условия среды.

Цель исследования: выявить взаимосвязь различных факторов профессионального выбора и личностных качеств старшеклассников г. Архангельска. В исследовании приняли участие учащиеся 9–11 классов школ г. Архангельска. Объем выборки составил 207 человек: 94 мальчика и 113 девочек. Возраст от 15 до 17 лет. Методы исследования: анкетирование (доработанная нами анкета оптанта), опрос, беседа и психологическое тестирование. В работе были использованы следующие методики: 1. Методика определения профессионального типа личности Дж. Голланда. 2. Психогеографический тест С. Деллингер (проективная методика диагностики качеств личности и особенностей поведения). 3. Методика диагностики профессиональных интересов и склонностей Л.А. Йовайши. 4. Анкета «Ориентация» И.Л. Соломина.

В результате факторного анализа (при использовании метода максимального правдоподобия; варимакс вращения) были получены следующие результаты. Выявленные факторы выбора профессии старшеклассников можно классифицировать на следующие группы: связанные с особенностями профессиональной деятельности (индивидуальная работа, условия труда, взаимодействие с людьми), влиянием среды (престижность профессии, династичность, конформность), достижением профессиональной цели (стремление к реализации творческого потенциала, представления о препятствиях на пути к цели) и реализацией собственных потребностей (активность, стабильность). В случае выбора профессии только с учетом факторов влияния среды — престижность профессии, династичность, конформность — у оптантов могут возникать сложности с последующим профессиональным обучением и развитием. Остальные группы факторов позволяют осознанно подходить к выбору профессии и способствуют успешной реализации себя как профессионала. Проведенное исследование позволило определить психологические особенности школьников, выбирающих профессию в зависимости от различных факторов. Более осознанно выбор профессии осуществляется учащимися реалистического и предприимчивого типа, которым характерны активность, рационалистичность, стремление к анализу, гибкость мышления, настойчивость, развитые организаторские способности.

Орлов А.О.

Возможности экспериментального изучения представлений у детей трех-четырех лет

Представление становится активно развивающейся формой психики в раннем и особенно в дошкольном возрасте, т. к. этого требуют условия деятельности ребенка: в рамках предметных действий ребенок учится целенаправленно, что предполагает удержание в сознании образа будущего результата, возникающего на основе преднамеренной актуализации представлений, содержание и сюжеты сюжетно-ролевой (символической) игры опираются на опыт дошкольника, актуализирующийся в представлениях. Продуктивные виды деятельности (рисование, лепка, конструирование) также невозможны без символизации. Однако попытки получить эмпирические данные о каких-либо конкретных свойствах детских представлений (об их устойчивости и динамике, о характере осознания ребенком собственных представлений, о способности к их произвольной актуализации) сталкиваются с методологическими сложностями, связанными с построением экспериментальных схем, адекватных изучаемому феномену и возрастным особенностям детей четвертого года жизни. Тем не менее зарубежными и отечественными учеными были проведены ряд экспериментов в этом направлении.

Оригинальный подход к изучению динамики представлений у детей был разработан в рамках исследований Theories of Mind — концепций о душевном мире человека. Изучая специфику таких концепций у детей, Д. Пернер, Г. Виммер разработали эксперименты, известные как «задача на понимание ложных убеждений» («false belief task») и «задача на понимание ложности собственных убеждений» («own false belief task»). Примером задачи на ложное представление может служить следующая экспериментальная ситуация: трехлетнему ребенку показывали коробку из-под пластилина и просили сказать, что находится внутри. Ребенок, естественно, ожидал увидеть там пластилин, и был очень удивлен, когда в коробке оказывались карандаши. Когда затем этого ребенка спрашивали, что сказал бы о содержимом коробки ребенок, который ее не открывал, испытуемый, как правило, отвечал: «Карандаши». По данным, полученным в этом и подобных исследованиях, было установлено, что дети младше четырех лет не могут осознать отличие собственных образов от представлений других людей (Уоллес Д., 2004). В работах других авторов (Бирюкевич Е.А., Орлов А.О., 2012) была обнаружена следующая закономерность — на четвертом году жизни ментальные образы приобретают большую устойчивость. Было установлено, что интенсивное становление способности к удержанию собственных представлений в условиях их конкуренции с перцептивными образами проис-

ходит на четвертом году жизни, а к началу пятого года эта способность стихийно складывается у подавляющего большинства детей. На первом этапе эксперимента ребенка-дошкольника просили высказать предположение о содержимом некоего предмета-емкости (коробки, мешочка, кошелька). На втором этапе эксперимента ребенок вместе с взрослым или самостоятельно открывал предмет-емкость и видел там некий предмет. Предполагалось, что при непосредственном восприятии содержимого предмета-емкости представление, актуализированное на первом этапе эксперимента, может быть либо вытеснено перцептивным образом на периферию сознания, либо будет сохранено и сможет сосуществовать с перцептивным образом. Для выяснения этого ребенку задавали вопрос: «А что, ты говорил, лежало в кошельке (коробке, мешочке), когда он был закрыт?». Было установлено, что для большинства детей четвертого года жизни (в среднем по нескольким исследованиям их доля составляла около двух третьих выборки) характерна высокая неустойчивость представлений, выражающаяся в «забывании» своего предположения. Все дети этой группы в ответ на данный вопрос называли предмет, который находился в кошельке и, соответственно, в поле восприятия (при этом дети иногда плавно переводили взгляд на лицо экспериментатора). Это означало, что на момент ответа представление, возникшее на стадии выдвижения гипотезы, было замещено в сознании ребенка перцептивным образом. Однако предшествовавшая этому кратковременная эмоция удивления в момент открывания кошелька может означать, что на доли секунды представление и перцептивный образ все же «сталкивались» в сознании ребенка. А затем представление исчезало из фокуса сознания, т. е. имел место феномен «хрупкости представлений». Меньшую группу (в среднем около одной трети выборки или меньше) составили дети, которые в ответ на основной вопрос повторяли собственную гипотезу, что означало наличие у детей данной группы способности сохранять представления в условиях конкуренции с перцептивным образом.

Павлова О.В.

Выбор самых значимых людей в подростковом, юношеском и студенческом возрастах

Изучение различных характеристик значимых межличностных отношений в подростковом и юношеском возрасте и в период ранней взрослости является актуальной задачей возрастной психологии. Важнейшей характеристикой таких отношений является значимость отношений в обозначенных возрастных группах, определяющаяся выбором самых значимых людей.

Изучению выбора самых значимых людей в подростковом и юношеском возрасте и в период ранней взрослости и посвящено настоящее исследование. В качестве гипотезы исследования мы предполагаем, что в разные возрастные периоды отмечается различный уровень значимости близких людей. В исследовании приняли участие 292 человека, из них 70 учеников 8-х классов в возрасте 13–14 лет (38 девочек и 32 мальчика), 64 ученика 10-х классов в возрасте 15–16 лет школ Санкт-Петербурга (37 девочек и 27 юношей), 158 студентов 1-го и 3-го курса СПбГМУ и СПбГПУ в возрасте 17–20 лет (100 девушек и 58 юношей). Вся выборка разделена на 3 группы. Подростковый и юношеский возраст и период ранней взрослости представлены, соответственно, выборкой учеников 8-х классов, 10-х классов и студентов. Для изучения выбора самых значимых людей применялась методика «Профиль чувств и отношений» Л.В. Куликова, цветовой тест отношений (ЦТО) и анкета.

На основании ответов подростков, юношей и студентов из ближайшего социального окружения были выделены такие значимые люди, как мама, папа, друзья и подруги, молодой человек или девушка и сиблинги. Исследование самых значимых людей в подростковом возрасте показало, что для большинства юношей и девушек самыми значимыми людьми являются родители (в первую очередь мать), затем следуют отношения с друзьями. На значимость отношений с родителями указывают 61% юношей и 42% девушек, а на значимость отношений с друзьями — 25% юношей и 35,5% девушек, т. е. отношения с подругами в этом возрасте для девушек важнее, чем отношения с друзьями для юношей. 9,39% юношей самыми значимыми считают братьев и сестер, 4,7% юношей-подростков — свою девушку. Вместе с тем подруга противоположного пола есть у небольшого количества юношей-подростков. Для 14,5% девушек молодой человек является значимой фигурой. Далее по значимости девушки отмечают отца и сиблингов. Исследование значимых людей в юношеском возрасте показало, что самыми значимыми людьми для девушек являются мама (отношения с ней считают самыми значимыми 33,8% девушек) и подруга (ее значимым человеком назвали 31,1% девушек). 17,6% девушек самыми значимыми считают отношения со своим молодым человеком. Юноши, как и девушки, самым значимым человеком считают маму (38,9%). 22,2% юношей значимым человеком называют свою девушку, 18,5% — близкого друга. Интересно отметить, что отец является самым значимым человеком для 16,7% юношей и только для 6,8% девушек. Анализ значимых людей по ответам студентов показал, что 34% юношей и 37% девушек самым значимым человеком считают маму. Далее по значимости у девушек следуют отношения с молодым человеком и подругой. 11% девушек самым значимым человеком считают отца, и такой же процент девушек значимым

человеком считает сестру или брата. Девушку, друга и отца в качестве самого значимого человека отметили равное количество студентов-юношей, примерно 18%. Данные, полученные при помощи методики ЦТО, подтвердили описанные выше результаты исследования по всем возрастам. Сравнительный анализ значимых людей по возрастам показал, что в подростковом и юношеском возрасте отношения с мамой более значимы для юношей, в период ранней взрослости значимость отношений с мамой для юношей снижается, а для девушек, наоборот, возрастает. Отца как значимого человека отмечает небольшой процент юношей и девушек, при этом в юношеском возрасте и в период ранней взрослости отношения с отцом более значимы для юношей, чем для девушек. Отношения с подругами для большинства девушек более значимы, чем отношения с другом у юношей в подростковом и юношеском возрасте, в период ранней взрослости значимость отношений с друзьями у юношей и девушек примерно одинакова. Значимость отношений с молодым человеком и девушкой с возрастом увеличивается. Возможно, это связано с тем, что к периоду ранней взрослости партнер противоположного пола появляется у большей части респондентов. Таким образом, анализ значимых людей позволил выявить следующие группы значимых межличностных отношений в исследуемых возрастах: отношения с родителями, с друзьями, с молодым человеком и девушкой, а также с сиблингами.

Певец О.В.

Детско-родительские отношения подростков в условиях алкоголизации родителей

Многие авторы отмечают, что для современной семьи характерно нарастание кризисных явлений, которые проявляются в виде семейных дисфункций. Спектр проявления семейной дисфункциональности чрезвычайно широк: высокий уровень конфликтности в супружеской паре, рост числа разводов и неполных семей, алкоголизация родителей, вытеснение отцов на периферию семейного воспитания, девиантное поведение подростков и т. д. Вопросы влияния семьи на развитие личности ребенка рассматривали многие ученые (Ю.Е. Алешина, А.Я. Варга, Л.Я. Гозман, С.В. Ковалев, А.Г. Лидерс, Т.М. Мишина, А.С. Спиваковская, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис, Beavers, J. Bradshaw, D. Olson, A. Carr, S. Minuchin, Nichols, J. Bowlby). Однако если внимание отечественных исследователей было сосредоточено в основном на личностных особенностях ребенка, воспитывающихся в дисфункциональной семье, диагностике отклонений в развитии и выборе психокоррекционной помощи ребенку, то в зарубежных исследованиях акцент ставился на

описание всей семейной системы: на выявление типичных проблем и потенциальных задач, которые характерны для всех дисфункциональных семей.

В связи с этим нами было проведено исследование, которое бы позволило целостно описать детско-родительские отношения подростков в семье. В исследовании приняли участие подростки из дисфункциональных семей, где один или оба родителя страдают алкогольной зависимостью, и подростки из успешно функционирующих семей. В качестве диагностического инструментария использовались следующие методики: «Семейно-обусловленное состояние» Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса, «Измерение психологической дистанции» Е.И. Медведской, модификация Т.А. Заеко, «Шкала семейной адаптации и сплоченности (FASES-3)» Д. Олсона, «Родителей оценивают дети» И.А. Фурманова и А.А. Аладына, «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, адаптация Л.В. Жуковской и Е.Г. Трошихиной.

Проведенный анализ полученных данных позволил выявить следующие особенности детско-родительских отношений подростков, воспитывающихся в условиях алкоголизации родителей. Было выявлено, что преобладающим стилем семейного воспитания подростков, как в функциональных, так и дисфункциональных семьях является потворствующая гиперпротекция. Родители чрезмерно покровительствуют подросткам, стремясь освободить их от любых трудностей, от скучных и неприятных обязанностей. В семье, где родители злоупотребляют алкоголем, отсутствуют четкие правила и нормы ($F = 1,29; p \leq 0,05$). Детско-родительские отношения подростков в дисфункциональных семьях характеризуются неустойчивым типом воспитания ($F = 0,37; p \leq 0,05$). В одних ситуациях они реагируют очень строго, в других склонны относиться попустительски даже к серьезным проступкам подростка (Слепкова В.И., 2003). Степень близости отношений между сиблингами в дисфункциональных семьях выше, чем в успешно функционирующих семьях ($F = 1,132; p \leq 0,05$). Отношения подростков с сиблингами в условиях алкоголизации родителей характеризуются созависимым типом отношений. У подростков, воспитывающихся в условиях алкоголизации родителей, не сформирована жизненная перспектива: цели не дифференцированы, не обоснованы и не устойчивы ($1,28; p \leq 0,05$). Однако значимых различий между уровнем психологического благополучия у подростков из функциональных и дисфункциональных семей не было выявлено.

Таким образом, несмотря на множественные нарушения в сфере воспитания, при существовании каких-либо компенсирующих факторов (способность и готовность к формированию теплых и доверительных контактов, отношений, использование ресурсов социальной сети), подростки из дисфункциональных семей могут продуктивно справляться с семейным

кризисом, вызванным алкоголизмом родителя. Полученные выводы соотносятся с результатами европейских исследований в области алкогольной зависимости и созависимости: у одной трети взрослых детей алкоголиков формируется зависимость от алкоголя и других ПАВ, одна треть имеет психические и психосоматические нарушения, в то же время чуть больше 30% взрослых детей алкоголиков справляются и продолжают функционировать в обществе с различной степенью эффективности (Новак Н.Г., 2010). Таким образом, работа психолога с дисфункциональной семьей требует решения ряда задач: использование имеющихся ресурсов ее членов для преодоления алкогольной зависимости, психологическая поддержка в повышении дифференцированности личности каждого, формировании общих целей, помощь в определении жизненной перспективы подростка.

Петрова О.В.

Психологическое благополучие и осмысленность жизни у мужчин и женщин

Представление о том, что осмысленная жизнь есть залог духовного равновесия, душевного благополучия в широком смысле слова, а отсутствие смысла жизни приводит к формированию особого типа заболевания — ноогенного невроза, благодаря работам В. Франкла прочно укоренилось в современной психологии и породило многочисленные и многоаспектные исследования, в которых основное внимание уделяется связи наличия или отсутствия смысла жизни с различными формами психопатологии (J. Crumbaugh, R. Jacobson, B. Sheffield и др.). При этом исследования концентрировались, в основном, на изучении характера смысла жизни и смысловых ориентаций у людей, страдающих различными формами девиаций и психических заболеваний. Анализ особенностей переживания смысла собственной жизни здоровыми людьми отходит в такого рода исследованиях на второй план. Недостаток исследований связи смысла жизни и позитивных аспектов функционирования личности отчасти обусловлен многообразием подходов к трактовке психологического благополучия и его эмпирических исследований. Мало исследованной остается также проблема гендерных аспектов этих характеристик в разных выборках испытуемых.

Поэтому целью нашего исследования стало выявить особенности психологического благополучия и осмысленности жизни у мужчин и женщин периода средней зрелости, имеющих высшее образование. Гипотеза: психологическое благополучие и осмысленность жизни имеют свою специфику в группах мужчин и женщин периода средней зрелости. Методы:

1. Шкала психологического благополучия К. Рифф. 2. Смысло-жизненные ориентации, Д.А. Леонтьев. В исследовании приняло участие 80 человек, 34 женщины и 56 мужчин, в возрасте от 25 до 40 лет, все испытуемые с высшим уровнем образования, жители Санкт-Петербурга, работники различных организаций.

По результатам нашего исследования было обнаружено следующее. Выборка в целом характеризуется средними значениями по показателям большинства шкал, составляющих конструкт «Психологическое благополучие». Наиболее высокий уровень компонентов психологического благополучия был получен по шкале «Личностный рост». Что вполне объяснимо, учитывая возрастные особенности нашей выборки, и характеризует наших испытуемых как людей открытых новому опыту и совершенствующих себя. Наиболее низкие значения были получены по шкале «Компетентность». Возможно, это связано с повышенной критичностью в отношении к себе испытуемых, имеющих высшее образование и ориентированных на личностное развитие. По показателям психологического благополучия в группах мужчин и женщин обнаружены различия на уровне статистической значимости по шкалам «Личностный рост», «Позитивные отношения», «Жизненные цели». Причем выраженность показателя по шкале «Личностный рост» выше у женщин (37,81 против 36,56), а по шкалам «Позитивные отношения» и «Жизненные цели» — наоборот, выше у мужчин (37,56 против 35,0 и 36,16 против 33,58 соответственно).

Таким образом, женщины нашей группы оказались более ориентированы на личностное развитие, а мужчины — на позитивные межличностные отношения и целеполагание. По характеристикам осмысленности жизни в целом по выборке получены средние значения, характерные для данного возраста. Наиболее высокие значения получены по шкале «Локус контроля — жизнь», что говорит о том, что респонденты в целом считают себя способными осуществлять контроль над своей жизнью. Наиболее низкие значения получены по шкале «Локус контроля — я», т. е. веря в возможность контроля над своей жизнью, они сомневаются в возможности контроля себя. В группах мужчин и женщин обнаружены различия на уровне статистической значимости по шкалам «Процесс жизни» (30 у мужчин и 33 у женщин), и «Локус контроля — жизнь» (25,9 — мужчины; 31,9 — женщины). Значения обеих шкал больше у женщин, что говорит о том, что они более ориентированы на жизнь как на процесс, более удовлетворены настоящим и считают, что их жизнь определяется ими самими. Таким образом, по результатам нашего исследования можно говорить о наличии гендерной специфики исследуемых показателей в группе испытуемых периода средней зрелости с высшим образованием.

Полякова М.К.

Локус контроля и детско-родительские отношения в подростковом возрасте

В настоящее время человек имеет возможность выбора практически во всех сферах жизни. Это в значительной степени определяет необходимость для каждого члена общества держать ответ за эти выборы и подходить к решению важных вопросов с позиции субъекта жизнедеятельности. Современные реалии таковы, что обществом востребованы люди, способные к самостоятельному личностному осмыслению, признающие возможность контролировать события, происходящие в их жизни, и добровольно принимающие ответственность за свое поведение. Особое значение проблема выбора приобретает в период, когда начинается подготовка к личностному и профессиональному самоопределению, т. е. в период подросткового возраста. Это обуславливает интерес к теме восприятия жизненных ситуаций как поддающихся контролю субъекта в подростковом возрасте. В качестве фактора, являющегося внешним по отношению к подростку и при этом непосредственно связанным со становлением самосознания личности, в данном исследовании были выделены особенности семейных взаимоотношений. Семья является той средой, с которой подросток активно взаимодействует с самых ранних этапов жизни, поэтому ее вклад в построение отношений субъекта является важным. При этом строится система взаимоотношений, где личностные качества подростка могут оказать влияние на восприятие семейной ситуации обеими сторонами. Таким образом, построение отношений подростка со средой оказывается детерминантой построения отношений с родителями и в то же время находится под влиянием этих отношений в сенситивном периоде.

Целью нашего исследования был поиск ответа на вопрос, как локус контроля связан с особенностями детско-родительских отношений и личностными особенностями подростков. В проведенном исследовании приняло участие 99 подростков (М = 43, Ж = 56, возраст: 14–18 лет) и 42 родителя (матери подростков). Для проведения исследования использовались следующие методики: опросник «Взаимодействие родитель — ребенок» И.М. Марковской, методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (юношеский вариант — 14PF), тест-опросник субъективной локализации контроля С.Р. Панталева и В.В. Столина (модификация), анкета. Для целостного рассмотрения локуса контроля использовалось сразу несколько показателей: личностная активность в решении жизненных задач; локус контроля на уровне представлений о том, может ли человек влиять на окру-

жающую среду; самостоятельность и ответственность. В ходе исследования были обнаружены подтверждения предположения о наличии связей локуса контроля с личностными особенностями подростков. Подростки с высокой степенью интернальности были склонны демонстрировать в основном меньшую степень тревожности, чем подростки с высокой степенью экстернальности. Они же показали большую эмоциональную устойчивость и более спокойное поведение в неприятных ситуациях. Исследование показало наличие гендерных различий. Мальчики с интернальным локусом контроля имели более позитивные отношения с окружающими, чем экстерналы. У девочек связей уровня социальной адаптации со всеми рассматриваемыми параметрами локуса контроля выявить не удалось.

Полученные нами данные позволяют говорить о том, что опыт взаимодействия ребенка с родителем имеет связи с локусом контроля подростка. Полученные в ходе исследования связи между особенностями локуса контроля и особенностями детско-родительских отношений были опосредованы субъективной оценкой этих отношений. Генерального фактора детско-родительских отношений, который был бы связан с уровнем интернальности, выявлено не было, что может свидетельствовать о том, что особенности детско-родительского воспитания хотя и взаимосвязаны с параметрами локуса контроля, однако, вероятно, существуют параметры, опосредующие эти взаимосвязи.

Рожина С.В.

Феномен кибербуллинга в современной психологии

С развитием информационных технологий наша жизнь стала более удобной и простой, но вместе с тем возникли и новые опасности. Появилась новая платформа для общения между людьми с разных концов света — интернет. Но интернет-технологии включают в себя такой момент, как отсутствие социального взаимодействия лицом к лицу, что препятствует навыкам межличностного контакта. Кроме того, каждый из нас может придумать себе абсолютно новое «амплуа» и не нести ответственности за свои действия. В результате растет число интернет-преступлений против личности, которую иногда не отделяют от виртуального образа. Существует множество форм перевода и определений термина кибербуллинг. И так, кибербуллинг — это нападения с целью нанесения психологического вреда, которые осуществляются через электронную почту, сервисы мгновенных сообщений, в чатах и др. (Электронная энциклопедия Wiki ИМФИ). Киберпреследование (кибербуллинг) — электронная форма традиционного преследова-

ния (Катрин Блайя, 2012). Кибербуллинг — агрессивные, умышленные акты или поведение, как группы людей, так и одного индивидуума, повторяющиеся на протяжении определенного времени по отношению к тому человеку, который не может за себя постоять (Shaheen Shariff, 2008). При обращении к этимологии слова можно выделить также общую идею. *Cyber-bullying* с англ. *Bull* — бык, с родственным значением: агрессивно нападать. В молодежном сленге является глагол аналогичного происхождения — быковать. Кроме того, есть и другой вариант перевода *bully* — сущ. хулиган, задира, забияка; глаг. — запугивать, задирать.

К самым распространенным методам кибербуллинга относятся: 1. Использование личной информации. 2. Анонимные угрозы. 3. Преследование. 4. Флейминг (обмен короткими эмоциональными репликами между двумя и более людьми, обычно в комментариях в публичных местах Сети). 5. Хеппислеппинг (*Happy Slapping* — счастливое хлопанье, радостное избивание). Причин кибербуллинга может быть достаточно много. Конечно же, одна из первых причин это взаимоотношения с родителями. Если в доме неблагоприятная атмосфера, постоянные ссоры, недопонимание, у подростка возникают проблемы в воспитании: не сформируются в достаточной мере нравственные нормы, будет происходить накопление агрессии, и подросток, не зная, как правильно эту агрессию выражать, найдет ей применение в киберпространстве. Кроме того, причинами могут быть страх оказаться жертвой, вследствие чего человек примыкает к более сильной группе участников; завоевание признания в группе; демонстрация силы — возможность хотя бы в виртуальном пространстве почувствовать свою мощь, если этого не хватает в обычной жизни; проецирование своего комплекса неполноценности на других людей, личностный кризис, а также отсутствие толерантности к другим народностям, национальностям и др. Все это приводит к тому, что человек вынужден найти какой-либо путь решения своих проблем, т. е., к примеру, выплеснуть «все накопившееся в душе» в киберпространство. Наиболее уязвимыми в данной ситуации являются подростки, в силу своих личностных особенностей в период прохождения подросткового кризиса. Проблема насилия существовала всегда, тем не менее за прошедшие пятьдесят лет масштабы этого явления значительно возросли, что объясняется ростом насилия и преступности в обществе в целом. (Campbell, 2005; Limber and Small, 2003). Множество стран заинтересовано в решении данной проблемы. В Великобритании внедрен ряд программ, направленных на решение социальных проблем, которые, по мнению государства, создают предпосылки к возникновению преступности. В частности, проект «Уверенный старт» предусматривает содействие в вопросах профилактики преступности от начала процесса обучения ребенку через улучшение благосостояния

общества, в котором он проживает. Наша задача найти наиболее существенный способ решения проблемы кибербуллинга. Однако сложность составляет то, что для решения проблемы мы должны выявить и наиболее важные причины данного феномена, т. е. то, что толкает личность на совершение преступных действий в киберпространстве, и работать непосредственно с данными причинами, а не «строить стену» по отношению к этим личностям. Но мы в силах проводить профилактику с целью формирования личностной устойчивости у жертв, повышение самооценки. Кроме того, одними из методов борьбы с кибербуллингом являются наличие модератора в сообществе, блокирующего хамов, спам-фильтры, блокираторы всплывающих окон, безопасный поиск и брандмауэр для ограничения угроз.

Сорокоумова С.Н.

Егорова П.А.

Психологическое сопровождение детей в условиях интегрированного образования

Совершенствование современной системы отечественного образования в соответствии с принципами гуманизации и индивидуализации предполагает максимальный учет психологических особенностей детей и создание условий, способствующих своевременному и полноценному развитию всех сторон личности ребенка. Важность этой задачи объясняется наблюдающейся тенденцией к увеличению числа детей с различными нарушениями физического и нервно-психического здоровья. В современном российском обществе сложилась стойкая тенденция интенсивного роста количества детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) различного генеза. Соответственно, на повестку дня ставятся вопросы полноценного развития ребенка как активного субъекта своей жизнедеятельности и оказания ему квалифицированной психологической помощи в данном направлении.

Отечественные специалисты создали учитывающую «российский фактор» концепцию интегрированного обучения и воспитания (Н.Л. Белопольская, Е.Е. Дмитриева, Н.Н. Малофеев, Н.М. Назарова, Г.Н. Пенин, С.Н. Сорокоумова, Е.А. Стребелева, Н.Д. Шматко, Л.М. Шипицына и др.), которая опирается на следующие основополагающие принципы: линия интеграции должна идти через обеспечение «психологической готовности» детей к совместному обучению; выработку родительской толерантности; раннюю дифференциацию, коррекцию и контроль за развитием детей; учет зон актуального, ближайшего и перспективного развития; разработку конкретных программ психологической помощи для оптимальной реализации возраст-

ных возможностей детей; готовность учреждения к приему детей с ОВЗ; оказание квалифицированной консультативной помощи педагогам и родителям; подготовку специалистов дефектологического профиля и др. Наше общество пока не готово к введению интегрированного обучения в систему общего образования, поскольку недостаточно отработаны как нормативно-правовые, так и содержательные аспекты обучения особых детей, не определены их права в отношении получения цензового образования.

Одной из основных проблем интегрированного обучения является недостаточная подготовленность и нехватка специалистов, в частности, практических психологов и педагогов. Полагаем, что в условиях, когда, с одной стороны, наблюдается существенное увеличение количества детей с ОВЗ, а с другой — становится реальностью их интеграция в массовую образовательную среду, особое значение как с теоретической, так и практической точки зрения решения всех выше обозначенных проблем приобретает четкое понимание общей картины развития этих детей, и остаются не выявленными их компенсаторные возможности в направлении совместного обучения и сотрудничества. Вместе с тем, вне поля зрения психологов, изучающих образование детей дошкольного и школьного возраста, имеющих ОВЗ, остается проблема включения этих детей в социум их нормально развивающихся сверстников и психологическое сопровождение этого процесса. Источником этой проблемы в психолого-педагогической науке и практике является определенная рассогласованность между организацией обучения и воспитания детей с ОВЗ и недостаточной подготовленностью психолого-педагогических кадров. Как показывает анализ опыта работы образовательных учреждений, осуществляющих обучение и воспитание детей с ОВЗ, даже те педагоги, которые целенаправленно и сознательно создают условия для развития личности ребенка, не в полной мере обладают необходимыми профессиональными компетенциями к сопровождению этих детей в условиях интеграции в массовую общеобразовательную среду. Психологическую сущность сопровождения процесса развития детей с ОВЗ в условиях инклюзии составляет особая социально-психологическая среда полифункционального детско-взрослого взаимодействия, построенная на принципах сопричастности, сотрудничества, содействия, обеспечения и поддержки в решении проблем инклюзивного образования, которая и может являться основным условием эффективности учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях в целях сохранения психологического здоровья всех субъектов взаимодействия, их полноценного развития и личностного роста. Эффективность психологического сопровождения может быть обеспечена функциональной направленностью, позволяющей осваивать содержательную и технологическую сторону диагностической, коррекционной и развивающей работы.

Третьякова Т.М.

Проблемы готовности к началу школьного обучения

Проблема готовности детей к началу школьного обучения всегда была в центре внимания как отечественной, так и зарубежной психологии развития и возрастной психологии. Разработкой данного вопроса в России занимались в разное время Л.С. Выготский, Л.И. Божович (1968), Д.Б. Эльконин (1978), А.В. Запорожец (1980), Е.Е. Кравцова (1991), И.В. Дубровина (1995), Н.И. Гуткина (1996), Е. Екжанова (1998). Если в России занимались глубокой проработкой теоретических основ данной тематики, то за рубежом акцент ставился на создание универсальных методик диагностики школьной зрелости (Гетцер Г., 1936; Керн А., 1954; Штребел С., 1957; Йирасек Я., 1970 и др.). Не утихает интерес к данной сфере и сегодня.

Важным аспектом изучения готовности к обучению в школе является промежуточная и итоговая диагностика мотивационной и функциональной готовности к регулярным учебным занятиям в подготовительной группе, выявление проблемных сфер, разработка рекомендаций по итогам исследования. На протяжении 4 лет проводилась психолого-педагогическая оценка готовности детей подготовительных групп детских садов к началу регулярного обучения в школе по методике, разработанной Н. Семаго и М. Семаго. Каждый год в исследовании принимали участие 25 ребят, средний возраст которых составил 6 лет 5 месяцев. По итогам диагностики были получены следующие результаты, а именно: в среднем у 50% детей, посещающих подготовительные группы, была зарегистрирована готовность к началу регулярного обучения в школе; у 25% — условная готовность к началу регулярного обучения в школе; у 20% — условная неготовность к началу регулярного обучения в школе; у 5% — неготовность к началу регулярного обучения в школе. При подсчете показателя готовности к обучению учитывались как оценка результативности выполнения заданий (особенности тонкой моторики и произвольного внимания, умения работать самостоятельно в режиме фронтальной инструкции, сформированность навыков пересчета в пределах 9, соотнесение цифры/графемы и количества изображенных фигур, оценка моторных навыков при изображении цифр, определение сформированности понятия «больше-меньше» в ситуации «конфликтного» расположения элементов, оценка сформированности у ребенка звукового и звукобуквенного анализа материала, подаваемого на слух, сформированность графической деятельности, выявление сформированности произвольной регуляции деятельности — удержание алгоритма деятельности, возможности распределения и переключения внимания, работоспособность, темп и целенаправленность деятельности, общая оценка сформированности графической

деятельности, оценка топологических и метрических пространственных представлений, общего уровня развития), так и поведенческие особенности детей в процессе выполнения работы (необходимость в дополнительной помощи, медленная работа, расторможенность и отвлечение других детей от деятельности, отказ или выраженное негативное отношение к самому процессу выполнения заданий, плач, истерика, непонимание происходящего и др.).

Вследствие проведенного подробного анализа было выявлено, что у детей лучше всего развиты навыки пересчета в пределах 9, соотношение цифры/графемы и количества изображенных фигур, моторные навыки при изображении цифр, понятие «больше-меньше» в ситуации «конфликтного» расположения элементов; акцентировать внимание в развитии необходимо на формировании у детей звукового и звукобуквенного представления на слух, графической деятельности, расширении кругозора и знаний о человеке. Таким образом, необходимо отметить, что наблюдается высокий процент детей, которым требуется помощь и с кем должна вестись коррекционная работа, с целью подготовки к началу регулярного обучения и для успешной адаптации к школе.

Тушенкова Н.Н.

Взаимосвязь социальной адаптации и эмоционального развития у дошкольников

Социально-психологическая адаптация детей — очень важная теоретическая и практическая область исследований. Собрано довольно большое количество сведений о том, что различные аспекты психического развития и окружения ребенка связаны с успешностью его социальной адаптации. (Vitaro, Pelletier, 1991; Asarnow, Callan, 1985; Jurkovic, 1980; Coutu, 1989; Perry, Rasmussen, 1986). Проведенные ранее исследования показывают разнообразие факторов, влияющих на способности ребенка адаптироваться. Вместе с тем, нигде эти факторы не рассматривались в системе. Для того чтобы выявить круг параметров развития, наиболее взаимосвязанных с успешной социальной адаптацией ребенка, было проведено исследование. Существует большая потребность в психологическом сопровождении детей, проявляющих признаки социальной дезадаптации. Во многих образовательных учреждениях проводится такая работа, направленная прежде всего на внешние аспекты развития детей. Наибольшее внимание уделяется интеллектуальному, моральному развитию, развитию произвольного поведения, памяти, навыков совместной деятельности (Гуров В.Н., 2003; Симонова Г.И.,

2004; Воробьева О.А., 2005). По мнению автора, не очевидно, что именно эти аспекты развития наибольшим образом взаимосвязаны с успешностью социальной адаптации у детей.

В данном исследовании мы изучаем взаимосвязи характеристик социальной адаптации детей с более широким спектром факторов развития. Кроме интеллектуального развития, произвольного поведения, моральных качеств, были исследованы следующие характеристики эмоционального развития: общее эмоциональное состояние, сформированность позитивных объектных отношений, эмоциональное благополучие/неблагополучие, связанное с важными аспектами воспитания в раннем возрасте, поло-ролевая идентификация. В исследовании приняли участие 178 детей старшего дошкольного возраста и их семьи.

В результате исследования были обнаружены многочисленные взаимосвязи особенностей социальной адаптации и характеристик развития. У мальчиков: наличие эмоционального неблагополучия, связанного с темой раннего вскармливания, сочетается с наличием тревожности, депрессивности, повышенной конфликтности; чем выше уровень тревожности, тем реже проявляются отклонения в поведении; наличие отклонений в мышлении связано с несформированностью положительных объектных отношений к отцу и к себе; эмоциональные проблемы взаимосвязаны с низким уровнем развития произвольного поведения и неадекватной поло-ролевой идентификацией. У девочек: при выраженной отстраненности и депрессивности наблюдается более низкий уровень интеллектуального развития; высокий уровень тревожности и депрессивности сопровождается наличием эмоционального неблагополучия, связанного с темой приучения к горшку и низким уровнем развития произвольного поведения. У мальчиков и девочек: повышенная конфликтность и трудности со вниманием связаны с низким уровнем произвольного поведения; наличие признаков отклонения мышления связано с несформированностью позитивных объектных отношений к матери.

Итак, по результатам исследования можно сделать вывод о том, что успешная социальная адаптация детей старшего дошкольного возраста обуславливается следующими параметрами развития. Наиболее выражена взаимосвязь способности адаптироваться с эмоциональным состоянием, с установлением позитивных объектных отношений, саморегуляцией, эмоциональным благополучием, связанным с аспектами раннего воспитания. У мальчиков старшего дошкольного возраста успешная адаптация наиболее связана с эмоциональным благополучием, связанным с темой раннего вскармливания, отсутствием тревожности, установлением самоконтроля над своими желаниями и импульсами, формированием позитивного образа

отца и самого себя, поло-ролевой идентификацией. У девочек старшего дошкольного возраста успешная социальная адаптация связана с эмоциональным благополучием, связанным с темой приучения к туалету, отсутствием тревожности и агрессивности, развитой саморегуляцией, а также с интеллектуальным развитием. Важным для формирования успешной социальной адаптации и у мальчиков и у девочек является установление позитивного образа матери, благополучные отношения с ней.

*Шлат Н.Ю.
Орлов А.О.*

Психолого-педагогические условия развития этнической идентичности у дошкольников

Этническая идентичность формируется под влиянием ряда факторов, к которым относится, прежде всего, конкретная этническая среда, в которой вырастает человек. Связь этнической идентичности с самосознанием личности означает, с одной стороны, осознание своих связей с данной национальной общностью, а с другой стороны — утверждение своего «Я» в этих связях. Таким образом, этническая идентичность понимается как осознание себя в связи со своей национальной принадлежностью (Очиров Г.Д., 2000). Исследования Ж. Пиаже, Э.К. Сулловой, О.Н. Юденко и других ученых свидетельствуют о том, что первичные представления о собственной этнической принадлежности складываются у ребенка к пяти годам. Это отражается в его личном отношении к миру, конкретной языковой и социокультурной действительности. Так, Ж. Пиаже рассматривал развитие этнической идентичности через становление когнитивных моделей, связанных с понятием «Родина», и этнических чувств, которые являются своего рода ответом на знания об этнических явлениях. В дошкольном возрасте ознакомление детей с родным краем является одним из центральных направлений этнокультурного образования. Взаимодействие педагога с детьми должно осуществляться как увлекательная игровая и проблемно-познавательная деятельность, направленная на решение актуальных, интересных детям практических и интеллектуальных задач, т. к. деятельность дошкольника 5–6 лет является недостаточно дифференцированной и произвольной.

В связи с этим мы считаем, что эффективным средством, способствующим формированию этнической идентичности дошкольника, могут являться логические игры и задачи на материале архитектуры родного города. Логическая задача — это указание на необходимость осуществить определенные действия: сравнить, исключить, продолжить, установить связь

между объектами. Задача сконструирована таким образом, что способ решения — это отношение между условием (условиями) и требованием задачи (что узнать?). Логическая игра, составляющей которой является логическая задача, представлена через игровое начало, игровую задачу, игровые действия и правила. Использование логических игр и задач в работе с детьми старшего дошкольного возраста обосновано тем, что: 1) логические игры и задачи почти всегда носят занимательный характер и этим привлекательны для детей; 2) логические игры и задачи интересны детям эмоциональным содержанием: педагог в ряде случаев может сделать акцент на внешней стороне логических игр и задач и тем самым реализовать принцип единства эмоционального (чувства удовлетворения от восприятия внешней стороны объекта познания) и рационального; 3) в логических играх и задачах реализуется их развивающий потенциал, т. е. обеспечение развития психических процессов в единстве с личностным становлением. Т. к. все познавательные процессы тесно взаимосвязаны, то логические игры и задачи направлены на развитие не только мышления, но и восприятия, памяти, воображения, а также речи. В ходе решения логических задач дети испытывают интеллектуальные эмоции, проявляют познавательный интерес, оказывают предпочтения тому или иному виду логической игры или задачи (Шлат Н.Ю., Орлов А.О., 2012). Изучение дошкольником архитектуры родного города средствами логических игр и задач способствует, с одной стороны, формированию этнической идентичности ребенка, решая задачу этнокультурного образования на этом возрастном этапе; с другой — познавательному и личностному развитию ребенка, поскольку обогащается его активный словарь, развиваются математические представления, совершенствуются сенсорные и логические действия ребенка.

*Янбердина Р.Ф.
Данилова М.В.*

Гендерная идентичность у женщин с нетрадиционной сексуальной ориентацией

Поскольку тема гомосексуализма долгое время была закрыта в России, она оказалась мало разработанной. Отметим тот факт, что подавляющее большинство исследований посвящено изучению нетрадиционной сексуальной ориентации мужчин (И.С. Кон, С. Лазарев, Э. Хукер и др.), поэтому становится весьма необходимым изучение гомосексуальности женщин. В целях реализации задач исследования были использованы следующие методики: авторская анкета (включающая в себя социально-демографические харак-

теристики, вопросы о возрасте осознания гендерной идентичности, о сексуальном опыте, об особенностях предпочитаемого сексуального партнера и др.), методика изучения гендерной идентичности Л.Б. Шнейдер (МИГИ) и опросник С. Бем. В исследовании принимали участие 40 женщин с нетрадиционной сексуальной ориентацией в возрасте от 22 до 30 лет, имеющие сексуальный опыт. Анализ данных анкеты показал, что в детстве большинство (68%) респондентов получили традиционное воспитание по женскому стереотипу. Информация, полученная ими в жизни впервые о нетрадиционной сексуальной ориентации, носила в основном осуждающий характер (97%). Что же касается осознания своей гендерной идентичности, то подавляющее большинство женщин (78%) отметили юношеский возраст — период, в который и возникают реальные сексуальные отношения между партнерами. В основном (53%) предпочитаемым партнером оказывается человек, разделяющий схожие формы поведения и общения с окружающими, 35% респондентов предпочитают более ранимого и женственного по своей натуре партнера, а 12% — предпочитают грубых и напористых женщин, с явными мужскими проявлениями в характере и поведении. Сравнительный внутригрупповой анализ показал достоверность полученных различий ($p \leq 0,01$). Что же касается последствий камин-аута респондентов, то у 33% женщин преобладал феномен «белой вороны», выраженный в негативной уникальности личности; 23% женщин испытали чувство игнорирования окружающими, а 18% — отвержения обществом, и лишь 11% женщин с нетрадиционной ориентацией были приняты их близкими. Однако для 15% респондентов камин-аут стал этапом, когда они смогли принять себя такими, какие они есть. Таким образом, несмотря на то, что воспитание респондентов осуществлялось по традиционному типу, полученная извне информация о сексуальной ориентации носила преимущественно негативный и осуждающий характер, тем не менее, у женщин произошло осознание своей гендерной идентичности, которое привело к поиску партнера — женщины с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Для уточнения полученных в анкете данных были применены методика изучения гендерной идентичности (Л.Б. Шнейдер) и опросник С. Бем. Анализ статусов гендерной идентичности, объединяющей в себе полоролевое поведение и самосознание данной выборки, показал, что респонденты имеют статус достигнутой гендерной идентичности (63%), это свидетельствует о позитивном самоотношении при положительном оценивании собственных качеств и стабильной связи с социумом, а также полной координации механизмов идентификации и обособления. Также анализ показал, что более $\frac{1}{3}$ (38%) женщин находятся в статусе моратория, при котором человек находится в состоянии кризиса идентичности и активно пытается разрешить его, пробуя различные варианты. Статусов преждевре-

менной, диффузной и псевдопозитивной идентичности на данной выборке не было выявлено. Результаты исследования фемининности и маскулинности показали преобладание андрогинных особенностей у женщин с нетрадиционной сексуальной ориентацией (60%).

Таким образом, можно сделать заключение, что женщины проявляют одновременно (необязательно в равной степени) и женские, и мужские качества. У 38% респондентов выражены фемининные качества: повышенная чувствительность, эмоциональность и способность к сопереживанию, лишь у 2% — маскулинные, проявляющиеся в готовности принимать самостоятельные решения, действовать активно, открыто проявлять агрессивность и т. д. Таким образом, результаты исследования показали, что, несмотря на негативное отношение со стороны общества к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией, респонденты обладают личностными ресурсами, позволяющими им принять и сохранить свою идентичность, раскрыть которые помогут дальнейшие исследования в области возрастной и дифференциальной психологии.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

Кердоль А.О.

Психологическое благополучие руководителей

Исследователи в области психологии и других социальных наук сегодня проявляют большой интерес к проблеме изучения особенностей менеджмента и управленческого состава организаций. Изучается феномен лидерства в сфере управления, личностные качества руководителей, психологические особенности менеджеров различного уровня, типы руководства, профессиональное выгорание менеджеров и многие другие вопросы. С другой стороны, в настоящее время активно изучается связь психологического благополучия с различными особенностями личности (смысложизненными ориентациями, самообладанием, локус контролем, стратегиями жизни и т. д.) и ее социальными характеристиками. Психологическое благополучие (душевный комфорт) — это слаженность психических процессов и функций, ощущение целостности, внутреннего равновесия. Психологическое благополучие более устойчиво при гармонии личности и зависит от наличия ясных целей, успешности реализации планов деятельности и поведения, наличия ресурсов и условий для достижения целей (Л.В. Куликов, 2004). Переживание благополучия оказывает непосредственное влияние на эффективность деятельности: чем выше уровень психологического благополучия, тем выше эффективность. Таким образом, актуальность проблемы психологического благополучия в зависимости от личностных особенностей руководителей определяется ее значимостью для решения вопросов конструктивного развития и функционирования личности в руководящей должности, с одной стороны, и недостаточностью теоретических и эмпирических исследований в данной научной области — с другой.

В связи с этим было проведено исследование с целью изучения психологического благополучия в зависимости от личностных особенностей руководителей. Гипотеза исследования: уровень психологического благополучия руководителей определенным образом зависит от их личностных особенностей. А также, несколько частных гипотез:

- Чем выше осмысленность жизни, тем выше психологическое благополучие руководителя.
- Чем выше уровень общей самооэффективности, тем выше психологическое благополучие руководителя.
- Чем выше волевой самоконтроль, тем выше психологическое благополучие руководителя.

Методики исследования:

1. «Тест смысложизненных ориентаций» (Леонтьев, 1992).
2. «Шкала общей самооэффективности» (Шварц Р., Ерусалем М., Ромек В.Г., 1996).
3. «Опросник волевого самоконтроля» (Зверков А.Г., Эйдемман Е.В., 1990).
4. «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф).

Выборка: 60 менеджеров различного уровня из разных компаний: руководители отделов, директора компаний и владельцы компаний. Критерием отбора являлось наличие у руководителя больше двух человек в подчинении. Из них респонденты мужского (35 человек) и женского (25 человек) пола, в возрасте от 23 до 55 лет.

Результаты исследования: — руководители имеют высокий балл по шкале «Осмысленность жизни» — руководители воспринимают процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом; — руководители имеют средний балл по показателю психологического благополучия — эмоциональная насыщенность жизни у женщин больше, чем у мужчин; — чем выше должность, тем больше и осознанней целей в будущем у руководителя; — чем выше должность руководителя, тем в большей степени он осознает себя сильной личностью, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле; — статистически значимых связей психологического благополучия с исследуемыми личностными особенностями руководителей не обнаружено.

Выводы: 1. Руководители имеют наиболее выраженные смысложизненные ориентации «процесс», общий показатель осмысленности жизни высокий; средний уровень самооэффективности; высокий уровень самообладания и средний уровень психологического благополучия. 2. У руководителей-мужчин самооэффективность выше, чем у руководителей-женщин. У руководителей-женщин же выше эмоциональная насыщенность жизни. У вла-

дельцев компаний более четкие цели на будущее, большая осмысленность жизни, чем у наемных руководителей: директоров и линейных менеджеров. 3. Уровень психологического благополучия руководителей связан с их возрастом. Чем в более зрелом возрасте находится руководитель, тем выше уровень психологического благополучия.

Корнеева Я.А.
Симонова Н.Н.

Личностный ресурс и адаптационные стратегии вахтовых работников в контексте индивидуального стиля

Освоение месторождений полезных ископаемых в районах Крайнего Севера и Арктики является приоритетным направлением политики Российской Федерации. Районы Крайнего Севера и Арктики характеризуются экстремальными природно-климатическими факторами и условиями жизнедеятельности, поэтому на этих территориях используется вахтовый метод организации труда. Профессиональная деятельность специалистов вахтовых форм труда в условиях Крайнего Севера предъявляет повышенные требования к созданию условий для физиологической, психологической и социально-психологической адаптации, результатом которой выступают сформированные адаптационные стратегии. По нашему мнению, адаптационная стратегия представляет собой целостное управление работником своей эргатической системой, направленное на поддержание необходимого уровня работоспособности и функционального состояния в процессе выполнения профессиональных обязанностей в различных условиях с сохранением физического и психического здоровья работника и рассматриваемое в течение длительного законченного периода времени. Детерминантами адаптационных стратегий вахтовых работников являются негативные воздействия среды, средовой и личностный ресурсы. Личностный ресурс — совокупность внутренних средств, которыми обладает и которые использует субъект для обеспечения эффективной деятельности и поддержания оптимального функционального состояния в процессе адаптации (Л.Г. Дикая, С.А. Шапкин). Характеристика личностного ресурса в нашем исследовании строится на основе концепции индивидуального стиля деятельности Е.А. Климова и включает: ядро — формально-динамические свойства работников (подвижность-инертность нервных процессов; накопление-расходование ресурсов и т. п.); пристройку к ядру — психологические качества, способствующие эффективному выполнению данной деятельности, базирующиеся на свойствах «ядра» или же компенсирующие их. Ядром личностного ресурса точки

риска работников вахтовых форм труда являются уровень функциональных состояний, наличие/отсутствие акцентуации характера, внешний/внутренний локус контроля, виды и количество регуляторных процессов, уровень саморегуляции, стаж вахтового труда, терминальные ценности работников, т. к. данные факторы влияют на выбор и формирование адаптационных стратегий.

В нашем исследовании приняли участие 297 вахтовых работников нефтегазодобывающего, алмазодобывающего и лесозаготовительного производств в возрасте от 21 до 63 лет (средний возраст 38,9 + 0,61). Личностный ресурс специалистов изучался с помощью методов психологического тестирования, наблюдения и беседы. В результате проведения двухэтапного кластерного и дискриминантного пошагового анализов были определены следующие характеристики ядра личностного ресурса вахтовых работников: достаточно высокий уровень принятия других, умеренные значения уровня субъективного контроля и использование различных способов адаптации, программирование как регуляторный процесс, что позволяет преодолевать негативное средовое воздействие вахтового труда в условиях Крайнего Севера. «Пристройка к ядру» личностного ресурса работников лесозаготовительного предприятия включает общую интернальность и интернальность в области достижения. «Пристройка к ядру» личностного ресурса работников алмазодобывающего производства содержит интернальность в области межличностных отношений и в области здоровья и болезни. «Пристройка к ядру» личностного ресурса работников нефтегазодобывающего производства представлена общей интернальностью, интернальностью в области межличностных отношений и в области здоровья и болезни. Таким образом, личностный ресурс, обеспечивающий эффективность адаптационных стратегий (являющийся одной из координат точки риска) имеет сложную структуру, состоящую из ядра и пристройки.

Медведева Д.С.

Мотивы профессиональной деятельности в условиях неопределенности рынка труда

В современных условиях экономической нестабильности, неопределенности рынка труда в регионах страны наблюдается трудовая миграция молодых специалистов. По мнению исследователей (Зараковский Г.М., Казакова Е.К., 2007), молодежь как специфическая социально-возрастная группа, находящаяся в процессе активного профессионального и социального становления, в силу своих возрастных и психических особенностей

эффективнее приспосабливается к системе рыночных отношений, быстрее включается в нее, чувствует себя увереннее и благодаря этому успешно приобретает новый экономический и социальный опыт. Трудовая мобильность в поисках достойной работы обеспечивает социальные и индивидуальные потребности молодых людей. Но это негативно влияет на демографическую и экономическую ситуацию в российских регионах, снижает образовательный и культурный уровень населения. Регион, затрачивая немалые организационные усилия и финансовые средства на поддержание качественного образования, в конечном счете не получает компенсации этих затрат в виде конкурентоспособных, квалифицированных специалистов, мотивированных на производительную и инновационную деятельность. Исследования трудовой миграции в большей части касаются объективных институциональных (экономических и политических) факторов и последствий. Вместе с тем профессиональная мотивация является тем психологическим фактором, который открывает ресурсную возможность в поиске работы, отвечающей потребностям соискателей.

В исследовании приняли участие молодые специалисты (всего 102 чел.), работающие от 1 до 3 лет в организациях и учреждениях г. Ижевска Удмуртской Республики. Цель проведенного исследования заключалась в изучении трудовой мотивации молодых специалистов в зависимости от уровня удовлетворенности своей работой. Для решения поставленных задач применялись методики: анкета «Социально-психологический климат в коллективе» (А.А. Крылов, С.А. Маничев), «Оценка степени удовлетворенности работой» (М.И. Магура, М.Б. Курбатова), «Интегральная удовлетворенность трудом» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов), анкета «Мотивация» для изучения потребностей работников в своей организации, опросник «Мотивация» В.А. Розанова. В ходе обработки эмпирических данных использовались методы математической статистики: методы описательной статистики (среднее арифметическое, стандартное отклонение), методы выявления значимых различий (критерий Манна–Уитни), кластерный анализ (иерархический агломеративный метод). С помощью кластерного анализа были выделены две группы: удовлетворенных трудом (48 чел.) и с заниженным уровнем удовлетворенности своей работой (35 чел.) В результате использования критерия Манна–Уитни установлено, что в группе удовлетворенных трудом наряду с потребностью в постоянном получении заработной платы обнаружены такие стимулирующие факторы, как «карьера» и «самовыражение» (ощущение максимальной вовлеченности в процесс труда, реализация через свой труд своих способностей). В свою очередь, в группе с заниженным уровнем удовлетворенности работой необходимость в постоянном получении заработной платы и премий дополняется потребностью достижений

в своей профессиональной деятельности (Медведева Д.С., 2013). Более того, результаты кластерного анализа мотивов профессиональной деятельности показали, что кластерная структура мотивов в группе молодых специалистов, удовлетворенных своей работой, имеет четкую иерархию. При этом кластер доминирующих мотивов отличается большей плотностью, где мотив «самовыражения» занимает системообразующую позицию в синергии с другими мотивами. Этот мотив имеет высокую побуждающую силу в профессиональной деятельности, с одной стороны, и в то же время актуализирует другие, потенциальные, мотивы — с другой. В группе неудовлетворенных работой доминирующие мотивы не имеют плотной «упаковки» и разбросаны по всей иерархической структуре мотивов. Допускаем, что стабильность мотивационной структуре молодых специалистов с меньшей удовлетворенностью трудом может придать побудительная сила мотива «достижения» (желание достичь успеха в своей профессиональной деятельности), получившего высокую позицию в ряду стимулирующих факторов. Таким образом, анализ трудовой мотивации молодых специалистов позволит руководителям организаций закрепить их в своих регионах с ресурсной возможностью стать высококвалифицированными трудовыми кадрами.

Никифорова Т.С.

Склонность к прокрастинации в зависимости от особенностей учителей

Современная психология обратила внимание на феномен прокрастинации сравнительно недавно, хотя это явление существует с незапамятных времен. В психологии под термином «прокрастинация» обычно подразумевают сознательное откладывание «на потом» выполнения намеченных заданий или принятия решений, несмотря на то, что это может в дальнейшем повлечь за собой определенные проблемы. Прокрастинация рассматривается как неадекватная стратегия преодоления стрессовых ситуаций. Явление прокрастинации может затронуть любую сферу деятельности субъекта: учебную, трудовую, социальную и бытовую. Исследование прокрастинации обычно проводится с помощью специально разработанных опросников (опросники К. Лэй, Такмена), эмпирическим путем (наблюдение за студентами, сдающими сочинения, и т. п.), а также в процессе клинических бесед и анализа самоотчетов. Разнообразие проявлений прокрастинации и стоящих за ней психологических механизмов предполагает проведение комплексной работы, направленной как на уменьшение негативных последствий откладывания «на потом», так и на глубокую работу с самооценкой прокрастинатора,

с его страхами и стрессустойчивостью. Применение определенных методов в тайм-менеджменте позволяет в большей или меньшей степени снизить уровень прокрастинации и, таким образом, повысить реальную отдачу от труда, что влечет за собой повышение удовлетворенности от деятельности. В частности, используются такие методы, как категоризация использования времени, т. е. разделение своих дел по важности и срочности; планирование дел (составление расписания); распределение усилий, т. е. планирование своих дел и распределение сил, чтобы задуманное было осуществлено без надрыва; управление целями, т. е. выстраивание задач по приоритетам. Основная классификация включает в себя такие виды прокрастинации, как откладывание выполнения заданий и откладывание принятия решений. Активный прокрастинатор стремится к нагнетанию напряжения — откладывание дел до последнего создает остроту момента, связанного с крайней близостью срока завершения работы, из-за чего человек переживает мобилизацию сил, полную концентрацию, повышение активности психических процессов. Пассивный прокрастинатор приступает к выполнению задания только тогда, когда страх перед последствиями невыполнения задания перевесит страх неудачного его выполнения. При наличии привычки к прокрастинации ситуация оценивания приводит к повышению тревожности, вызванной боязнью неудачи и к откладыванию выполнения задания до тех пор, пока страх перед проблемами из-за не сданного вовремя задания не перевесит страх перед неудачным выполнением этого задания. Чувствительные к стрессовым воздействиям люди в большей степени склонны к прокрастинации, с одной стороны, но, согласно альтернативной гипотезе, тревожный человек старается скорее завершить задание, чтобы избежать волнений, которые связаны с приближением срока его сдачи. Анализ возрастной динамики прокрастинации показал, что ее уровень с возрастом снижается. Как мужчины, так и женщины в равной степени подвержены прокрастинации, хотя были выявлены различия в конкретных проявлениях.

Нами было проведено исследование, в котором приняли участие учителя общеобразовательной школы с углубленным изучением предметов естественно-математического цикла. Общее количество выборки составило 30 человек. Цель исследования заключалась в изучении склонности к прокрастинации в зависимости от таких индивидуально-психологических особенностей преподавателей, как мотивация успеха, перфекционизм, тревожность, временная перспектива. По результатам исследования были сформулированы следующие основные выводы. В ходе исследования была обнаружена значимая связь между прокрастинацией и перфекционизмом, ориентированным на других, которому характерна такая черта, как неспособность соблюдать сроки выполнения работы. Была выявлена связь между

прокрастинацией и перспективой гедонистического настоящего, а также перспективой будущего. В ходе исследования было доказано, что меньше одной пятой выборки преподавателей имеют высокий уровень прокрастинации. Установлено различие между группами учителей с разным стажем работы по их склонности к прокрастинации. Так, учителя со стажем работы меньше двадцати лет имеют тенденцию к прокрастинации. Чем выше уровень перфекционизма, тем выше уровень прокрастинации. Также выше уровень ориентации на настоящее, чем выше уровень прокрастинации. Чем выше уровень ориентации на будущее, тем ниже уровень прокрастинации.

Преснякова С.А.

Факторы, обуславливающие приверженность сотрудников к организации

В настоящее время проблема повышения организационной приверженности сотрудников организации является очень актуальной для организаций и компаний. Проблему организационной приверженности в своих исследованиях затрагивали Н. Аллен, Р. Мовдей, Р. Стирс, а также С.В. Голубков, В.И. Доминьяк, М.И. Магура, М.Б. Курбатов, М. Скрыпникова, М.А. Соловьева и др. (Агейкина В.В., 2007). Проблема организационной приверженности рассматривается в различных науках — организационной психологии, социальной психологии, социологии, менеджменте, экономике и др. Организационная приверженность — это психологическое образование, включающее позитивную оценку работником своего пребывания в организации, намерение действовать на благо этой организации ради ее целей и сохранять свое членство в ней. Отсутствие приверженности выражается в отчуждении работника от организации (Занковский А.Н., 2009)

Нами было проведено эмпирическое исследование по изучению степени приверженности сотрудников к организации, а также факторов, влияющих на нее. С этой целью были использованы психодиагностические методики: опросник определения степени приверженности, методика по изучению мотивационного профиля личности Ш. Ричи и П. Мартина, шкала организационной лояльности Дж. Мейера и Н. Аллен (Organizational Commitment Scale — OCS-93), методика диагностики личности «Мотивация к успеху» Т. Элерса. В эмпирическом пилотажном исследовании приняли участие 50 человек, в том числе 40 мужчин и 10 женщин, в возрасте от 23 до 52 лет. Среди них 12% в возрасте от 20 до 25 лет, 64% в возрасте от 25 до 35, 16% от 40 лет, 8% от 45 до 52 лет. Нами изучались факторы, которые обуславливают приверженность сотрудников к организации. Основными факторами, кото-

рые определяют степень приверженности сотрудников к организации, являются: гендерные и возрастные особенности, удовлетворенность профессиональной деятельностью, вовлеченность в деятельность, уровень мотивации, идентификация с организацией и организационная лояльность. Выборочная совокупность включала 80% мужчин и 20% женщин. Среди них 48% с высшим образованием, 46% окончили колледж и 6% с неоконченным высшим образованием. Показатели уровня образования сотрудников положительно коррелируют со степенью приверженности к организации ($r = 0,34$; $p \leq 0,05$). Это обусловлено тем, что более образованные сотрудники имеют больше возможностей карьерного роста и развития в данной организации. Важным фактором, который оказывает влияние на степень приверженности сотрудников к организации, является экономический статус ($r = 0,38$; $p \leq 0,05$), сотрудники, оценивающие свой экономический статус как высокий или средний, в большей степени привержены к организации. Нами была выявлена статистически значимая связь между показателем степени удовлетворенности работой и приверженностью к организации ($r = 0,42$; $p \leq 0,05$). Таким образом, чем выше степень удовлетворенности работой, тем выше степень приверженности организации. Следовательно, руководитель должен заботиться о создании комфортных условий, для того чтобы сотрудник был заинтересован в результатах своего труда. Факторами, обуславливающими степень удовлетворенности работой, а также влияющими на приверженность организации, по результатам нашего исследования являются: гарантированная занятость (30%), стабильный заработок (28%), интерес к работе (16%), возможность карьерного роста (16%), возможность самореализации (10%). Возрастные показатели положительно коррелируют с показателями приверженности к организации ($r = 0,42$; $p \leq 0,05$). Таким образом, чем старше сотрудники, тем в большей степени они склонны проявлять приверженность своей организации. Это может быть обусловлено лучшей позицией в организации и большей удовлетворенностью своей работой. Нами были выявлены статистически значимые связи между показателями вовлеченности в процесс работы организации и наличием идей и предложений по усовершенствованию работы ($r = 0,39$; $p \leq 0,05$), а также с показателем значимости организации для сотрудника ($r = 0,38$; $p \leq 0,05$). Это объясняется тем, что сотрудники, приверженные организации, больше заинтересованы в инновационных, прогрессивных изменениях.

Проведенное нами эмпирическое пилотажное исследование свидетельствует, что организационная приверженность детерминирована следующими факторами: возрастными особенностями, удовлетворенностью профессиональной деятельностью, вовлеченностью сотрудников в деятельность, уровнем профессиональной мотивации.

Чугаева А.В.

Актуальные потребности и мотивы специалистов в сфере информационных технологий

Проблема повышения эффективности деятельности работников является первоочередной для служб управления персоналом любой организации, независимо от сферы выполняемой деятельности. В последнее десятилетие в нашей стране активно развивается область информационных технологий, сотрудники которой становятся объектом пристального внимания организационных психологов. Известно, что эффективное управление работниками возможно посредством изучения их потребностно-мотивационной сферы, выявления актуальных для каждого работника потребностей и доминирующих мотивов и разработке программы использования адекватных инструментов мотивирования.

В рамках представляемого исследования (магистерской диссертации) изучается развивающийся рынок услуг в области информационных технологий (ИТ-технологий). Следует отметить, что спрос на специалистов в этой области достаточно велик, конкуренция высокая, каждая компания хочет получить квалифицированного специалиста и удержать его у себя на более или менее длительный срок. Для этого службы управления персоналом и руководители компаний предлагают самые различные предпочтения таким специалистам, не всегда задумываясь, нужны ли они конкретному работнику. ИТ-специалисты, и прежде всего программисты, разрабатывающие новые программы, обладают творческим потенциалом, способностью полностью погружаться в деятельность, но они достаточно «закрыты» для социального окружения, без выраженных материальных потребностей и стремления к карьерному росту. Следовательно, при разработке программы мотивирования таких сотрудников надо принимать во внимание их профессиональную направленность и стремление к самореализации. Для изучения состояния мотивационно-потребностной сферы ИТ-специалистов было проведено эмпирическое исследование. В исследовании участвовали 90 человек — студенты математико-механического факультета СПбГУ, специализирующиеся в сфере ИТ-технологий, и сотрудники компаний данного профиля; 8 женщин и 82 мужчины, средний возраст испытуемых работающих — 30 лет, студентов — 21 год.

Психодиагностический инструментарий: 1. Методика «Потребности или парные сравнения» В.В. Скворцова; 2. «Мотивационный профиль личности» (автор — В.Э. Мильман), 3. Методика «Возможность реализации мотивов трудовой деятельности» (автор — В.И. Доминьяк). Кроме того, испытуемым предлагалось выбрать из списка наиболее предпочитаемые

материальные и нематериальные поощрения. По результатам ранжирования предпочитаемых поощрений оказалось, что испытуемые хотят: 1. Получать доплаты за высокую результативность труда (4,6 балла, 93%). 2. Полис ДМС, льготы по медицинскому обслуживанию (3 балла, 93%). 3. Предоставление беспроцентной ссуды на жилье и прочее (3,4 балла, 73%). 4. Возможность для самообучения и личностного развития (3,6 балла, 93%). 5. Гибкий рабочий график (3,6 балла, 100%). 6. Профессиональное обучение (3 балла, 86%). Результаты методики «Потребности или парные сравнения» выявили в числе актуальных такие потребности, как: потребность в признании (24,77 балла), в самоактуализации (22,8 балла), материальные потребности (21,17 балла). По данным методики «Диагностика мотивационной структуры личности» оказалось, что у специалистов IT-сферы доминируют мотивация творческой активности (20,06 балла), общения (16,62 балла), социальной полезности (15,05 балла). Были выявлены достоверные различия по шкалам «Социальный статус», «Общение» и «Творческая активность». Это свидетельствует о сформированной у испытуемых рабочей (производительной) мотивации. По результатам методики «Возможность реализации мотивов трудовой деятельности» было установлено, что наиболее значимыми мотивами для специалистов IT являются: удовлетворение от процесса труда (9,2 балла), стабильность (8,9 балла), удовлетворение результатом (8,7 балла).

Таким образом, можно сказать, что у специалистов в сфере IT-технологий имеются определенные закономерности организации потребностной и мотивационной сфер. Как и предполагалось, для них характерно стремление к самореализации, к признанию результатов их труда окружающими людьми, рабочая направленность. Вместе с тем они нуждаются в материальной поддержке для обеспечения творческой активности, разработки новых идей. Данное исследование продолжается в области рассмотрения профессиональных мотивов и потребностей специалистов сферы IT на разных этапах профессионального становления.

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Безьян А.А.

Влияние уровня этноцентризма на принятие дискриминации в различных ситуациях

В ряде работ этноцентризм рассматривается как фактор, дестабилизирующий межэтнические отношения (Султанова Ж.В., 2005), лежащий в основе интолерантных отношений (Безносков С.В., Почебут Л.Г., 2010) и способствующий дискриминации (Стадников М.Г., 2005). Так, М.Г. Стадников, изучая особенности проявления этноцентризма как социально-психологического феномена в формировании межэтнических отношений, приходит к выводу о том, что его уровень прямо пропорционален тенденции к интолерантному поведению и аутгрупповой дискриминации (Стадников М.Г., 2005). В исследовании С.В. Безноскова, Л.Г. Почебут отмечается, что данный феномен способствует оправданию дискриминационных действий в отношении отверженных, представляющих угрозу аутгрупп; вместе с предубеждениями и предрассудками, лежит в основе интолерантного отношения (Безносков С.В., Почебут Л.Г., 2010). Вместе с тем остается недостаточно изученным вопрос влияния уровня этноцентризма на принятие дискриминации, основанной на этнокультурном типе внешнего облика.

Учитывая неразработанность исследований данного направления, целью нашей работы выступило: изучение влияния выраженности этноцентризма на принятие дискриминационного поведения на основе этнокультурного типа внешнего облика в различных ситуационных контекстах. Методы и методики исследования. Методика «Оценка уровня этноцентризма», разработанная J.W. Neuliep & J.C. MacCroskey (Neuliep J.W., MacCroskey J.C., 1997), включает 24 утверждения, касающиеся отношения человека к собственной культуре и другим культурам. В процессе выполнения задания респонден-

там необходимо выбрать меру согласия с представленными утверждениями. Методика «Дискриминационные установки в отношении людей с различными типами внешнего облика» (В.А. Лабунская, А.А. Бзезян) использовалась для определения степени принятия дискриминационного поведения в отношении людей с этнокультурными типами внешнего облика: «славянский тип внешнего облика», «кавказский тип внешнего облика», «азиатский тип внешнего облика». Методика включает 15 ситуаций, где одним из действующих лиц выступает мужчина/женщина, отличающийся типом внешнего облика, другим участником является человек, осуществляющий по отношению к первому дискриминационные действия: исключение, ограничение и предпочтение легли в основу разработанных ситуаций, обозначенных нами как «Оказание услуги», «Прогулка по городу» и «Совместное проживание». Респондентам необходимо выбрать меру согласия с дискриминационными действиями, направленными на человека с определенным этнокультурным типом внешнего облика (показатели степени принятия дискриминации). Для определения взаимосвязи уровня этноцентризма со степенью принятия дискриминации использовался корреляционный анализ Спирмена. Эмпирическим объектом исследования выступили: 96 молодых людей в возрасте 18–28 лет (49 юношей и 47 девушек).

Результаты исследования и выводы. Корреляционный анализ показал, что независимо от ситуационного контекста существуют положительные корреляционные связи между выраженностью этноцентризма и степенью принятия дискриминации в отношении людей, имеющих кавказский тип внешнего облика: чем выше выраженность этноцентризма, тем выше степень согласия с ситуациями дискриминации ($r = 0,371^{**}$, $r = 0,406^{**}$, $r = 0,381^{**}$ при $p < 0,0001$, $r = 0,295^{**}$ при $p < 0,01$). Была выявлена положительная корреляционная связь между выраженностью этноцентризма и степенью принятия дискриминации представителей азиатского типа внешнего облика: чем выше выраженность этноцентризма, тем выше степень принятия дискриминации в ситуации «Оказание услуги» ($r = 0,440^{**}$, при $p < 0,0001$, $r = 0,299^{**}$ при $p < 0,01$), степень принятия дискриминации в ситуации «Прогулка по городу» ($r = 0,342^{**}$, при $p < 0,01$), степень принятия дискриминации женщин в ситуации «Совместное проживание» ($r = 0,212^{**}$, при $p < 0,5$) (между выраженностью этноцентризма и принятием дискриминации, направленной на мужчин азиатского типа внешнего облика в ситуации «Совместное проживание» не было обнаружено связей). Между выраженностью этноцентризма и принятием дискриминационного поведения к представителям славянского типа внешнего облика не было обнаружено значимых корреляционных связей. Таким образом, можно сказать, что вне зависимости от ситуационного контекста уровень выраженности этноцен-

тризма оказывает влияние на принятие дискриминационного поведения в отношении людей, имеющих кавказский и азиатский тип внешнего облика: чем выше уровень выраженности этноцентризма, тем выше принятие дискриминации этнокультурных типов внешнего облика.

Воробьева В.А.

Взаимосвязь мотивации к учебе и статусного положения учащегося в начальной школе

В связи с быстро изменяющимися социально-экономическими условиями и реформированием системы образования в настоящее время трансформируется и мотивация к различным видам деятельности, в том числе и к обучению. Несомненно, в старших школьных классах, в ссузах и вузах мотивация учащихся находится под влиянием большого числа объектов влияния и связана с обретением возможности экзистенциального выбора, однако сам мотивационный комплекс начинает складываться на ранних стадиях вхождения ребенка в эпоху школьного детства. Здесь на первый план выходят основы межличностного взаимодействия, детерминирующего социально-психологическое положение ребенка в группе. На данном возрастном этапе также формируются базисные знания, умения, навыки, которые необходимы для обучения и успешного выполнения учебных задач. Соответственно, изучение мотивации к обучению именно в младшем школьном возрасте представляется наиболее важным и актуальным. Этой тематикой активно занимались западные исследователи (К. Левин, С.Л. Рубинштейн, П.М. Якобсон и др.). Также ее изучением занимаются и у нас (М.Ю. Кондратьев, А.И. Леонтьев, А.К. Маркова, М.Е. Сачкова и др.).

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что особенности мотивации учебной деятельности связаны со статусным положением младшего школьника в структуре межличностных отношений ученической группы. Для доказательства общей гипотезы мы сформулировали две частные гипотезы: 1) существуют различия по видам мотивации у разностатусных учащихся младшего школьного возраста; 2) существуют различия по уровням мотивации у разностатусных учащихся младшего школьного возраста. Для проверки гипотезы было проведено эмпирическое исследование, в котором участвовали ученики 3-х и 4-х классов школ г. Москвы в возрасте 9–11 лет, в количестве 60 человек. В исследовании применялись следующие методики: социометрия, референтометрия, методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе, методика «Неоконченные предложения» М. Ньютона в модифика-

ции А.Б. Орлова, опросник мотивации из программы мониторинга уровня сформированности универсальных учебных действий в начальной школе.

По результатам исследования мотивация на деятельность преобладает у высокостатусных учащихся — 100%, далее у низкостатусных — 88%, и потом только у среднестатусных школьников — 67%, а также данный вид мотивации максимально доминирует во всех статусных слоях, в сравнении с остальными видами мотивации. Данный факт может быть объяснен тем, что в младшем школьном возрасте учебная деятельность — ведущий тип деятельности (Айсмонтас Б.Б., 2004). Было также выявлено, что у всех статусных категорий преобладает мотивация к обучению, где лидеры имеют наивысший процент, потом аутсайдеры, а меньший — среднестатусные. Имеют место быть и другие виды мотивации: ориентация на «значимых других», социальные мотивы и самый меньший процент — мотив на конкретные предметы. Статистическая проверка данных была произведена с помощью X-квадрата Пирсона и были выявлены значимые различия в видах мотиваций у высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных учащихся ($p \leq 0,01$). Высокий уровень мотивации преобладает у лидеров ученической группы — 43%, далее у аутсайдеров — 25%, затем у среднестатусных — 18%. Низкий уровень мотивации преобладает у высокостатусных (наравне с высоким уровнем) — 43%, далее у среднестатусных — 32%, и меньше всего он выражен у низкостатусных учащихся — 12%, что может быть связано со снижением мотивации к приближению окончания младшей школы. Также было выявлено, что у среднестатусных учеников присутствуют все уровни учебной мотивации, а половина из них тяготеет к средним значениям. Были выявлены также достоверные различия между уровнями мотивации и внутригрупповым статусом у лидеров, среднестатусных и аутсайдеров ($p \leq 0,01$). На основании полученных результатов была выявлена взаимосвязь между мотивацией учебной деятельности и интрагрупповым статусом младшего школьника. Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности учителями, т. к. показывают пути минимизации внешней мотивации и формирования внутренней (учебно-познавательной) мотивации учащихся, что способствует более качественной, осознанной учебной деятельности младших школьников.

Гайдай А.С.

Профессиональная ориентация испытуемых как детерминанта эффекта Барнума

В описываемом исследовании изучается так называемый эффект Барнума, демонстрируемый испытуемыми при оценке точности психологиче-

ских портретов, которые они считают составленными специально для них. Описываемое здесь исследование строилось с использованием методов, применявшихся такими авторами, как Б. Форер, Р. Снайдер, Р. Шенкель, и др. в исследованиях эффекта Барнума (Forer B.R., 1949; Snyder C.R., 1976). Подбор исследуемой выборки осуществлялся с помощью классификации профессий Е.А. Климова (Климов Е.А., 1996). Эффект Барнума (он же эффект Форера, эффект субъективного подтверждения) — общее наблюдение, что люди высоко оценивают точность таких описаний их личности, которые, как они предполагают, созданы индивидуально для них, но которые на самом деле неопределенны и достаточно обобщены, чтобы их можно было с таким же успехом применить и ко многим другим людям (Корсини Р., Ауэрбах А., 2006).

Основной гипотезой описываемого исследования является предположение, что профессиональная ориентация испытуемых оказывает статистически значимое влияние на проявления эффекта Барнума. Исследуемой переменной является профессиональная ориентация испытуемых. Необходимо отметить, что имеющиеся результаты, которые в общем виде будут представлены ниже, являются предварительными и могут изменяться по мере увеличения исследуемой выборки и получения нового эмпирического материала. Так, из описанных Е.А. Климовым пяти типов профессий нами пока были исследованы представители только двух типов — социологического (психологи) и технономического (судомеханики). В настоящем исследовании планируется сравнить оценки точности, которыми тривиальные личностные описания (составленные из случайных утверждений о чертах характера и психологических особенностях, то есть имеющие общую суть с астрологическими, нумерологическими и другими подобными описаниями) были охарактеризованы в пяти группах испытуемых, в соответствии с классификацией типов профессий Е.А. Климова.

К настоящему времени готовы результаты лишь по двум группам — представителей социологических (студентов-психологов) и технономических (курсантов-судомехаников) профессий. Обе исследуемые группы обучаются на четвертых курсах в вузах г. Владивостока. Чтобы испытуемые считали предъявленное описание составленным специально для них, предварительно им было предложено заполнить психологический опросник. Именно на результаты прохождения этого опросника ссылались исследователи, когда испытуемым разъяснялось происхождение описания. Предварительные результаты исследования не позволяют говорить о влиянии профессиональной ориентации испытуемых на проявления эффекта Барнума. По результатам проведенного эксперимента был сформулирован предварительный вывод: профессиональная ориентация испытуемых не влияет на восприятие ими тривиальных психологических портретов. В дальнейшем

будут исследованы представители артономических (дизайнеры), сигнономических (математики) и биономических (биологи) профессиональных ориентаций. Также будет расширена выборка уже имеющих групп. Таким образом, вывод о верности либо неверности гипотезы о влиянии профессиональной ориентации на проявления эффекта Барнума еще только предстоит сделать.

*Глуская Н.М.
Чайковская М.В.*

Враждебность и копинг-поведение у хоккейных болельщиков

В данной исследовательской работе была произведена попытка выявить различия между проявлениями враждебности и копинг-поведения у хоккейных болельщиков Республики Беларусь и Чешской Республики. Для этого была выдвинута основная гипотеза о том, что существуют различия в проявлениях враждебности и копинг-поведения у хоккейных болельщиков Республики Беларусь и Чешской Республики. И дополнительная гипотеза — существует взаимосвязь враждебности и копинг-поведения у хоккейных болельщиков. Для подтверждения поставленной гипотезы было проведено эмпирическое исследование враждебности и копинг-поведения у белорусских и чешских хоккейных болельщиков с помощью методик «Диагностика враждебности» (по шкале Кука–Медлей) и «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант А. Крюковой). Статистическая обработка полученных результатов проводилась в программе Statistica 6.0 — методы обработки U-критерий Манна–Уитни и t-критерий Стьюдента. Во время хоккейных матчей зачастую образуются неуправляемые толпы людей, поведение которых приводит к разрушающим исходам, поэтому необходимым является изучение причин, мотивов, закономерностей такого поведения и, соответственно, разработка методик, технологий и рекомендаций по практическому использованию этих закономерностей, контролю, сдерживанию и предотвращению враждебного поведения (Сафонов В.К., 2003). Также необходимо отметить недостаточность разработанности проблемы социально-психологических характеристик болельщиков на теоретическом уровне. Это и обуславливает правомерность выбора данной проблемы в исследовании. В игровых видах спорта, в данном случае хоккее, на игровом поле или площадке в открытом соперничестве встречаются две команды, и определяющим фактором оказывается наличие «мы-чувства», ассоциирующего болельщика с одной из играющих команд и с другими болельщиками этой команды. Поэтому

объединение болельщиков в группы происходит здесь легко и естественно. Образование некоей общности «мы» неизбежно сопровождается осознанием общности «они», откуда уже всего один шаг до открытых проявлений враждебности (Никандров В.В., 2000). Болельщики приходят на стадион, уже обладая неким единым «хоккейным» сознанием, что и определяет общность их эмоциональных реакций. Эмоциональные реакции болельщиков захватывают и нейтральных поначалу зрителей. Происходит это благодаря характерной для толпы особой форме коммуникации — так называемой циркулярной реакции, способствующей усилению эмоций отдельных индивидов и возникновению чувства единства со своими сторонниками. Иногда роль генератора эмоций выполняют лидеры скандирования (Ильин Е.П., 2008). Для болельщиков типична предвзятость оценок «своих» и «чужих». «Местные» патриоты убеждены, что их команда играла лучше, чем соперник, и что проигрыш любимой команды несправедлив, ее просто засудили. Успехи или неудачи любимых спортсменов находят сильное отражение в настроении болельщиков. Неоднократно были зафиксированы агрессивные действия по отношению к болельщикам соперников (Мартенс Р., 1979).

Проведенное эмпирическое исследование показало, что существует взаимосвязь между агрессивностью и поведением, ориентированным на решение задач ($p < 0,05$), на эмоции ($p < 0,05$) и на избегание ($p < 0,05$); а также между враждебностью и поведением, ориентированным на решение задач ($p < 0,0001$), на эмоции ($p < 0,0001$) и на избегание ($p < 0,001$). При проверке основной гипотезы было выявлено, что существуют статистически значимые различия враждебности и копинг-поведения у белорусских и чешских хоккейных болельщиков по следующим шкалам: «Цинизм» — $U = 231,0$; $p < 0,005$ и «Враждебность» — $U = 305,0$; $p < 0,05$.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что хоккейные болельщики Республики Беларусь более подвержены поведению, при котором человек открыто демонстрирует пренебрежение устоявшимися нормами морали ради достижения поставленных перед собой целей; неприязненно относится к тому, с кем человек находится в конфликте; для них характерен недружелюбный характер пристрастного отношения к кому-либо.

Игумнова Н.Ю.

Социально-психологические факторы психологического насилия в семье

Проблема жестокого обращения с детьми на сегодняшний день остается одной из самых актуальных для современного общества, т. к. насилие

над ребенком приостанавливает его психическое развитие, наносит непоправимый вред его личности и обществу в целом (Авдеева Т.Г., 2007). Многоаспектность насилия в семье проявляется в различных формах насилия. На сегодняшний день выделяют три основные формы насилия в семье: физическое, сексуальное и психологическое (Авдеева Т.Г., 2007 и др.). Многие исследователи отмечают, что психологическое насилие является исходной формой насилия, на основе которой возникают физическое и сексуальное насилие (Платонова Н.М., Платонов Ю.П., 2004). Пренебрежению и насилию над детьми способствуют определенные социальные и культурные условия. Семья значимо влияет на становление отношений и всю жизнедеятельность ребенка, т. к. является местом рождения и основной средой обитания ребенка (Хорошенкова А.В., 2005). Успешный опыт взаимоотношений с родителями особенно актуален в подростковом возрасте, т. к. именно в этот период происходит становление личности, формируется готовность к личностному и жизненному самоопределению. Согласно С.К. Нартовой-Бочавер, различные виды насилия в семье включают в себя многообразное содержание нарушений жизнедеятельности ребенка, такие как: воздействие на тело, лишение ребенка личной территории, возможности определять режим жизни и последовательность действий, а также выбирать круг знакомых, систему ценностей и др. Вышесказанные нарушения являются примерами нарушений границ психологического пространства личности, обозначающих пределы личной ответственности и определяющих идентичность человека. Таким образом, мы можем предположить, что нарушение психологической суверенности ребенка родителями, а также особенности взаимодействия детей и родителей являются факторами насилия в семье.

Целью нашего исследования явилось изучение особенностей детско-родительских отношений, психологической суверенности как факторов психологического насилия детей подросткового возраста. Выборку нашего исследования составили 60 человек в возрасте 13–14 лет. В качестве диагностического инструментария выступили: авторская анкета Л.И. Дементий, Н.Ю. Игумновой, направленная на изучение уровня выраженности психологического насилия, опросник «Суверенность психологического пространства» С.К. Нартовой-Бочавер, опросник «Взаимодействие родитель — ребенок» (И.М. Марковская). При статистической обработке полученных эмпирических данных нами были использованы: частотный анализ форм психологического насилия, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, критерий различий Фридмана. Мы выявили, что самыми распространенными формами психологического насилия в семьях подростков являются: игнорирование мнения ребенка (68,9% опрошенных), контроль его социальных связей (47,8%), общение на повышенных тонах (53,3%), физические

наказания и невыполнение обещаний (по 46,6%), наведение порядка среди личных вещей (38,3%), обман (31,7%), предъявление завышенных требований (28,3%), недостаток внимания (23,3%).

Исследование показало, что существует обратная взаимосвязь уровня психологического насилия с параметрами психологической суверенности, а также с такими особенностями детско-родительских отношений, как эмоциональная дистанция — близость, непоследовательность-последовательность. Это свидетельствует о том, что насилие в семье со стороны родителя предполагает за собой нарушение границ психологического пространства личности подростка, причем в семьях с высоким уровнем насилия родители склонны быть непоследовательными и непостоянными в своих требованиях. Существуют социально-психологические особенности у подростков, живущих в семьях с разным уровнем психологического насилия. У подростков с высоким уровнем насилия в семье нарушены границы психологического пространства, семейные отношения характеризуются эмоциональной дистанцией и непоследовательностью родительских требований и неудовлетворенностью подростками отношениями с родителями. У подростков с низким уровнем насилия в семье не нарушена личная автономия, семейные отношения характеризуются близостью, последовательностью, удовлетворенностью отношениями с родителями.

Таким образом, наши предположения о том, что дети из семей с выраженным уровнем психологического насилия отличаются нарушенной суверенностью, а также, напротив, что дети с низким уровнем насилия имеют ненарушенные границы психологического пространства, полностью подтвердились.

Корзун С.А.

Социальная поддержка как копинг-ресурс в ситуации внутриличностного конфликта

В психологии копинг-поведения все большее значение в последнее время приобретает проблема изучения ресурсов, позволяющих личности осознанно и целенаправленно совладать, действовать, прогнозировать жизненные события и результаты своих поступков. Проблема копинг-ресурсов активно разрабатывается как в зарубежной, так и в отечественной психологии (S. Hobfoll, R. Moos, A. Hammer, M. Zeinder, S. Folkman, К.А. Абульханова, В.А. Бодров, Т.Л. Крюкова, Н.А. Сирота, Л.И. Дементий и др.). Так, S. Hobfoll рассматривает копинг-ресурсы через поведенческую активность, ресурсы-состояния, личностные характеристики и энергетические пока-

затели (Hobfoll, 1988). Описывая ресурсный подход к регуляции стресса, В.А. Бодров отмечает, что развитие и реализация ресурсов преодоления служат основным фактором противодействия стрессу. Под ресурсами автор понимает функциональный потенциал, который обеспечивает высокий уровень реализации его активности, выполнения трудовых задач, достижения заданных показателей в течение определенного времени. Исходя из концепции ресурсов, человек способен использовать все возможности для правильного распределения своих ограниченных ресурсов. Как отмечает В.А. Бодров, эффективность использования этих ресурсов зависит от параметров, характеризующих как саму задачу (величина нагрузки) или ситуацию (степень угрозы, ответственности и т. д.), так и возможности человека (Бодров, 2006). В настоящее время приобретает особую актуальность вопрос, касающийся классификации копинг-ресурсов. S. Folkman к копинг-ресурсам относит физические ресурсы (здоровье, выносливость и пр.), психологические (убеждения, самооценка, локус контроля и т. д.), социальные (социальные связи человека и другие виды социальной поддержки человека). Данные ресурсы автор подразделяет на две большие группы: личностные и средовые копинг-ресурсы. С точки зрения S. Folkman, личностные копинг-ресурсы включают ресурсы когнитивной сферы, Я-концепцию, интернальный локус контроля, аффилиацию и др. Ресурсы социальной среды представлены системой социальной поддержки (окружение, в котором живет человек) и социально поддерживающим процессом (умение находить, принимать и оказывать социальную поддержку) (Folkman, 1984). Рассматривая социальную поддержку, принято выделять следующие ее типы:

- эмоциональная или интимная — забота о другом человеке, доверие и сопереживание ему;
- инструментальная или материальная — помощь коллег по работе, финансовая помощь, обеспечение ресурсами;
- обратная связь или поддержка в форме оценки — оценка исполнения после разрешения проблем.

Таким образом, копинг-ресурсы принято рассматривать как систему, состоящую из личностных и средовых средств, которые имеются в наличии в потенциальном состоянии и которые человек может осознанно использовать при необходимости в совладании с трудной жизненной ситуацией (Петрова, 2008). Копинг-ресурс восприятие социальной поддержки является наиболее мощным ресурсом. Социальная поддержка, смягчая влияние стрессоров на организм, тем самым сохраняет здоровье и благополучие человека. Восприятие социальной поддержки рассматривается с позиции защиты человека от возможных кризисных, стрессогенных событий. Она позволяет субъекту приходить к мнению, что его любят, ценят, заботятся о

нем, и что он является членом социальной сети. Исследование восприятия социальной поддержки как копинг-ресурса в ситуации внутриличностного конфликта у студентов педагогического вуза показало, что большинство респондентов получают социальную поддержку от значимых других. При этом обнаружены статистически значимые различия в восприятии социальной поддержки в зависимости от половозрастных характеристик. Так, в ситуации внутриличностного конфликта девушки склонны искать и получать социальную поддержку от значимых других ($p > 0,05$). Юноши, в свою очередь, в ситуации внутриличностного конфликта склонны искать и получать социальную поддержку от друзей ($p > 0,05$). Полученные данные свидетельствуют, что для респондентов характерна склонность к идентификации со значимыми лицами, а также о большом значении, которое приобретает референтная группа в процессе совладания с трудными ситуациями. Таким образом, исследования в рамках ресурсного подхода в психологии совладающего поведения продиктованы необходимостью определения спектра возможных ресурсов, механизма их действия и специфики использования в разнообразных трудных ситуациях.

Мельникова Ю.В.

Образ России в представлениях современной молодежи

Образ страны формируется под воздействием многих факторов, таких как личный жизненный опыт, опыт профессиональной деятельности, влияние близких и значимых людей, средств массовой информации и пр., в том числе и воспитания (Лябухов И.В., 2011.). Целенаправленное гражданское воспитание молодежи накладывает отпечаток на формирование нравственно-правовых ценностей, гражданской позиции, любви к своей Родине, ответственности за ее судьбу (Сластенин В.А., 2002.). Таким образом, гражданское воспитание оказывает влияние на формирование образа страны.

В связи с этим целью исследования является изучение особенностей образа России в представлениях студентов в ситуации целенаправленного и стихийного гражданского воспитания. Выборка исследования составила 55 человек. Из них 30 человек — студенты 3 курса следственного факультета ОмГА МВД РФ и 25 человек — студенты 3 курса факультета психологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. В качестве диагностических методов исследования выступили следующие: анкета из 6 открытых вопросов, позволяющая определить состав компонентов образа России, их достоинства и недостатки, чувства и переживания в отношении России; методика «Семантический дифференциал» Ч. Остуда. В качестве статистических методов

обработки данных использовался частотный анализ, факторный анализ, t-критерий Стьюдента. Наиболее часто в ответах студентов встречаются следующие компоненты образа России: красивая природа, большая территория, коррупция, богатство природных ресурсов, великая история. В особую группу можно выделить представления студентов о русском народе, который предстает глупым, ленивым, злым и одновременно — добродушным, гостеприимным, отзывчивым. Также выяснилось, что студенты-следователи испытывают чувства гордости, любви и патриотизма в отношении России, в то время как студенты-психологи — жалости, печали, грусти и безнадёжности.

По результатам факторного анализа компонентов образа России в представлениях студентов было выявлено 9 факторов: потеря былого величия, бедность Родины, кризис социальных институтов, противоречивый характер русского народа, отсутствие порядка в стране, господство властей, проблемы социальной политики, история России, богатство природы и территорий. Значимые различия в выборках студентов выявлены по трем факторам: «Потеря былого величия», «Господство властей», «История России». Данные факторы представляются наиболее позитивными для студентов-следователей. Первый фактор «Потеря былого величия» связан с представлениями студентов о России как великой державе с богатой культурой, потенциалом, с одной стороны, и с социальным неравенством, подверженностью иностранному влиянию — с другой. Противоречивость фактора может объясняться тем, что перечисленные проблемы России в представлениях студентов мешают превращению страны в сильнейшую державу, какой она может являться. В отличие от студентов-следователей у студентов-психологов нет идеи потенциала развития страны, богатого культурного наследия, они отмечают лишь ресурсный потенциал России, а также определяют ее терминами великой державы, но значительно реже. Второй фактор «Господство властей» в представлении студентов связан с негативным влиянием властей на социальное развитие страны, бюрократией, но с положительным влиянием на создание сильной армии, развитие военного потенциала. Для студентов-следователей, вероятно, этот фактор является наиболее значимым, чем для студентов-психологов в силу профессиональной направленности. Третий фактор «История России» отражает все богатство положительных представлений о культуре, традициях, историческом прошлом России.

Таким образом, студенты-следователи в большей степени ориентированы на воссоздание исторического прошлого России, затрагивая ее величие и силу. Это может быть обусловлено воспитанием студентов в патриотическом ключе. Значимые различия между выборками студентов выявлены по факторам «Сила» и «Активность». Данные различия говорят о том, что пред-

ставления студентов-следователей о России окрашены в более позитивные тона, а также связаны с внутренним напряжением и стремлению к действию. Студенты-следователи в отличие от студентов-психологов вовлечены в проблемы России эмоционально и занимают активную позицию по отношению к ним. Таким образом, по сравнению со студентами-психологами студенты-следователи положительно относятся к России, готовы к взаимодействию, защите ее интересов, что может являться следствием целенаправленного гражданского воспитания студентов.

Синельникова Е.С.

Социальные представления голландских студентов о взаимодействии в конфликтах

Важной составляющей современного образования является получение международного опыта. В наши дни студенты и аспиранты СПбГУ и других ведущих вузов России имеют возможность принять участие в программах обмена и пройти стажировку в иностранном университете. Стажировка предполагает не только получение новых знаний о современных концепциях и методах исследования, но и интенсивное взаимодействие с представителями других культур. В частности, образовательные программы Нидерландов в качестве одного из основных принципов обучения выдвигают интерактивность и вовлеченность студентов в образовательный процесс. Данный принцип предполагает участие студентов в дискуссиях, подготовку совместных проектов. Конфликты являются неотъемлемой составляющей любого взаимодействия (Гришина Н.В., 2000). Конфликт с представителем другой культуры может иметь серьезные последствия для участников взаимодействия. В случае его деструктивного разрешения у обеих сторон может сформироваться негативное представление не только о партнере, но и о нации в целом. Кроме того, стратегии взаимодействия в конфликте, которые воспринимаются представителями одной культуры как эффективные, могут восприниматься в другой культуре как деструктивные.

Цель настоящего исследования: изучить социальные представления голландских студентов об эффективном взаимодействии в конфликтах. Голландская культура является индивидуалистической культурой с низкой дистанцией власти (Hofstede G., 2001). Е.В. Сидоренко отмечает, что скандинавские культуры, к которым голландская культура достаточно близка, являются моноактивными культурами (Сидоренко Е.В., 2008). Мы предполагаем, что голландские студенты предпочитают применять в деловом взаимодействии стратегии, ориентированные на решение проблемы. В то же

время в личном взаимодействии голландские студенты более высоко оценивают стратегии, ориентированные на партнера. Также мы предполагаем, что, несмотря на низкую дистанцию власти и в соответствии с положением Г. Триандиса (*Triandis G.*, 2000), что вышестоящий партнер воспринимается в культуре с низкой дистанцией власти как более компетентный, голландские студенты проявляют больше уважения к вышестоящему партнеру, нежели к равному партнеру. В исследовании были использованы следующие методы: кейсы конфликтных ситуаций, опросник «Эмоциональный интеллект» (*Schutte N.S. et al.*, 1998), сценарный опросник «Культурные измерения» (*Triandis H.C., Gelfand M.J.*, 1998). Кейсы конфликтных ситуаций представляют собой краткие описания четырех конфликтных ситуаций, различающихся по двум параметрам: дистанция власти (конфликт с равным или вышестоящим партнером), тип отношений (конфликт в деловых или личных отношениях). В деловых отношениях респондентам были предъявлены следующие кейсы: конфликт с коллегой и конфликт с руководителем. В личных отношениях респондентам были предъявлены кейсы: конфликт с лучшим другом и конфликт с родителями. Испытуемых просили проанализировать кейсы и определить, насколько эффективными, на их взгляд, являются предлагаемые стратегии взаимодействия в конфликте.

В исследовании применялись следующие методы статистической обработки данных: дисперсионный анализ (ANOVA Repeated Measures, Multi-Factor ANOVA) и корреляционный анализ. В исследовании приняли участие 64 человека (50% мужчин, 50% женщин) студенты университета Рэдбауд и жители г. Неймегена в возрасте 17–37 лет. Средний возраст участников исследования: 21,15 лет. Все респонденты родились в Нидерландах и считают голландский язык своим родным языком. В исследовании были получены следующие результаты. Стратегии «Признание чувств и целей партнера», «Обвинение партнера» оцениваются голландскими студентами как более эффективные в личных отношениях, нежели в деловых отношениях. Стратегии «Разделение с партнером чувств, которые вызывает ситуация», «Уточнение позиции партнера», «Предложение конструктивного решения проблемы» оценивались голландскими студентами как более эффективные в деловых отношениях, нежели в личных отношениях. Кроме того, стратегии «Признание чувств партнера» и «Предложение конструктивного решения проблемы» оценивались как более эффективные в конфликте с вышестоящим партнером, нежели в конфликте с равным партнером. Таким образом, были подтверждены гипотезы исследования. Проведение исследования в России позволит выявить общие черты и различия в представлениях голландских и российских студентов об эффективном взаимодействии в различных конфликтных ситуациях.

Суворова О.В.

Карякина С.О.

Гендерные аспекты этнической толерантности и этнической идентичности подростков

Проблемы трудовой миграции, межэтнических взаимодействий и межэтнической интеграции становятся все более актуальными для современной России. Решение этих сложных проблем лежит в мультидисциплинарной плоскости и требует всестороннего изучения как специалистами в области политики и права, так и социологами, лингвистами, педагогами и психологами. Психология предлагает свои ключи к решению — это ранняя адаптация детей трудовых мигрантов к российской школе; обучение русскому языку и культурным традициям; развитие толерантности и позитивной этнической идентичности (Н.М. Лебедева, Н.К. Радина, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, А.Н. Татарко и др.).

В данной работе представлены результаты исследования гендерных особенностей этнической идентичности и толерантности подростков из групп этнического большинства и этнического меньшинства. Выборка включала 45 учащихся 8-х и 9-х классов школ г. Нижнего Новгорода. Из них девочек — 23, мальчиков — 22, русских — 34; полиэтническая группа включала азербайджанцев, грузин, таджиков, украинцев, чувашей, марийцев, немцев (всего 11 человек). Исследование толерантности с помощью опросника Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаева, Л.А. Шайгеровой «Индекс толерантности» у подростков из групп этнического большинства и меньшинства показало, что и в первой и во второй выборках преобладает средний уровень толерантности (мальчики и девочки этнического большинства — 62,87/70,8; мальчики и девочки этнического меньшинства — 73,29/76,25). Редко встречается низкий уровень толерантности, высокого уровня в данных выборках обнаружено не было. Это может быть связано с тем, что в подростковом возрасте происходит кризис идентичности (по Э. Эриксону), который может проявляться, в том числе, и в интолерантности по отношению к другим группам людей. В целом по обеим группам подростков среднее значение составило 69 баллов, что является индикатором среднего уровня толерантности. Наиболее высокие уровни толерантности были обнаружены у девочек как из этнического меньшинства (76,25), так и из этнического большинства (70,8). Мальчики из этнического меньшинства показали существенно более высокие значения общего индекса толерантности, чем мальчики из этнического большинства (73,29/62,87). Статистически значимые различия найдены в уровне толерантности у мальчиков из групп этнического большинства по сравнению с показателями толерантности девочек,

а также мальчиков из групп этнического меньшинства (U-критерий Манна-Уитни, $p = 0,05$). Более высокую толерантность у представителей этнического меньшинства можно объяснить необходимостью адаптации личности в новых культурно-образовательных условиях, более активным процессом межэтнического взаимодействия, полиэтничным характером общностей. Анализ результатов по отдельным шкалам толерантности показал, что у всех подростков наиболее низкие показатели дает шкала межэтнической толерантности. При этом у мальчиков и девочек этнического большинства эти показатели наиболее низкие (19,53/21,90), что является критерием низкого уровня толерантности. У подростков из группы этнического меньшинства толерантность несколько более высокая (25,3/23,3). Далее с помощью опросника Г.У. Солдатовой «Типы этнической идентичности» было выявлено, что у большей части участников исследования преобладает позитивная этническая идентичность. Наиболее часто позитивная этническая идентичность встречается у мальчиков из группы этнического меньшинства (86% группы); немного реже у девочек из группы этнического меньшинства (75% группы); незначительно реже у девочек из группы этнического большинства (74%); наиболее редко у мальчиков из группы этнического большинства (60%), что обнаруживает сходную тенденцию с особенностями последовательности средних значений толерантности у подростков.

Таким образом, исследование этнической идентичности и толерантности у подростков из групп этнического большинства и меньшинства позволило выявить гендерные особенности, а также выраженную тенденцию к взаимосвязи позитивной этнической идентичности и межэтнической толерантности подростков в условиях полиэтничной среды.

Тимошина И.Н.

Гендерная специфика статусных отношений в подростковом возрасте

Вопрос формирования статусной структуры группы является одним из основополагающих для социальной психологии. Особой актуальностью отличаются исследования, посвященные изучению статусных позиций в группах учащихся подросткового возраста. На этом возрастном этапе наиболее сильное влияние на личностное развитие оказывают отношения, возникающие в референтной группе (Петровский А.В., 1987; Кондратьев М.Ю., 1997; Лишин О.В., 1997; Urberg К.А., 1998 и др.). Выступая субъектом межличностных отношений, человек также включается в систему гендерных отношений. Таким образом, одним из значимых факторов формирования статусной позиции в группе являются гендерные характеристики: гендерная

идентичность члена группы, гендерные стереотипы, специфика распределения гендерных ролей, а также гендерные представления. Именно гендерные представления, понимаемые как взгляды, утверждения и объяснения относительно распределения ролей и статусных позиций мужчин и женщин в обществе, являются основой регулирования гендерных отношений. Исследования показывают, что подростковый возраст является ключевым возрастным этапом принятия гендерных ролей и формирования гендерных стереотипов в первую очередь на основе взаимодействия со сверстниками (Кон И.С., 2001; Alfieri L., 1996; Feiring C., 1999 и др.). Многими исследователями получены данные, свидетельствующие о преобладании андрогинности и недифференцированности как в оценке гендерной идентичности подростков, так и в их представлениях о гендерных группах (Каган В.Е., 1989; Араканцева Т.А., 1999; Радина Н.К., Терешенкова Е.Ю., 2006 и др.), что объясняется незавершенностью процесса формирования гендерных характеристик. Другими исследователями отмечен всплеск гендерно-типизированного поведения подростков (Lobel T., Nov-Krispin N., 2004; Kenneavy K., 2008, Clemans К.Н., 2010 и др.). Авторы объясняют это тем, что только тот человек, который способен в подростковом возрасте принимать на себя жесткие гендерные роли (ярко выраженную маскулинность или феминность) и распознавать гендерные роли других, может в дальнейшем развивать независимое от гендерных стереотипов поведение. Эти противоречивые данные подчеркивают актуальность исследования гендерных характеристик в подростковом возрасте.

Одной из задач нашего исследования стало изучение особенностей гендерных представлений подростков о лидерах и аутсайдерах. Основная гипотеза исследования: гендерные представления о лидере и аутсайдере в подростковых учебных группах имеют качественные различия, проявляющиеся в приписывании им различных по типу гендерных ролей. Выборку исследования составили 138 учеников 6–8 классов общеобразовательных школ г. Москвы. Был использован комплекс методов: социометрия, референтометрия, методический прием определения неформальной структуры власти, опросник С. Бем.

Нами были получены результаты, отражающие проявление гендерного стереотипа относительно образа лидера: представления о лидере (в сравнении с представлениями о себе) содержат более выраженные маскулинные качества. Подтверждением данного факта является также то, что характеристику «мужественность» в образе лидера в исследовании отметили 54% учащихся, а «женственность» — лишь 13% подростков. Кластерный анализ качеств, с помощью которых подростки описывали лидера, показал, что наиболее выбираемыми являются такие «маскулинные» черты, как «вера в

себя», «сильная личность», «способность к лидерству», «быстрое принятие решений». При этом анализ результатов реальных членов различных статусных категорий показал, что с понижением статусной позиции увеличивается количество учащихся с маскулинной гендерной идентичностью, в то время как процент подростков с андрогинной и феминной гендерной идентичностью снижается. Это означает, что при реальном формировании статусной композиции группы подростки с выраженными маскулинными чертами личности скорее окажутся в группе аутсайдеров, нежели чем лидеров и среднестатусных. Существующее рассогласование между качествами, приписываемыми образу лидера, и качествами, свойственными реальным лидерам группы, подчеркивает значимость исследуемой проблематики, затрагивая вопрос развития социального интеллекта, влияющего на процесс построения межличностных отношений. Данные результаты требуют уточнения в первую очередь за счет выявления представлений об аутсайдере группы, а также различия представлений о лидере и аутсайдере как членах конкретной ученической группы и как представителях более широких социальных структур.

Тихомирова Т.С.

Взаимосвязь социометрического статуса с самооценкой у учащихся младших классов

В связи с переходом в современном обществе на новую модель образования, ориентирующуюся на личность ребенка, особое значение приобретают исследования факторов, влияющих, в первую очередь, на систему отношений «ученик — ученик» и «ученик — учитель». Одним из таких факторов, несомненно, выступает самооценка личности. Как известно, самооценка проявляется на двух уровнях — осознанном (эксплицитный тип) и неосознанном (имплицитный тип).

В качестве гипотезы нашего исследования мы выдвинули предположение о том, что существуют различия в имплицитном типе самооценки у разностатусных учащихся младшего школьного возраста, тогда как в эксплицитном типе самооценки различий нет. Надо отметить, что данная проблематика актуальна и востребована не только в современном российском обществе, но и прослеживается в целом ряде зарубежных исследований (*Dobbins G.H., Platz S., 1986; Fiedler F., 1986; Fielding K.S., Hogg M.A., 1997* и др.). Для того чтобы обнаружить такого рода взаимосвязи, было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие ученики 3-х и 4-х классов средних общеобразовательных школ г. Москвы в возрасте 10–11 лет

в количестве 86 человек. В исследовании применялся комплекс социально-психологических методик: социометрическая процедура, методика Дембо — Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан для исследования самооценки, а также методика косвенного измерения системы самооценок «КИСС». Для статистической обработки результатов был использован t-критерий Стьюдента, критерий X-квадрат и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования показали, что 75% высокостатусных учащихся имеют низкий уровень самооценки. Этот процент выше, чем у низкостатусных (64%), и несколько меньше, чем у среднестатусных школьников (78%). Если говорить о среднем уровне самооценки, то здесь показатели следующие: 25% у высокостатусных, 6% у среднестатусных и 21% у низкостатусных детей. Высокостатусные учащиеся практически не характеризуются высоким уровнем самооценки, тогда как у среднестатусных и низкостатусных этот показатель выше (17% и 14% соответственно). Данные были проверены с помощью X-квадрата Пирсона и выявлено, что существуют значимые различия между распределением уровня самооценки у высоко-, средне- и низкостатусных учащихся (уровень значимости $p \leq 0,01$). У низкостатусных учащихся был выявлен самый низкий процент по показателю заниженной самооценки, а также средние показатели по среднему и высокому уровням самооценки. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что аутсайдеры склонны субъективно завышать свое положение, что может объясняться механизмом психологической защиты и нежеланием осознавать себя учащимися, пребывающими в неблагоприятной позиции в группе. Другими словами, данный факт является своего рода отражением нереалистичного (неадекватно завышенного) представления о себе, что было показано в исследованиях других авторов (*Сачкова М.Е., 2011*).

По результатам исследования, высокостатусные учащиеся не показывают высокого уровня самооценки, т. е. нет прямой корреляции между выраженностью самооценки и социометрическим статусом в группе. Статус в группе не определяется только самооценкой, на него влияют и другие переменные. Таковыми может выступать уровень конформности, коммуникативная компетентность (т. е. социально-психологические по своей природе признаки) и внешняя привлекательность, физические особенности развития (индивидуальные переменные). Таким образом, высокий статус достигается за счет целого спектра как личностных, так и групповых переменных и не сводим только лишь к уровню самооценки. Итак, полученные данные дают нам возможность утверждать, что существуют различия между уровнями подлинно переживаемой самооценки (имплицитный тип) и социометрическим статусом. Что касается эксплицитного типа самооценки, то результаты нашего исследования показали отсутствие ее взаимосвязи

с социометрическим статусом. Данное положение можно объяснить тем, что этот тип самооценки позиционируется ребенком больше в вербальной форме, нежели в действиях. Это подтверждают исследования И.А. Борисовой, в которых указывается, что осознаваемая и вербализуемая самооценка зачастую не совпадает с самооценкой неосознаваемой (Борисова И.А., 2007). Это может означать, что дети в действительности могут быть не удовлетворены собой, испытывать состояние эмоционально-личностного дискомфорта, их неосознанные переживания по поводу своей успешности и эмоциональное отношение к себе могут существенно расходиться с самооценкой на уровне сознания.

Тихонов Р.В.
Андреев И.А.

Модерация и игрофикация групповой работы

В групповой работе существуют координационные и мотивационные потери. Для устранения таких потерь и уравнивания групповой динамики могут применяться различные методы. Традиционным методом является модерация — направляемый структурированный процесс группового взаимодействия. Однако часто присутствие человека, который проводит модерацию, по тем или иным причинам невозможно. Именно в таких ситуациях проблема мотивационных потерь встает особенно остро, например, в виртуальных командах (Орлова Т.Е., 2006).

Анализ современных исследований (Moradian M.A. et al., 2012; Domínguez A. et al., 2012) показал, что эти проблемы могут быть решены с помощью «игрофикации» (от англ. «gamification») — метода, который направлен на повышение вовлеченности человека в неигровую деятельность с помощью использования элементов игрового дизайна. К таким игровым элементам относятся: игровые баллы, символические награды, визуализация прогресса, игровой сюжет, уровни мастерства, виртуальные ресурсы и др. Если модерация используется исключительно для повышения эффективности коммуникации и взаимодействия в группе, то игрофикация охватывает более широкий контекст и применяется в сфере информационных технологий (например для повышения вовлеченности пользователей), в маркетинге, в управлении персоналом, в образовании, а также для регуляции поведения людей при решении социально значимых задач.

Нами было проведено исследование с целью изучения влияния элементов игрового дизайна на эффективность и динамику групповой работы. В ходе четырех пилотажных исследований, в которых участвовало 9 групп

по 4–6 человек (всего 48 участников) была разработана и апробирована процедура модерлируемого группового решения проблемы без участия модератора. Она включала следующие этапы: 1) знакомство участников; 2) создание модели проблемной ситуации; 3) модель желаемой ситуации; 4) генерация идей; 5) развитие идей; 6) подготовка и экспертиза проекта решения; 7) подготовка презентации проекта. Эти этапы были разработаны на основе логики формирования групповых когнитивных продуктов по модели Л.В. Марарицы (2007). На каждом этапе использовались различные модерационные техники, описанные в инструкциях участников, бланки для самооценки результатов и другие материалы.

Выборку основного исследования составили 56 студентов, разделенных на 12 групп по 4–6 человек. Из них 7 групп работали с включением игровых элементов в структурированную групповую работу, а другие 5 групп работали без игрофикации, но с сохранением тех же технологий решения проблемы. Каждой группе было отведено ровно 180 минут на прохождение всех этапов и создание группового проекта решения комплексной проблемы, касающейся жизни студентов.

Различия между контрольной (КГ) и экспериментальной группой (ЭГ) заключались в наличии или отсутствии следующих игровых элементов. «Карта игры», находившаяся на столе перед участниками группы, обеспечивала визуализацию прогресса работы. Соревновательный эффект достигался за счет «турнирной таблицы» и «звездочек», которые выдавались после каждого этапа, в зависимости от самооценки командой своей успешности. Также использовался «банк времени», который позволял обменивать игровые купюры на дополнительные минуты для выполнения задания, и таймер обратного отсчета.

Основные результаты: 1) в ЭГ продуктивность участников на этапе генерации идей статистически достоверно выше, чем в КГ ($p < 0,01$); продуктивность на этапе анализа причин проблемы также выше в группе с игрофикацией, но эти различия не являются статистически значимыми; значимых различий в качестве результатов, а также в удовлетворенности групповой работой получено не было; 2) структурированное наблюдение (анализ видеозаписей) показало, что участники группы с игрофикацией больше следили за временем: количество высказываний, касающихся времени, на всех этапах было выше в ЭГ, чем в КГ ($p < 0,05$) для большинства из этапов; вербальная активность в ЭГ была выше, чем в КГ; количество проявлений смеха и юмора в КГ было выше, чем в ЭГ, что можно объяснить необходимостью эмоциональной разрядки или тем, что в группе без игрофикации эмоциональный план выходит на первое место, оттесняя деловой план. Таким обра-

зом, основная гипотеза о позитивном влиянии игрофикации на вовлеченность участников в работу группы подтвердилась частично.

В заключение отметим, что игрофикация групповой работы по решению проблемы может быть выполнена только на основе процедуры модерации, которая обеспечивает высокую структурированность группового процесса.

Шарок В.В.

Особенности межличностных отношений личности, склонной к рискованному поведению

Актуальность исследования рискованного поведения обусловлена его высокой распространенностью, особенно среди молодежи. Употребление наркотиков и алкоголя, беспорядочные сексуальные связи приводят к негативным социальным последствиям и способствуют распространению ВИЧ-инфекции. Одним из факторов, способствующих распространению рискованного поведения, являются проблемы в межличностных отношениях. При этом появление рискованного поведения как ответа на неблагоприятную ситуацию может усугубить уже существующие проблемы.

Объект исследования: 437 человек в возрасте от 15 до 35 лет, которые были разделены на 3 эмпирические группы в зависимости от свойственного им вида рискованного поведения: употребляющие наркотики, алкоголь и практикующие рискованное сексуальное поведение. Соответственно, по отношению к каждой группе были выделены 3 контрольные группы. Большинство авторов, исследующих проблему рискованного поведения, отмечает, что его причины в неправильных взаимоотношениях человека с окружающими его людьми и общественными институтами. Индивидуальные психофизиологические особенности личности способствуют или же препятствуют возникновению рискованного поведения. Под влиянием социальных факторов у человека может происходить деформация личности, формироваться неадекватная система ценностей, снижаться уровень притязаний, проявляться опустошенность, приводящая к отверженности. К межличностным, в частности к семейным, факторам рискованного поведения относятся особенности взаимоотношения с близкими людьми и членами семьи: низкий уровень информированности родителей о проблеме, семейное неблагополучие, отстраненность родителей от своих детей, неумение родителей создать в семье благоприятный психологический климат, а также наличие у членов семьи или друзей рискованного поведения. Лицам, склонным к рискованному поведению, свойственно менее значимое отношение к близким людям. Особенно сильно это проявляется у лиц, употребля-

ющих наркотики, поскольку, с одной стороны, их употребление может быть вызвано проблемами с близкими людьми, а с другой стороны, эти проблемы уже могут быть следствием употребления, т. к. наркотик постепенно вытесняет все остальные ценности и интересы. Лица, употребляющие наркотики, не считают, что способны вызвать у других людей уважение, симпатию, одобрение и понимание. Такое самоотношение свидетельствует о наличии внутренних конфликтов, сомнений, несогласия с собой, тревожно-депрессивных состояний, сопровождаемых переживанием чувства вины. Лица, употребляющие алкоголь, отмечают, что могли бы отказаться от употребления алкоголя ради кого-то из близких, если они попросят. Отношения в семье становятся важны, если из-за употребления алкоголя их благополучие будет находиться под угрозой. При этом, по факту, желание употреблять психоактивные вещества настолько велико, что не сдерживается ни опасениями за здоровье, ни возможными уговорами близких людей или значимостью отношений с ними. Лица, склонные к рискованному поведению, реже находятся в браке или имеют постоянного партнера. Семейная жизнь во многом противоречит рискованному поведению, т. к. связана с ответственным отношением не только к себе, но и к своей семье. Большинство лиц, склонных к рискованному поведению, особенно тех, кто употребляет наркотики, не интересуется созданием семьи и отношениями с близкими людьми. Негативная оценка семьи, в которой они росли, свидетельствует об отсутствии ценности семьи как таковой и накладывает отпечаток на отношения с людьми противоположного пола. Когда семья и отношения не представляют ценности, человек может чувствовать себя одиноким. Такое состояние связано с ощущением пустоты и безнадежности. В качестве восполняющей эти пробелы иллюзии человек может выбрать наркотики, которые впоследствии заменят все, что когда-то представляло хоть какую-нибудь ценность, или в качестве компенсации будет вступать только в поверхностные и безответственные отношения.

Таким образом, личность, склонная к рискованному поведению, формируется под влиянием неблагоприятных межличностных отношений. Такой личности свойственны асоциальные установки и отрицание значимости экзистенциальных ценностей, что усугубляет и без того неблагоприятные межличностные отношения.

Научное издание

**ПСИХОЛОГИЯ XXI ВЕКА:
ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО**

Материалы XVII международной научно-практической
конференции молодых ученых
17–19 апреля 2014 года

Корректор — Татьяна Добриян

Оригинал макет — Елена Кузьменок

Подписано в печать 14.04.2014. Формат 60×90 1/16.

Усл. печ. л. 15,25. Заказ № 2608

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Скифия-принт».
197198, Санкт-Петербург, Б. Пушкарская ул., д. 10
www.skifia-print.ru